

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

СОЛОВЬИ МОНАСТЫРСКОГО САДА

Р о м а н

Тбилиси
2005

УДК 882-31
Г-31

© Гелхвидзе Самсон Прокофьевич, 2005

ISBN 99940-0-373-9

ПОСВЯЩАЕТСЯ

светлой памяти моей матери
ЭТЕРИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
КУРДАДЗЕ

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада - в любви.

Игорь Северянин

ЧАСТЬ 1

I

- Любит, не любит, любит не любит, встречу не встречу... не встречу!- отлетел последний лепесток пахнущей свежей зеленью желто-белой ромашки.

Носик с горбинкой вдруг сморщился и уныло подтянул губку. Хрупкие тонкие ручки собрались откинуть в сторону длинный зеленый стебель растерзанного цветка, но светло-голубые глаза заметили карабкающуюся по нему вверх красную божью коровку.

- Ой,- скользнула по губкам улыбка,- откуда ты здесь взялась?

Путь букашке преградил правый мизинчик, она охотно и без особых колебаний взобралась на него, долго и беспечно сновала по изящным тонким пальцам, порой замирала и с любопытством всматривалась в линии на ладонях.

- Может, хоть ты скажешь что-то определенное? - шепнула девушка застывшей между линиями жизни и любви посланнице неба.

- У тебя красивые руки и пальчики, - словно послышалось ей в ответ, - такой будет и твоя жизнь.

- О-о,- снова улыбнулась девушка. - Ну, ладно, полно тебе любоваться ими. Лети себе с миром.

Она вытянула левую ладошку вперед и растопырила пальцы.

Божья коровка долго копошилась на стиге среднего пальчика и не торопилась слушаться его обладательницу.

- Твои ноготки такого же цвета, как я!

- У-у,- улыбнулась та,- и ты только сейчас это заметила?- И подумала: «Неплохая мысль, нужно нанести на них еще и черные крапинки?»

- Эка, Эка,- раздался неподалеку голос подружки девушки, - поди сюда, погляди, каких мы с Владиком набрали цветов.

- Ну, ладно тебе,- действительно бросила Эка коровке, - лети! Слышишь, меня зовут. Нужно идти.

Красная точка пару раз крутанулась, резко взмылила вверх и понеслась.

Девушка долго смотрела ей вслед, понемногу теряя из виду:

- Счастливого полета!

- Эка, это тебе,- послышалось за спиной, вслед за чем показалась протянутая рука юноши с огромным богатым букетом полевых цветов.

- Спасибо, - вдохнула Эка свежести и благоуханности.

- Нравится?

- Чудесно!

- Вот эти под цвет твоих глаз, а эти - губ.

Эка задумалась, должно быть, размечталась,

Очнулась, почувствовав нежный несмелый поцелуй.

- Леван, рехнулся?

- А что?
 - Чего это вдруг?
 - Это не вдруг,- покраснел Леван,- я ведь люблю тебя, Эка...
 - Ага, здрастье, приехали! - воскликнула Эка.- Когда на носу сессия.
 - А при чем тут сессия?
 - А при том, что все эти сентименты мешают и тормозят дело.
 - Эка, Леван! Скорее! Ну, сколько можно вас ждать?! - послышался уже голос Владика.
 - Ну, пошли! И выкинь из головы эти глупости! Слышишь?!
- Домой с горки Эка вернулась под вечер раздумывавшаяся, загоревшая и очень усталая.
- Где ты мотаешься целый день? - ехидно поинтересовалась у нее сестра.
 - А тебе что?! - огрызнулась Эка.
 - Небошь, опять со своим Леванчиком?
 - Да пошла ты!
 - Эка, что за обращение с родной сестрой! - возмутилась их мать.
 - А пусть не язвит и не завидует!
 - Ах, ты, дрянь!
 - Ната, ты что?!
 - Вот видишь, мама! А ты мне не верила.
 - Девочки, нельзя же так! Вы родные сестры.
 - Ма, горячая вода в баке есть? - поинтересовалась Эка.
 - Нет! Ната только что выкупалась.
 - Будто не знала, что я вот-вот вернусь с прогулки.
 - Ладно, поставлю греть воду на газ! - примирительно вздохнула мама.
 - Я сама поставлю,- направилась Эка в спальню переодеться.
- Зазвонил телефон.
- Ну, как? - поинтересовался голос в трубке.
 - Ненормальный, поцеловал меня в губы! - возмущенно сообщила Эка.
 - Ну, а тот признался в любви мне!
 - Мака, больше не станем брать с собой этих недоумков!
 - А что, одни будем ходить?
 - Ну!
 - Да как-то боязно одним...
 - Ничего не боязно! Кому мы нужны» Вон сколько девок, навалом. Какую хочешь, бери! Теперь проблема - мужик.
 - Да ну?! - рассмеялась Мака.
 - Ладно, забудем! Когда завтра консультация в университете?
 - В десять! Ребята тоже придут.
 - Сделай одолжение, скажи этому кретину, чтоб он отстал от меня.
 - Ну, что ты так, Эка!
 - Я сказала, забудем. Ну, ладно, пока. Завтра увидимся, поговорим!- резко повесила Эка трубку.
- Она скользнула взглядом по ладоням и пальцам.
- Почему я не спросила имя?

Погружаясь в воспоминания, она мысленно полетела вслед за божьей коровкой над пестрым ковром поляны, поражаясь стремлению многих сорвать, урвать, поймать, удержать, обладать... красивым и прекрасным.

«Но зачем»- задавалась она вопросом. - Когда можно и достаточно только смотреть и любоваться. Не обладайте, чтобы иметь!?! - вырвалось из глубины души.

II

Мощные струи воды из-под округлого бордюра фонтана окатывали большой позолоченный стальной шар в окружении подлетевших и тоже стальных голубей. Конструкция словно повторяла композицию «Голуби подхватили земной шар» знаменитого Зураба Церетели. «Стальные голуби» как бы пытались спасти мир от катастрофы, гибели, а фонтанные воды безостановочно омывали планету и очищали ее.

В жару приятно было пройти мимо фонтана и ощутить прохладу брызг.

Подлетали освежиться и полюбоваться на своих стальных позолоченных сородичей и настоящие голуби.

Мимо фонтана проходила группа артистов театра, ведомая высоким, лысоватым симпатичным мужчиной лет пятидесяти, весело поигрывавшим на длинной детской свирели.

Отрепетировав небольшую сценку, артисты понемногу начали расходиться.

-Простите, как тут можно найти Отара Парменовича? - поинтересовался подошедший к ним молодой человек лет тридцати семи.

- Вот он! Это наш худрук! - пояснила молодая миловидная актриса, указывая взглядом на мужчину со свирелью.

- Отар Парменович, здравствуйте! Я Авто Чадунели,- представился молодой человек.

Отар Парменович вопросительно взглянул на собеседника.

- Если помните, несколько месяцев тому назад я заходил к вам со своей пьесой, не застал, но оставил вашему заместителю. Вам ее передали.

- Напомните название.

- «Соловьи монастырского сада».

- Так, так, и о чем же она?

- О любви, конечно же, о небесной и земной любви.

- Так, значит, о небесной и земной, - задумался худрук,- пройдемте-ка со мной в театр, поговорим у меня в кабинете, молодой человек, если у вас есть время.

Помахав артистам, худрук с вновь пришедшим направились к театру.

- Чай? Кофе? - предложил Отар Парменович.

- Нет, пожалуй, жарковато,- поблагодарил Авто.

- Тогда чай холодный,- извлек Отар Парменович из небольшого новенького холодильника сладкий газированный напиток в полутаролитровой пластмассовой бутылке,- который, согласно рекламе, пьют только чемпионы.

- И мы вместе с ними,- добавил Авто, улыбаясь.

- Марина, найдите мне, пожалуйста, Нодара Владимировича и попросите зайти,- попросил по телефону Отар Парменович.

- Так вот, дорогой Автандил...?- небольшой паузой как бы спросил он у собеседника отчество.

- Можно просто Авто.

- Так вот, мой дорогой Авто, мы начали говорить с вами о любви небесной и земной, и трудно не согласиться с вами, что в своей изначальной чистой форме она сохранилась в большей степени в природе, нежели в людях. Почему?

- Возможно, потому, что губитель души человеческой активизирует борьбу с творением Творца,- предположил Авто, отпивая ароматизированного чая,-и, чтоб погубить венец творения - человека, пытается выкрасть или ослабить это его чувство, подменяя другими, пагубными. И силлогизм «я люблю, значит я существую», то есть потому и существую, мне кажется более верным, чем «я мыслю, значит я существую», хотя и последний не лишен определенного смысла.

- Да уж, пожалуй,- согласился Отар Парменович.- От того и катится человечество неудержимо к своей катастрофе, а скорости стремления к самоуничтожению катастрофически растут. Второй закон термодинамики действует неумолимо. Закон энтропии.

- Это единственное чувство, дарованное нам с неба, в виде зажженной свечи, которая освещает путь сквозь земную тьму к вечной небесной жизни, и если эта свеча у человека гаснет, то он сбивается с верного пути и забредает в непроглядную мглу.

- Да, конечно,- согласился Отар Парменович. - Потому человек делает все, чтобы удержать это чувство и не дать погаснуть свече жизни.

- И в этом немаловажное веское слово должна сказать культура, в том числе ее величество истинная, а не псевдо-литература. Как вот эта детская свирель - на какую клавишу нажмешь, такой звук и услышишь. Сейчас замечается такой упадок культуры, что даже больно глядеть. Она живет как бы отдельно от нас, основной массы людей. И идет некая поляризация: кто в церкви, а кто вне ее. Культура же и искусство, этот живой соединяющий мостик, словно рухнул.

- Знаете, Авто, я недавно был в гостях у своих приятелей, видел, как их двенадцатилетняя внучка играла во дворе со своими сверстниками-мальчиками в казаков-разбойников, и они с сожалением констатировали, что нынешнее поколение совсем не любит читать книги. Вне дома улица, а дома музыка и телевизор. А уроки насильно - с криками и дракой. И как же тут не вспомнить слов великого Льва Толстого о том, что воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было, и если придет понимание того, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя, то упразднится и вопрос о воспитании и останется один только вопрос жизни - как жить самому? На него, конечно же, имеется вполне правильный ответ - праведной жизнью, хотя бы по мере своих возможностей. Да, я прекрасно понимаю, что самые лучшие и первые учителя своих детей это родители. Понимаю и то, что сейчас многие, чтобы прокормить семью и детей, много работают и, как говорится, лезут вон из шкуры, дети растут сами по себе, без присмотра. Но там у моих знакомых эта девочка не желает брать пример со своих родителей!

- Вы сами без меня ничего делать не можете, предупреждает нас Творец,- вмешался автор,-может, в этом и кроется решение этой проблемы, так же, как и многих других?

- Да, возможно, пожалуй,- вновь согласился Отар Парменович.- А вы-то сами чем занимаетесь, молодой человек?

- Да так, толком ничем, кручусь, верчусь, по-разному бывает, но на кусок хлеба себе зарабатываю.

- А пишете давно?

- Нет, представьте себе, эта пьеса - моя первая работа, и поэтому меня очень интересует ваше мнение.

- Что вы говорите?!- изумился Отар Парменович.- Очень даже неплохо для первого раза! Хоть в нескольких местах чувствуются существенные недоработки, но в целом - прекрасно!

-Ну, вот позвал Нодара Владимировича, а он к нам что-то не идет,- досадовал Отар Парменович, поглядывая на часы.

Авто тоже посмотрел на часы и с удивлением заметил, что отнял у худрука чуть ли не целый час.

- Ничего, Отар Парменович, не беспокойтесь. Я просто хотел узнать, имеет ли смысл работать дальше над этой пьесой, и возможно ли ее поставить у вас?

- Конечно, работать имеет смысл, но вы поговорите прежде с режиссером. Он вас направит, а потом мы встретимся с вами и посмотрим, что делать дальше.

- Хорошо, -согласился Авто, протягивая свою и пожимая руку Отара Парменовича.

«Зачем мне все это нужно»- задавался вопросом Авто.- Будто дел у меня мало. Ну, ладно, пишешь, пиши для себя, для души, так нет, надо еще публиковать, ставить, афишировать, интересоваться. А что скажут люди? А скажут разное, каждый свое. Ох, плохо, когда человека отрывается от основной работы, начинает метаться, браться за все. Надо же, пьесу откатил!

Покинув здание театра, Авто подошел к фонтану и ополоснул лицо водой. Невысоко над головой его с писком и визгом носились, как угорелые, крупные черные стрижи. Их крики звучали в такт с гомоном играющей в футбол неподалеку от бассейна детворы.

Авто неторопливо прошел дальше к небольшому стадиону, огороженному высокой каркасной сеткой-оградой, и еще недолго наблюдал за азартной игрой, вспоминая свое собственное детство. Взгляд случайно упал на мальчика на противоположной стороне улицы, с удовольствием и осторожностью переступавшего свои, видимо, первые шаги по жизни. Неподалеку настороже стояла мать с раскинутыми руками, готовая принять свое чадо в объятия.

- Так ждет каждого из нас, людей, и Творец, - подумалось Авто.

Ребенок падал, поднимался на корточки, упирался ручками в землю, пугался, пускался в плач, озирался, но, отыскав взглядом мать, вставал и ковылял в ее сторону. Наконец он преодолел свой путь и добрался до надежной и мирной пристани.

Авто, отдаваясь раздумьям, шел вниз по широкой, с односторонним движением улице к центральной городской площади.

- О, Авто, привет, старина,- остановил его у небольшого супермаркета знакомый голос.

Он узнал своего однокашника по школе, с которым в общем-то и не дружил, а был просто знаком.

- Привет!- поздоровался он, даже не вспомнив его имени.

После недолгого экскурса по прошлому и вытекавшему из него настоящему однокашник предложил встречу отметить.

- Не могу,- извинился Авто.

- Чего это? Такой важной птицей стал, что считаешь ниже своего достоинства пропустить пару стаканчиков со старыми друзьями?

- Да нет, дела, извини,- оправдался Авто, удивляясь наглости собеседника.

«С каких это пор мы с ним друзья»,- изумился он про себя.

- Да оставь ты, ради Бога, эту чушь! Какие могут быть сегодня дела? Пойди вон спустись вниз и посмотри, что там на площади творится. Поверь, лучше провести время со мной, чем...

Авто пришлось прибегнуть к дополнительным оправданиям:

- Знаешь, и здоровье что-то пошаливает. Врачи пить запретили.

Спор с собеседником затянулся.

- А что, если тебя беспокоит желчный пузырь? Опиши-ка мне симптомы. Посмотрим.

Авто припоминал рецидивы давней болезни желчного пузыря, описывая их собеседнику до мельчайших подробностей.

- Да это он! Он! Проститутка!- взорвался тот вдруг.- И меня так, случается, схватит, так пронизывает все тело, будто все органы за собой тащит, сука! Тебе и вправду, дружище, надо на некоторое время отказаться от выпивки. Ладно, не буду больше настаивать. А может, хоть пару рубликов все же подбросишь? Не то такое у меня похмелье ужасное, что хоть вешайся.

Авто поспешил воспользоваться представившейся возможностью.

Внизу, на главной городской площади, перед мэрией собрался многолюдный митинг, поочередно выступали ораторы с громкоговорителями с небольшого балкончика левого флигеля двухэтажного старого, красивого здания мэрии с невысокой, роскошной башней в центре.

- «Кмара»¹ ,- призывали активисты нового общественного движения,- мы такой жизни больше не потерпим. Сейчас здесь находятся ведущие телерадиожурналисты и комментаторы со всей Европы. Они ведут прямую трансляцию на свои страны. И пусть все знают, что мы не какой-нибудь сброд, который вот уже в течение многих последних лет пытаются морочить пустыми байками и обещаниями, а мы современное цивилизованное общество, имеющее право на здоровую и полноценную жизнь...

Авто оставался на площади недолго.

- Эх, махнул рукой и, понурившись, двинулся дальше с засевшей в голове мыслью: Ничего в этом мире существенно изменить нельзя.

III

*...Но, встретясь с ней смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.*

А.С.Пушкин

До вершины живописнейшей горы прямо посреди города было рукой подать. Склоны ее поросли смешанным лесом. В нем гармонично и миролюбиво соседствовали живая и неживая природы. Рядом друг с другом мирно уживались клены, акации, шелковицы, кипарисы...

Божественную лесную тишину нарушал лишь слабенький теплый ветерок и редкие возгласы людей, доносившиеся из неподалеку.

Странные трели певчих птиц привлекали сюда лишь особо сосредоточенных и любознательных.

Слеталось, правда, послушать их и множество других птиц, в недоумении пытавшихся «вычислить» в общем хоре своих сородичей.

Между тем на пеньке поблескивал небольшой портативный магнитофон, и издававший эти птичьи щелканье и переливы.

Юная девушка, незаметно подошедшая к странному источнику звучания, с изумлением осмотрелась, и взгляд ее застыл на мужчине за толстым стволом клена, с небольшими наушниками на ушах, надетыми на голову и держащимися на тоненьком стальном ободочке с минимикрофоном, смонтированным на недлинном деревянном прутике.

Приложив указательный палец правой руки к губам, он призвал девушку, изумленно смотревшую на него, помолчать. Пение птиц из магнитофона понемногу сменялось живым исполнением. Девушка замерла на месте, где ее остановил указательный палец мужчины, и, очарованная происходящим, все больше погружалась в сладострастные звуки. Мужчина движением рук дал тем временем ей новое приказание.

Легко догадавшись, к чему тот клонит, она опустила на коленки, тоненьким пальцем нажала на кнопку «стоп», и подняла взгляд на подающего ей мимикой и движениями рук все новые и новые команды. Послушная им, перемотала кассету, перевернула и нажала на кнопку записи.

- Какая догадливая,- обрадовался охотник за птичьими голосами,- просто умница,- и послал ей в знак благодарности воздушный поцелуй.

Девушка улыбнулась, тоже обрадовавшись, что угадала его желание.

Их переговоры продолжались чуть ли не час, в течение которого девушка удачно манипулировала магнитофонными кнопками. Ей удавалось даже с ювелирной точностью исключать из записи длинные паузы между птичьими руладами.

- Умница, молодчина,- вполголоса поблагодарил мужчина, подходя к ней,- вот это помощница, понимаю!

- Да ну?!- мило улыбнулась она.- Это дрозды?

- Нет, соловьи,- пояснил мужчина.

Девушка загадочно всматривалась в его округлое лицо с карими глазами, и ему едва удавалось уклоняться от ее взгляда.

«Какая смелая и отважная...»

- Вы занимаетесь ими всерьез или это ваше хобби?- поинтересовалась девушка.

- И то, и другое,- раздалось в ответ,- я орнитолог, вот уже несколько лет занимаюсь птицами, если получится, думаю даже защититься, а если нет, то не надо. Мне достаточно и их пения.

- Вы, наверное, разумеете и их язык?

- Да. - улыбнулся он в ответ,- немного есть.

- И о чем же они поют?

- О любви, конечно же! О чем же еще?
Девушка засияла в улыбке.
Он заметил, как она преобразилась и как лицо ее стало еще красивее прежнего.
- А почему вы так на меня смотрите?- спросил он.
- Как?- поинтересовалась она.
- Как будто я странный человек.
- А что, разве нет?
- Вы находите?
- Да, - вновь улыбнулась она, опуская глаза, - немного есть.
- А как вас зовут?
- Эка Миндиа!
- Ну, что ж, Эка, будем знакомы. Я - Авто,- сообщил он, протягивая мизинец, быстро встреченный нежным маленьким мизинчиком ее руки.
- Будем дружить?
- Будем.
- У тебя очень красивый носик. Как у птиц. Именно за это я их и люблю.
- Ой,- стыдливо ухватилась она ладонями обеих рук за свой носик, укрывая его от взора.- Как, а разве не из-за пения?- удивленно поинтересовалась девушка, и лицо ее сразу стало серьезным.
- Ладно, пока,- бросила она с обидою и, повернувшись спиной, удалилась.
- Эка, прости меня, я не хотел тебя обижать,- бросился было Авто ей вслед, но она остановила его:
- Не надо, не ходите за мной,- почти скомандовала.
«Послушание за послушание», - подумал он и с огорчением от того, что обидел ни в чем не повинную девушку, понуро застыл на месте.
Зазвучал и разлился вокруг звон колоколов церкви неподалеку от места их встречи, призывая горожан к вечерне.
Авто все наслаждался пением своих птиц, между тем, как Эка отстаивала службу и вслушивалась в мелодичный и согласный хор и время от времени в ее сознании всплывал образ недавнего «обидчика».
Она чувствовала и понимала, что вовсе на него не обиделась, а лишь сыграла в обиженную, сама не зная, почему.
Она отгоняла его образ, пыталась целиком погрузиться в молитву, но... Так длилось весь день и вечер, и даже всю ночь. Она беспокойно ворочалась в постели, то и дело вставала, ходила, что-то ела... и не могла отвязаться от воспоминаний даже утром на лекциях.

VI

До начала очередной лекции оставалось полчаса. В учительской колледжа, в углу, у окна, беседовали за столом три учительницы, женщины средних лет. На скрип двери обернулись и приветливо кивнули своей молодой сотруднице.

- А-а, Натали, привет! Присоединяйся к нам. Выпьем кофе.

В ответ на приглашение последовала улыбка.

- Какая ты сегодня нарядная, красивая!

Взглянув мимоходом в зеркало, вновь пришедшая подседа к столику беседующих коллег.

Из-под стола неожиданно вынырнула бутылка шампанского «Багратиони».

- О-о!- с удовольствием воскликнула одна.

- Девочки, не стоит перед уроком!- заколебалась другая.

- Ничего! Одна бутылка на четверых - можно!- успокоила ее третья.

Натали выудила из сумочки плитку пористого шоколада.

- А если зайдет еще кто-нибудь?

- Пригласим! А вообще-то мы быстро!

- Ну, давайте! За нас, за наш труд и терпение!

Чокнулись и пригубили.

- Так вы что же, ждали меня?- поинтересовалась Натали.

- Да! Ты сегодня такая нарядная. В чем дело?

Отпили еще понемногу, беседа продолжалась.

- Неужто что-то любопытное?

- Да нет, Верико! Нет!- отмахивалась Натали.

- А что, не пора?- перебила ее Мери.

- Пора не пора, выходи со двора!- улыбнулась Натали.

- Девочки, ну, так поактивничайте!- воскликнула Мегги. Помогите Нате! Ведь ей уже чуть не тридцать!

- Вот директор наш, Гиви Досифеевич! Хорошая кандидатура,- раздумчиво произнесла Верико.- Свободный, и к тому же, если выгорит, меньше будет на нас нападать.

- Да, но он ведь староват для нее, еще у него сын- Тимошка! От первой жены,- засомневалась Мегги.

- Сколько же ему лет?- поинтересовалась Мери, успевшая прикурить и сделать глубокую затяжку.

- Вроде сорок пять,- немного помедлив и подумав, уточнила Мегги.

Перебрали еще несколько кандидатур.

Натали отнекивалась, возмущалась, задаваясь в душе вопросом: «Ну, кто их об этом просит? Кто»!?

Понемногу начали отходить от темы.

- А помните, какими глупыми были мы сами, когда выскакивали замуж»- улыбнулась Верико.

- Не говори!- согласилась с ней Мери.

- Мой благоверный опять запил.- потупилась Мегги. Долгие запои у него сменяются вынужденными, по состоянию здоровья, моментами трезвости.

- А знаете, в Европе принята система гостевой любви. Муж и жена живут порознь, каждый сам по себе, и только ходят друг к другу в гости!- вспомнила Верико.

- Здорово,- восторгалась Мегги.

- Да, и, представьте себе, даже психологи утверждают, что такие семьи самые прочные,- подтвердила Верико.

«Какой ужас,- подумала Натали,- это то же самое, что связь на стороне. И какие же дети растут в таких семьях»..?

- А вообще-то говоря, на что они, мужики?! Пусть бы и впрямь только приходили, делали по долгу, что нужно... ну, там... забить гвоздь, подкрутить, подвинтить, и -

скатертью дорога! - запальчиво воскликнула Верико. - Мой любезный тоже хорош! Такие номера в последнее время откалывает, только держись и терпи!

- Да что же?

- Встанет ночью, бродит, бродит по комнатам, курит одну за другой, пепел прямо на пол! Представляете?

- А у меня что, лучше? Придет с работы, наестся, и за телевизор допоздна! Потом бредит всю ночь, ко мне ноль внимания! Ни дети не интересуют, ни дом! Хорошо, хоть на питанье подкидывает!

- Господи! Может, на стороне завел?

- Кто его знает!

- Последи! На всякий случай...

- А что толку? Им ведь все можно, это нам нельзя.

- Не говори! Вот несправедливость!

- Развестись с ним, что ли» - с ходу предположила Мери.

- А как же дети»- напомнила ей Верико.

- А что дети» Мама поможет, да и сами уже не маленькие, скоро кончат ВУЗ, и пусть сами выбирают путь в жизни!

- Не говори! Тоже сволочи! Так иногда треплют нервы! Ревнуют меня друг к дружке, и с такими претензиями! Каждый считает, что и любишь его, и внимания уделяешь меньше, чем остальным!

- Ой! А мои так вообще все рекорды давно побили! - спохватилась Мегги.- То им это не так, то другое. Сын, как придет домой, так и раскричится: кто подходил к моему столу, кто трогал диски!..

- В общем, за нашу жизнь сволочную! И побольше нам терпенья и выдержки!- предложила Верико.

Расхохотались, чокнулись, закусили шоколадом, кофе и сигаретным дымом.

- Так хочется заняться чем-то своим, хобби! А не дают домашние. Даже почитать перед сном не удастся. Такая усталая ложишься, а тут еще муж.

- Вязать начала, не помню, когда, и все не кончу.

- В салон красоты мечтаю попасть!- хохотали наперебой.

«Ну, навспоминались в связи с моей судьбой!»- улыбалась в душе Натали.

Заглянул директор, Гиви Досифеевич.

Приветствовал сотрудниц, заметил и похвалил обновленный облик Натали.

- Зайди ко мне после лекций, пожалуйста,- попросил ее и поспешил назад.

- О-о, девочки,- протянула мистически Верико,- кажется, что-то наклеивается...

- Прекратите, пожалуйста,- перебила ее Натали, залилась румянцем, отошла к своему столу и принялась что-то ворошить и искать по ящикам.

- Ну, ладно! Айда все по своим матрешкам!- призвала Мегги, завершая уборку стола, за которым они только что беседовали.

Разошлись по аудиториям. Натали заметила мимоходом стоявшего на коленях спиной к ней студента, прижимавшего руки к груди и напевавшего однокурснице популярную мелодию.

Девушка, стоявшая на скамье парты, сразу заметила учительницу, но не подала дружку ни малейшего вида, только игравшая на ее губах улыбка перешла в с трудом сдерживаемый негромкий смех.

Натали и сама решила не перебивать юное дарование и в ожидании окончания его соло замерла.

- О-о, - как бы что-то почувствовав, обернулся солист,- извините, пожалуйста!

- Я не знала, что вы такой искусный исполнитель,- пояснила Натали, усаживаясь за свой учительский стол и оглядываясь на доску, на которой белела эмблема с надписью на ней «Кмара».

- Незнаний!- приписала Натали и поставила в конце большой восклицательный знак.

- А мы можем переставить человека,- услышала она за спиной два-три негромких возгласа.

- А что останется вам?- обернулась она к классу. – Ну? Что остается после того, как переставляют человека?

Класс умолк. Натали быстро пробежала список и приступила к уроку в почти полной тишине. Ей легче ее коллег удавалось приструнивать своих подопечных.

- А, Натали, это вы?! Проходите, проходите,- пригласил Гиви Досифеевич посетительницу.- Ну, как прошли занятия? Надеюсь, без особых эксцессов?!

- Да, да!- подтвердила Натали.

- Эмма, я ушел на перерыв,- бросил директор своей секретарше, притворил дверь и даже запер ее на ключ.

- В наше время повышению уровня и качества преподавания сопутствует понижение качества восприятия и числа желающих овладеть знаниями.

Натали молча слушала затяжную преамбулу директора.

Беседа продлилась минут двадцать. говорил в основном директор, Натали же то соглашалась, то не соглашалась, ограничиваясь короткими фразами.

Ее благоухание все больше будоражило директора, и конец беседы он провел, быстрым шагом прохаживаясь, по большей части, за ее спиной.

- Натали, вы обдумали мое предложение?

- Гиви Досифеевич, я вас очень прошу, не будем об этом! Я ведь уже вам говорила... есть человек...

- Как его зовут?- подловил он ее на том, что она немного смешалась и растерялась.

- Какое это имеет значение?- нашлась наконец она.

Ее светло-желтая безрукавка эффектно изливалась из темно-рыжей копны волос. Широко распахнутый мягкий воротник обвивал ее длинную шею, от которой веяло тонкими духами и на которую ниспадали нежные длинные сережки.

Он остановился позади нее и вдруг сильными руками сжал ее плечи и прильнул к шее:

- Я люблю тебя, Натали!

Она подскочила, как ужаленная, и с полуоборота бросила на него гневный взгляд:

- Что вы себе позволяете?!

«Твое счастье, что ты директор,- подумала, но не решилась сказать.- Не то бы получил хорошую оплеуху».

Директор уловил ее мысль.

- Натали, я люблю вас и сделаю все, чтобы вы были счастливы. А насчет ребенка... ничего... за ним присмотрят...

- Выкиньте, пожалуйста, этот вздор из головы!

- Вы мне нужны, Натали...

- Выпустите меня, пожалуйста, отсюда! Что за вздор? Вот тебе на!

- Ваш эсперанто не нужен здесь никому.
- Что? - удивилась Натали.- Вот это новость!
- Сейчас актуальны сами знаете какие языки - английский, французский, немецкий!
- Эсперанто - самый актуальный общеевропейский язык,- оскорбилась она.
- Общеевропейскому дому до нас слишком далеко.
- Вы мне делаете одолжение, что держите у себя?

Ответа не последовало.

- Понятно! Ну, что ж! У меня есть частные ученики, так что обойдусь без здешней зарплаты. Завтра же получите мое заявление...

- Натали, успокойтесь, я не настаиваю, а только прошу. Остальное ваше дело и ваша воля.

- Выпустите меня отсюда! Пожалуйста!

«Какая беспардонность»,- удивлялась она, устремляясь по широким каменным лестницам к выходу из колледжа.

Понемногу возмущение заметно утихало.

«Я его понимаю,- почти соглашалась она,- но при чем тут я. Пусть ищет себе подходящую! Дуреха я, - тотчас же возражала самой себе,- не надо было отказывать на выпускном вечере Вахо. Все сейчас было бы в порядке. Но тогда казалось, что не стоит спешить, что вся жизнь впереди, что может встретиться кто-то поинтереснее...А теперь» Индюк думал-думал, да и угодил в похлебку! Нет, завтра же брошу ему заявление».

По улице двигались прохожие, кто навстречу ей, кто обходя, кто обгоняя.

Она погрузилась в воспоминания - в школьные и студенческие годы. С ужасом уловила мысленно в своих сверстниках отличие от них же прежних. Как много и как мало для человека двенадцать лет.. Пришло совсем иное поколение, так называемое «фиолетовое». Говорят, оно достигнет небывалого уровня развития.

Время бежит гораздо быстрее человека, он же не поспекает, а лишь с сожалением бросает ему вдогонку, вслед свои обвинения.

V

Птичий базар открывался ранним утром, когда активность пернатых достигала апогея, и закрывался к полудню, когда солнце и покупатели вконец изнуряли их разглядываниями и ощупываниями.

- Вот, глядите, глядите, какой красивый! - восторгался своим подопечным полноватый мужчина средних лет в джинсах, коричневой сорочке с короткими рукавами и шляпе-сомбреро.

Небольшой сизый попугайчик, обиженный, томился в высокой клетке и больше озирался по сторонам, чем взглядывал на продавца, покупателей и тоненькие веревочки на ножках.

- Вот, поглядите на него, - распиная продавец,- он такой умный! Вырос у меня на руках, и я многому его обучил.

- А зачем ему эти тесемки? - любопытствовал покупатель, придавая голосу строгость и подмигивая двум своим молодым спутницам.

- Наукой общаться с людьми он овладел уже давно, а вот разбираться в них только-только начинает, и потому ему порой требуется помощь,- пояснил продавец, - вот для чего...

Попугайчик вдруг защелкал, как бы обращаясь к хозяину.

- Какой он милый, Ната! Не правда ли?- в восторге воскликнула девушка помладше.

- Сколько же вы за него просите?- поинтересовалась старшая, Ната.

Младшая просунула тонкий указательный пальчик меж прутьями клетки, на что попугайчик мгновенно отреагировал легким его поклевыванием.

- Эка, перестань его дразнить,- остановила Эку Ната.

- Да, да, девушка, не надо,- подключился и продавец,- он не любит незнакомых, да еще чувствует, что его продают, и от этого расстраивается.

- Рубен, поживей, ты мне нужен,- окликнул продавца молодой человек, вышедший из вагончика неподалеку от места торга.

Рубен продолжал рахваливать свой «товар» и не отзывался на зов.

Сердце Эки встрепенулось, голос зовущего показался очень знакомым, и она оглянулась.

«Не может быть. откуда ему здесь взяться?»

- Рубен, ты слышишь меня?- повторился зов.

- Ну, погоди, Авто. Видишь, у меня покупатели, отпущу их и приду.

Эка замерла.

- Я вам здесь, как видно, не нужна,- напустила она на себя обиду,- пойду пройду по рядам. Встретимся у выхода.

- Эка, ну, подожди немного, нельзя же так,- возмутилась Ната.

- Пусть идет,- отмахнулся их отец, не отрываясь от разглагольствований продавца.

- Так вот, - распространялся Рубен, обращаясь к покупателю,- если дернете за правую веревочку, он будет говорить вежливо и культурно, а если за левую, может даже обложить матом и послать куда подальше.

- Ну-у!?

- Да, да, уверяю вас!

- А если потянуть за обе сразу?

Рубен выдержал паузу.

- Дурак, на чем же я тогда стоять буду?- возмутился попугайчик и напустился из-за прутьев клетки на продавца,- дурак, дурак, дурак...

- Вот видите!?

- Да, право, забавно!

- Ну, ладно, хватит тебе!- погрозил пальцем Рубен и поспешил потянуть за правую веревочку.

- Простите, пожалуйста, уважаемый, простите...- затараторил попугайчик.

Ната едва удерживала смех, а отец принял еще более серьезное выражение лица.

Рубен же завелся на полную катушку и пошел рассказывать все, что знал о разных видах попугайчиков.

Дверца вагончика осторожно приоткрылась. Эка осторожно подошла к небольшому письменному столику со стопками бумаг, над которыми, склонив голову и делая какие-то расчеты на своем портативном компьютере «Notebook» работал в серой выпачканной майке Авто. Ему, видимо, абсолютно не мешало щелканье разных пичуг в клетках, развешанных по стенам вагончика.

- Здравствуйте,- вполголоса нерешительно пролепетала Эка.

Авто в недоумении поглядел на девушку.

- О-о!- узнал наконец он ее.- Привет, синеглазая! Откуда ты и когда впорхнула сюда?

Эка отвечала ему улыбкой.

- Ваша птичка шепнула мне на ухо, что вы здесь...

- Прекрасно, присаживайся! - предложил взглядом Авто.

Эка перевела взгляд на птиц.

Авто оторвался от бумаг и подвел Эку к клеткам.

Эка с большим вниманием и интересом слушала его объяснения.

- А вот здесь, в двухсекционной клетке у меня,- указал Авто на продолговатую клетку за окном вагончика,- щегол!

- Какой красивый,- изумилась Эка, подняла взгляд на пролетающий по небу небольшой клин пернатых, и ей тут же послышался отрывистый щебет щегла.

Она с изумлением заметила, как одна из пролетающих птиц оторвалась от клина, опустилась на прутик клетки и разразилась резкими вскриками.

- Ну же, давай!- едва слышно, но нетерпеливо подзадорил ее Авто.

Эка догадалась, что прутик под тяжестью может подломиться, и тогда полуоткрытая дверца захлопнется за жертвой. Но прутик не обламывался.

Пощebetав немного и, видимо, призывая и сородича к полету, птичка улетела.

- Видите, как сердце подает зов сердцу?

- Я думала, вы любите птиц и изучаете их, а оказывается, вы на них зарабатываете?- огорчилась Эка.

- Что поделаешь? Сочетаю полезное с приятным. Жить ведь на что-то надо.

Эка, расстроенная, направилась к выходу, но Авто мягко подхватил ее за плечо и остановил:

- Не уходите, пожалуйста!

Эка обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

- Пустите, не надо, мне все ясно.

- Эка, вы, вы,- у Авто заплелся язык,- вы самая красивая птичка, впорхнувшая в мое сердце.

- И дверца захлопнулась?

Авто кивнул.

- Пустите меня, пожалуйста,- настоятельной повторила Эка.

- Но вас я никому ни отдавать, ни продавать не собираюсь!

- Да? Это мы еще посмотрим.

- Ну, хорошо, помогите мне в одном деле.

- В каком» - повременила Эка с уходом.

Авто вытянул из полуоткрытой секции клетки не сработавший прутик, попросил ее подержать, а сам принялся искать невидимую нить.

Пока Эка удерживала прутик, Авто укреплял на ней бесцветную леску.

- Вот так!- довольный, воскликнул он, монтируя прутик в прежнее, рабочее положение и проводя конец лески через окошечко в вагончик.

- Теперь нужно будет вовремя, не мешкая, за нее дернуть!

- Вы веревочник!?- заключила Эка.- Так подведите веревку и к двери...

Авто улыбнулся, вытянул из одной из коробок на столе небольшое лассо и бросил его к ногам Эки.

- Хочешь, войди в круг!?

Эка вопросительно взглянула на него. Сейчас в ней боролись несколько чувств. Противясь своей собственной воле, испуганно подтянула левую ногу к петле. И только

нога опустилась на пол до упора, как Авто потянул за другой конец, и веревка плотно ее обхватила.

Эка потеряла равновесие, повалилась набок, но Авто подхватил ее и понес вглубь вагончика, на кушетку.

- Пусти меня, сумасшедший. Пусти!- сквозь смех вскрикивала она.

Он потянулся к ней, но она резко отстранила его.

- Не надо! - решительно бросила она, отпрянув и поднимаясь с кушетки. Быстро высвободила ногу из плена и направилась к выходу.

- Хорошо, хорошо, Эка! Обещаю, что больше вас и пальцем не трону!- настиг ее голос Авто у почти распахнувшейся двери.

Она задержалась на миг и обернулась.

- Еще один вопрос, одна маленькая просьба, обещаю без рук...

Взглядом согласилась выслушать.

- Вот... я набросал небольшую пьесу, первую в моей жизни... мне интересно ваше мнение о ней... если это вас заинтересует...

Напряглась и задумалась.

- Где она?- поинтересовалась после недолгой паузы.

Авто протянул ей стопку листов.

- «Соловьи монастырского сада»- пробежала взглядом первую, верхнюю страницу.- Такая толстая, большая?

- Да уж, такая получилась. Написал давно и все не решался кому-нибудь показать. Стыдно как-то, еще смеяться станут.

- И когда вы успеваете столько?

- Ну-у,- помялся Авто,- сам не знаю. Там приведены мои краткие биографические данные.

- С удовольствием прочитаю, - уложила пьесу в целлофановый пакет Эка,- а где вас искать в следующий раз?

Авто пожал плечами.

- А почему, собственно, вы пропускаете воскресные службы и порой нарушаете одну из десяти заповедей?

- Не знаю,- помялся Авто,- как-то не всегда получается...

- Как, у вас есть дела поважнее? Что же это может быть?

Авто смотрел на нее с изумлением.

- Пообещайте определиться в этом вопросе, если хотите, чтобы я простила ваши выходки.

Авто с радостью кивнул головой в знак согласия. Ради примирения он готов был на многое.

Эка вышла из вагончика, одернула на себе одежду, словно стряхивала пыль со своей легкой, ситцевой, короткой, выше колен серой юбки.

Авто смотрел ей вслед, не отрываясь: «Боже, какая костлявая».

Эка, словно почувствовав взгляд, обернулась.

- Разве я не говорила, что читаю мысли на расстоянии?

Отец и Натали с раздражением наблюдали за расставанием Эки и Авто.

Натали держала в руке на весу клетку с купленным у Рубена попугайчиком.

- Кто он?- спросила она у Эки с изумлением.

- Не твое дело,- дерзко отрезала Эка.

Рубен уже спешил к вагончику и на прощание сообщил отцу девушек:

- Вот наш главный орнитолог. Может доставить любую, самую экзотическую птицу из любой страны света, от колибри до магелланских пингвинов.

Отец бросил на Авто строгий взгляд.

- Мамя Сергеевич,- радостно воскликнул подошедший солидный мужчина с большой клеткой, в углу которой нахохлилась ворона,- сколько лет, сколько зим! Давненько, давненько не видал вас!

- А-а, Мурман! Здравствуй, мой дорогой. Какими судьбами?

- Да вот купил отцу и детям ворону. Отвезу им на дачу, пусть забавляются. Отец просил, погляжу, говорит, как она триста лет будет жить.

- Идите, девочки, к выходу, я вас догоню,- остановился отец немного поговорить с давним знакомым.

У выхода, однако, девушек раньше догнал Авто с красивой, экзотической птицей в небольшой клетке.

- Это птица счастья,- несмело кивнул он Натали и обратился к Эке, вручая ей клетку.

Эка вопросительно посмотрела, взяла у него подарок и взгляделась в птенчика в неволе. Осторожно выманила из клетки и приняла себе на ладонь. Птица долго, спокойно и бесстрашно сидела, не собираясь взлетать.

- Почему же она не улетает?- удивилась Эка.

- Кто ее знает,- пожал плечами Авто.

- Больна, наверно?- предположила Натали.

- Сама ты больна,- огрызнулась Эка. - Ну-ка, возьми ее к себе на руки,- предложила она,- счастье мое!

Натали с удовольствием приняла птичку, но та сразу встрепенулась и взметнулась ввысь.

Все трое с любопытством смотрели ей вслед.

- Вот тебе и больная,- заключила Эка, - не удержалась у тебя в руках.

- Не огорчайтесь, Авто,- попросила Эка,- считайте, что мы ваш подарок приняли, - а клетку оставьте у себя, она вам еще пригодится.

- Дурак, дурак, что ты наделал...- заладил попугайчик.

Натали не растерялась и мигом легонько потянула за правую веревочку.

- Простите, пожалуйста, простите,,,- пошел попугайчик на попятную.

- Какой умный, надо же! - заметила Натали.

- Его школа,- объяснила Эка, указывая взглядом на Авто.- Познакомьтесь- это моя сестра Натали,- вежливо обратилась к нему.

- Очень приятно, я Авто!- пожал тот руку Натали.

Авто понуро с пустой клеткой в руках возвращался в вагончик, где его уже с нетерпением поджидал Рубен.

Девушки стояли у выхода, ожидая отца.

- Чем же вы давеча были там заняты так долго?- с подозрительностью спросила Натали.

- Не твое дело!

- У него воспитание хромает!- предупредила Натали.

- С чего ты взяла?- поинтересовалась Эка, в чем-то в душе соглашаясь с сестрой.

- Когда знакомятся с девушкой, первым руки ей не протягивают!

- А когда знакомятся с женщиной, его подарок больным не называют!- отпарировала Эка.

- Перестаньте ссориться,- остановил их отец, - пошли домой, не то задержались мы тут что-то.

- А откуда ты знаешь этого молодого человека из вагончика?- спросил он у Эки.

- Познакомилась с ним в церкви.

- Не подъезжает он к тебе, а?- вопросительно взглянул на Эку отец.

- Па, мы просто хорошие, добрые знакомые, вот и все!

«Да уж!»- заметила про себя Натали.

Часть семейки уселась в коричневый «ОРЕЛ», и тот неторопливо отъехал от стоянки.

В легковой автомашине раздалась веселая мелодия мобильного телефона.

- Ну, где вы там до сих пор, Мамия,- слышался нежный женский голос.

- Уже едем, Манана, успокойся, через пятнадцать минут будем дома!

Город был забит множеством автомобилей, то и дело образовывались пробки, так что добирались до дому порядком долго.

VI

Истерический вой противоугонной сирены доносился с нарастающей мощностью. Ему сопутствовал еще некий переполох, быстрые передвижения по комнате, испуганные возгласы, частое хлопанье входной двери.

«Что за чертовщина!- пытался отмахнуться досыпающий, натягивая на голову одеяло,- последние перед утром минуты отравляют. До лампочки им, что как поспишь, так и день проведешь».

Вдобавок ко всему зазвонил еще и будильник на тумбочке.

Рука, выпроставшаяся из-под одеяла, тщетно пыталась нащупать кнопку остановки звонка. Отчаявшись найти ее, подхватила будильник и швырнула в дальний угол комнаты.

- Рамаз, ты что, рехнулся?- донесся в ответ негодующий женский возглас.

- Уже давно как,- мысленно согласился виновник и перевернулся с боку на бок.

- Ты же чуть в меня не попал!- продолжал возмущаться голос.

- Чуть не считается,- мелькнуло в мозгу в ответ.

- А ну давай вставай! Нечего! Я вон еще когда встала, а его не растолкаешь...Нежится тут!

- Господи, ну, зачем я женился на такой?- изнемогал спящий. А какой был тогда выбор! Из тысячи выбирал, и вот тебе... пожалуйста! Безжалостная!

- Лиичка, голубушка, полно тебе тормозить меня по утрам. Выключи радио или переключи на другую волну, сил нет от этой сумасшедшей сирены,- взмолился Рамаз.- И на работе от нее тошно!

- Это не радио, это сосед с последнего этажа вмонтировал в свою входную дверь противограбительно-противоугонную сирену,- пояснил женский голос,- включил, а сам ушел на работу. А теперь ни его пожилая мать, ни соседи выключить не могут. Переполох на весь дом! Может, встанешь и чем поможешь?!

- Скажи, пусть откроют пробки изнутри!

Немного погодя сирена умолкла.

«Господи, какая тишь, какая блажь,- проваливались в сон мысли.- Как немного нужно человеку для счастья».

- Папа, папа, а какая на вид подводная лодка!»- достал через некоторое время уже детский голос.

Рамаз зажмурился, на счет три разомкнул-таки веки, повернулся в постели и приподнялся. Окинул взглядом своего полуодетого семилетнего сына, перевел его на письменный стол у окна, отыскивая подходящий для замысла предмет. Приметил близ чашки с чаем желто-зеленоватый, еще не разрезанный лимон средней величины.

- Вон лимон! Видишь?!- показал его сыну взглядом.

Маленький Акакий удивленно оглянулся и, пожившись, кивнул отцу в знак согласия.

- Так вот, она вовсе не такая! Ясно?

Акакий снова удивленно кивнул.

Рамаз повернулся на прежний бок и попытался урвать у улизнувшего сна последние минуты.

Вскоре, однако, донесся плач пятилетней дочки.

«Как хорошо, что хоть третий еще не родился,- с удовлетворением подумал Рамаз,- вот бы концерт был! Утро органной музыки. Может, отказаться, пока есть время» Что за бред»- испугался он своих мыслей.- Да и она не согласится».

- Рамаз, ну, что ты, в самом деле, как маленький! Осилить себя не можешь, - простонала Лия,- вон даже дети тебя опередили.

«Ну, хорошо, хорошо,- согласился Рамаз, сдавая позиции,- только просите по-человечески!»

- Вставайте, граф, вас ждут великие дела,- словно угадывая его мысли, попросила дочка,- Рамзес Второй, вставай!»- добавила она требовательно.

«Интересно, откуда она знает про Рамзеса Второго»- недоумевал Рамаз.-Вот дети пошли, а» Прямо акселераты!?

-Вот народ, не дадут прикорнуть ни ночью, ни днем,- поднимался с жалобами Рамаз,- всем все надобно от меня!

Из соседней комнаты выбежала и налетела на него с лаем серо-золотистая болонка.

- Ты что, Жучка, рехнулась. Тебе-то чего надо?- удивился Рамаз.

- Поди-ка, мать, сюда! Что ты там завозилась? Погляди, что тут творится. Уйми! Вот оголтелые!

Тонко уловив возмущение в тоне хозяина, болонка разлаялась и того пуще. Стремглав кинулась к хозяину, вцепилась зубами в его тапку, потянула в сторону.

- А ну, сейчас же отдай назад, злючка!»- ухватился за тапку и хозяин, пытаясь ее отвоевать. Схватка кончилась тем, что болонка укусила Рамаза за палец и метнулась с тапкой за дверь.

- Что с ней? - изумился Рамаз.

- Течка. Забыл, что ли?»- пояснила Лия.- С ней сейчас нужно обращаться ласково, вежливо.

- Ага,- возразил Рамаз.- А со мной кто так обращается? Да я ее кормить не буду и выгоню в шею! Скажи ей, пусть знает!

- Ты же обещал хорошего жениха ей найти. Вот она и ждет!

- Здравсьте,- возразил Рамаз,- и это на меня валите? Мне-то никто не помогал выбирать! Вот пусть и она сама подыскивает. Не маленькая уже!

- Тебе щенки нужны, что ли?- любопытствовала Лия.

- Нет, право,- спохватился Рамаз, но уйми ее как-нибудь!

Злое ворчанье за дверью не прекращалось.

- Наверняка изодрала тапку, негодница!

- Ладно, куплю ей еще таблеток,- согласилась Лия.

- Ну, дайте же мне что-нибудь, не то лягу снова!

Акакий торопливо бросил к ногам отца свои тапочки, с запозданием сообразив, что они ему не впору.

Отец с сыном понимающе переглянулись.

- Эх,- обреченно пробормотал Рамаз и поднялся в одной тапке.

Дочка сжалась над папой, принесла другую обувь, но не спешила отдавать, словно желая заставить заработать ее.

- Па, а почему куда выходит дым из печки, называется труба, и где течет вода и газ, это тоже труба?!

-Ох-хо!- вздохнул Рамаз. - И моя жизнь тоже труба, Анечка!

- Вот видишь, а почему?

Рамаз указал взглядом на свои ноги. «А кто его,- подумал,- знает»?

- В жизни многие разные вещи называются одинаково, Анечка. У человека возникает масса вопросов, и жизнь ему дается для того, чтобы правильно ответить на них. Вырастешь, поймешь, а сейчас помоги мне, если можешь.

Довольная ответом, Анечка бросила к ногам отца пару тапок, которую она дотеле прятала у себя за спиной.

«Ага, заработал»,- подумал Рамаз.

- Ну, спасибо тебе, доченька!

Зубная щетка беспощадно смывала с зубов следы их давешней трудовой деятельности.

Внезапно дернулась и выпала пломба из заднего нижнего, «рабочего» зуба, оставив по себе дупло.

- Вот те на! С чего это она вдруг?

- Па, а почему у Жучки нос все время холодный и мокрый»- поинтересовался подоспевший Акакий.

- Акакий, ну ты же не Анечка! Нашел время задавать вопросы. Лия, убери от меня этих почемучек, уже на работу опаздываю!

- А-а,- протянула Лия,- упрасиваю, упрасиваю встать пораньше, а ты?! Жучку надо прогулять. Забыл, что ли?

- Да ну ее! И не подумаю выводить! Кормлю, вожусь, а она кусает да еще тапки ворует. Пошла вон!- заметил он выглядывавшую из-за двери лохматую обидчицу, сердито полаивавшую на хозяина.

- Ладно, ладно! Возьму, так и быть,- смягчился Рамаз,- полно тебе рычать!

Жучка выскочила из-за двери, самодовольно повиливая хвостом и поскуливая.

- Ну, живо все на кухню, завтракать,- скомандовала Лия,- пока не остыло,- добавила она примирительно.

Жучка снисходительно трусила рядом с хозяином. На выходе из подъезда Рамаз бросил взгляд на металлическую решетчатую дверь к подвальным помещениям.

- Видите, что они творят, Рамаз Михайлович,- пожаловалась соседка с нижнего этажа, указывая на согнутую понизу решетку, запертую на среднем уровне на мощный замок на стальной угольчатой металлической раме.

- Вот это да!?- поразился Рамаз.- И когда это они умудрились, Роза Григорьевна?

- Ночью, когда же! Вошли, разнесли в щепы дощатую общую входную дверь и взломали замки буквально всех наших подвалов. Спуститесь и поглядите, как там у вас...

- Ну, и взяли что? У меня там почти ничего нет.

- Взяли, как не взять! У меня, например, выпивку. Нашли, словом, что!

- Всю ночь, должно быть, пили-гуляли! И шприцов использованных полным-полно!

- В полицию сообщали?

- Сообщали, а что толку! Ничего, говорят, сделать не могут. А один даже подшутил, что компоты и они очень любят.

- Как же так?

- А вот так! Если не поймают с поличным, мол, они бессильны. Просили сообщить, когда застигнем.

- Неужели никто ничего не слышал?

- Скажем, слышали. Ну, и что» Ни на кого нет управы. Кто что хочет, то и творит!

“Как все-таки тянет человека ко всему скверному и плохому и как трагически предрасположена его природа к несправедному и погубительному,- с грустью подумал Рамаз.- И куда катимся?”

Уже у выхода к нему донеслось, как за спиной его негодовала соседка:

- Наверняка наши дворовые дармоеды! Целыми днями околачиваются по двору без дела, пьют, в карты играют, а ночью догуливают.

VIII

Неподалеку от дома Рамаза, через дорогу, зеленел чудом уцелевший от погрома густой сад с редко пустовавшим огороженным стадионом в глубине. Дворовые и уличные футбольные команды разных возрастных групп сменяли там одна другую. Разве что в дни резкого похолодания можно было на поле никого не застать.

Начинался стадион от невысокой подпорной бетонной стены, за которой высилось металлическое ограждение из крупноячеистой сетки.

Неподалеку от стены теснились несколько заброшенных будок-киосков, возобновивших работу в летний период и торговавших прохладительными и горячительными напитками и закуской.

Самые активные “мини-предприниматели” умудрялись даже приволочь и установить рядом с будками столы для пинг-понга, отчего «щебет» играющих почти полностью поглощал птичий.

Между будками и подпорной стеной стадиона находили пристанище беспризорные собаки, должно быть не без зависти наблюдавшие за ухоженными, сытыми,

породистыми домашними, которых выгуливали, большей частью по утрам, их не менее ухоженные хозяева.

Бездомные собаки далеко не всегда оставались равнодушными к своим домашним сородичам, тем более близко сбегаясь на освоенной ими самими территории.

Первое влечение самого злого и сильного подхватывалось остальными, вплоть до самых захудалых и слабых.

Но на сей раз Жучку с Рамазом встретила лаем черная лохматая собачонка, порывавшаяся чуть ли не проглотить их.

Жучка встрепенулась, застыла в испуге и прижалась к ногам Рамаза, поглядывая снизу вверх и как бы моля о помощи.

На громкие вскрики Рамаза песик не реагировал, больше того, еще пуще завертелся вокруг Рамаза, пытаясь как-нибудь пробиться к его питомице.

Жучка взвизгнула, но затем не растерялась и рывком прыгнула на руки Рамазу, немало удивившемуся ее проворству.

- Ах, ты, шкура! - ругнул он Жучку, - пригодился, небось, тебе хозяин! Гляди, не позабудь!

Удачно миновав «опасное» место, Рамаз в глубине сада спустил Жучку на землю, и она, радостно повилявая хвостом, ринулась в кусты.

Из-за деревьев Рамаз и Жучка наблюдали, как на том самом месте забияка налетел на другого пса, сопровождавшегося хозяином.

Молодой желтовато-коричневый бульдог с мордой, местами изукрашенной зеленкой, долго терпел «беспардонное», с нарастающей силой обрушивающееся на него облаивание, но в конце концов не выдержал и двинулся на задиру, но хозяин придержал его поводком, от чего он привалился набок, и его немного протащило по земле.

Задира тотчас воспользовалась представившейся возможностью и цапнула пса за бедро.

«Ай, моська, знать, она сильна...» - мелькнуло в голове у Рамаза.

Не сдержался и хозяин бульдога, ослабил поводок, что позволило его питомцу быстро вскочить на ноги и занять боевую позицию.

Псы грозно рычали друг на друга, пока наконец бульдог не зашел быстрым маневром за спину противника, ринулся на него и, вцепившись в шею, принялся трепать из стороны в сторону.

Задира визжала, скулила, моля о пощаде и снисхождении.

Сжалился-таки хозяин, оттащивший бульдога за поводок.

- Видишь, Жучка, - пояснил Рамаз своей питомице, с любопытством наблюдавшей за происходящим, - слабым умом следует уступать.

Остервененье задиры тем временем достигло апогея, теперь уж она бросилась на обидчика и впиалась в его нижнюю челюсть. острые зубки ее сомкнулись, как капкан. Собаки долго кружились, сбившись в клубок. В дело включился хозяин, попытался отогнать забияку ударами рук и ног. Был момент, когда ему даже удалось загнать ее за подпорную стену, в надежде, что, нависнув над высотой, она отцепится, но безуспешно - забияка все еще висела на губе у бульдога.

Пришлось подтянуть поводок.

- Какой ужас! - встревожился Рамаз.

На помощь хозяину бульдога подоспел высокорослый мужчина, сообразивший облить собак водой из полуторалитровой пластмассовой бутылки. Не помогло и это. Тогда он ухватил забияку за задние лапы и попытался оторвать ее от бульдога, которого с другого конца оттаскивал за поводок его хозяин.

Забияка провисла, как «гамак», но вновь не отцеплялась. Прохожий, не выпуская ног, завертел забияку штопором, отчего она, заскулив, отвалилась наконец от бульдога и бросилась спасаться бегством, всем видом выражая «незаслуженную» обиду.

Жучка с перепугу прыгнула на колени сидящему на садовой скамье Рамазу.

«Если вирусы гриппа сохраняются и мутируют, изменяя свой серотип в клювах птиц, и каждую зиму обрушиваются на людей все новыми видами, то, наверно, и злобность, свирепость... тоже мутируют в четверо- или двуногих и с не меньшей безжалостностью косят людей, поражают большую часть общества», - предположил Рамаз.

«От гриппа и собачьих укусов спасаются медикаментами, а от человеческих увязлений в течение всей жизни вылечиться удастся не часто. Посмотришь на человека, внешне вроде ничего, а внутри, на теле и на душе, рубцов и шрамов не счесть».

Возмущенно обсуждала происшедшее и собравшаяся небольшая группа людей.

- Что с тобой?- поинтересовалась Лия, встречая озадаченного мужа у входа в квартиру.

- Пусть она тебе обо всем расскажет, - показал Рамаз взглядом на Жучку.

Жучка юркнула за дверь, ринулась в глубь квартиры, проворно вернулась в холл и неожиданно залаяла на Рамаза.

- Ах, твою, тварь неблагодарная! - возмущился Рамаз. - Уйми, пока я не выгнал ее вон.

- Ладно, иди! С миром, - отпустила его Лия, наградив поцелуем в краешек губы.

Спустя некоторое время Рамаз сидел у дантистки, в стоматологической поликлинике и вел с ней недолгий предварительный разговор.

- Ну, какие у тебя проблемы, Рамаз? - спрашивала она.

- Вот, - продемонстрировал Рамаз, открывая рот и указывая на пострадавший зуб.

- А этот? - привела врач в действие инструменты. - Впрочем, ничего, а я-то думала, у тебя проблемы с моей родственницей.

- С Лией? Да нет, что ты! Какие у меня с ней могут быть проблемы, она ведь у меня мировая, - пояснил Рамаз, подумав про себя: «Дурак я, что ли, перед такой проблемой жаловаться тебе на Лию?»

- Может, коронку поставишь?

- Мариночка, здравствуй, родная, - поздоровался подошедший со стороны улицы к открытому для проветривания комнаты окну молодой мужчина.

- А, Сандро, привет! Ну, как ты? - приветливо отозвалась врач.

Рамаз с удивлением смотрел на рисующегося перед симпатичной молодой женщиной мужчину, использовавшего в речи самые изысканные выражения. И невольно вспомнил себя, когда объяснялся в любви Лиане.

- Марина, да он же безумно влюблен в тебя! - констатировал Рамаз, когда незваный гость с улицы удалился от распахнутого окна. - Ты что, не видишь? Вроде ничего, а?

- Да нет, любезничает потому, что предстоит лечить зубы, а он боится, - улыбнулась Марина.

- Вот оно что! - протянул Рамаз. «Страх перед зубной болью, пожалуй, сильнее любви!» - добавил про себя. - Тогда понятно».

- Ну, а что же ты посоветуешь мне?
- Так,- заключила Марина,- пройди в правый флигель, в терапевтическое отделение, и покажись там Цицо. Это врач, женщина в возрасте, с рыжеватыми волосами. Скажи, что от меня, посмотри, что она скажет, а там посмотри. Хорошо?
- Хорошо,- довольно отозвался Рамаз, радуясь, что первый барьер дался ему безболезненно.
- Значит, будем делать гелиопломбу. Да?- предложила Цицо, завершая предварительную обработку зуба пациента.
- Рамаз кивнул.
- Вообще-то она у нас стоит двадцать рублей, но так как вас прислала Марина я поставлю вам за десять. Только никому об этом не говорите!
- Рамаз повторил кивок.
- Тинико,- позвала Цицо помощницу,- принеси мне, пожалуйста, раствор. Заделывая дупло, она вдруг почувствовала себя плохо:
- Ой, ой, что-то налетело, вступило! Помашите мне, Тинико, веером... помашите, что-то жарко вдруг стало. Тамила не замедлила с веером.
- «Прямо как в зубодерне у фараона»,- подумал Рамаз.
- Охо-хо-хо, охо-хо-хо! Помашите, Тинико, помашите! Не останавливайся! И ему... ему тоже жарко,- показала врач взглядом на Рамаза.
- «Что?»- возмутился Рамаз про себя. Этого еще не хватало! А мне-то зачем?»
- Помашите, помашите ему тоже,- противилась, словно читая его мысли, врач.

IX

- Из двора, в глубине которого стояло небольшое двухэтажное здание п-образной формы, с воем сирены вылетела, как угорелая, белая машина скорой помощи.
- Перед входом в здание суетились несколько человек в белых халатах.
- Привет,- поздоровался с Рамазом один из них.
 - Привет, Мераб, никто меня не спрашивал?
 - Шеф!
 - Что ему надо?
 - Кажется, на другую машину тебя пересаживают.
 - Какая разница, на какой машине ездить?
 - Вот именно, важнее, кто в ней ездит. Вроде бы новую службу формируют. Группа экстренной всесторонней помощи!
 - А-а... Интересно!
 - Знаешь ведь, всегда выгоднее иметь одного многопрофильного врача, такого, как ты, чем нескольких - хирурга, терапевта, кардиолога...
 - Ну, да, конечно! Только вот в акушеры я никак не сгожусь.
- Мераб улыбнулся.
- Пройдя в кабинет, Рамаз резко опустил молнию, сбросил куртку.
- Да, чуть самое главное не забыл,- бросил Мераб ему в спину,- зайди в бухгалтерию, получи бабки за прошлую неделю.
 - «Бабки, куда там! До дому не донесу!»- усмехнулся Рамаз,- за пятнадцатирублевый вызов дают только один рубль.

Х

День выдался сложный. Вызовы следовали один за другим. Задержался допоздна, и все равно пришлось отпрашиваться у Лии еще дополнительно.

- Извини, но просят остаться на ночную смену,- виновато сообщал он ей по телефону,- если ты, конечно, не против...

- Против! Конечно же, против!- расстроилась Лия,- ты мне совсем не помогаешь. Все свалил на меня, а сам то на работе, то дома ешь или спишь. Это ли ты мне обещал, когда просил руки...

- Ну, хорошо, хорошо, успокойся! Зачем я тебе, уставший, ночью? Продержись как-нибудь до утра, а там весь завтрашний день, до вечера, буду в твоём распоряжении.

- Если у тебя там кто-то появился, лучше скажи прямо, я не обижусь,- гнула Лия свое.

- Ой, что за глупости! Проверь, если хочешь!

- Да, как же, иду! Брошу детей и приду!.. Ты запер меня и держишь в клетке, как твой брат своих птиц.

Неприятный разговор продолжался еще несколько минут.

- Причем тут мой брат»- изумлялся Рамаз.

- А при том, что женщина не птица, чтоб сидеть в клетке.

«Вот женская логика! Значит, женщина должна летать, а птица сидеть в клетке» Вот дает...»

- Ну, что там, Рамаз Михайлович? - нетерпеливо звал его молодой коллега.

- Женщин не знаешь, что ли? - отмахнулся Рамаз.- Хотят, и чтоб деньги были, и чтоб дома сидели мы неотлучно.

- Откуда же ему знать, Михайлович, он ведь еще не женат? - вмешался водитель скорой, дядя Ваню, пожилой, среднего роста, плотного телосложения мужчина.

- А что, непременно надо жениться, чтобы знать их! - рассмеялся подоспевший коллега, Ираклий Георгиевич.

- Ну, не скажи! Замужние женщины очень отличаются от незамужних,- возразил дядя Ваню,- не мне вас учить!

- Да,- согласился Рамаз,- даже одна и та же после замужества не та, что до него.

- Небо и земля! - подтвердил дядя Ваню.

- И все изменяются от лучшего к худшему? Или есть исключения? - поинтересовался Мераб.

- Не слушай их, сынок,- попробовал отвлечь внимание на себя Ираклий Георгиевич,- не то они тебя навсегда оставят холостяком!

- Эх, женщина, женщина, непостоянство имя твое,- процедил сквозь зубы дядя Ваню.

- Ну, ладно, идите к столу,- пригласил Мераб, - не то чай остынет совсем.

Экипаж скорой помощи «машины боевой» устроился за небольшим столиком в левом углу комнаты медперсонала.

- Так! Перекусим немного, что ли?!

Закуска на столе стояла довольно богатая.

- А вообще-то, сынок, вот, например, драматург Бернард Шоу до сорока лет оставался неженатым, но потом-таки дрогнул,- продолжал дядя Ваню, что позволило ему впоследствии утверждать, что женщины гениальны в любви и совершенно невыносимы во всем остальном.

- За спиной каждого преуспевающего мужчины стоит хорошая женщина,- заключил Ираклий Георгиевич,- так, что без них тоже в общем-то худо.

- И какова женщина, таков и мужчина,- добавил Рамаз.

- Фрэнсис Бэкон, философ, утверждал, что любить и быть мудрым разом невозможно,- вспомнил дядя Ваню.

- Но жениться, Мераб, все-таки надо, и не тяни, пожалуйста, с этим,- посоветовал Ираклий Георгиевич.

- Трудновато выбрать, Ираклий Георгиевич!- пояснил Мераб, улыбаясь.- Кишмя кишат, одна лучше другой. Однако... цена ошибки очень высока! Как бы не ошибиться в выборе?

- Не волнуйся, Сократ настаивал: женитесь, несмотря ни на что. Попадется хорошая жена,- окажешься исключением, плохая - заделаешься философом.

- Э-эх,- протянул Рамаз,- правильно заметил поэт: «Тех женщин выбираем, которые нас выбрали уже».

- А Толстой считает еще интереснее,- перебил его дядя Ваню,- «Если человек живет уже человеческой, духовной жизнью, то влюбленность, любовь, брак для него - паденье. Если же он остается на уровне животного - ест, пьет, работает... служит...- то любовь для него подъем, как для животных, рыб, насекомых...»

- А кончается тем, что женщины становятся одинаковыми, сынок,- пояснил Ираклий Георгиевич.

- Ну, ладно, довольно про женщин,- поморщился Рамаз.

- Михайлович, ты что? Обучаем науке молодого человека. При случае пригодится,- пояснил Ираклий Георгиевич.

- Да не маленький уже, сам как-нибудь разберется!- отмахивался Рамаз.

- Нет, детка, не слушай его,- настаивал дядя Ваню,- и помни, что женщины не ценят того, что им дается легко. Так уж они устроены, и ничего тут не поделаешь. К тому же, как утверждает все тот же Лев Николаевич Толстой, частенько употребляют слова не для выражения своих мыслей, а для достижения целей.

И наконец: женщины ошибаются, полагая, что все мужчины одинаковые, мужчины же, что все женщины разные.

Рамаз удивленно смотрел на дядю Ваню: «И ему быть водителем» Да с его знаниями лекции в университете читать...»

- А я, Михайлович, и работал там, но с зарплатой тамошней туговато жить стало, вот и подался сюда...

Рамаз изумленно вылупил на него глаза.

- Знаете... если вы, конечно, не против... я тут на всякий случай прикупил три бутылки красного нашего, марочного винца,- осторожно предложил Мераб.

- Ты что, сдурел?- разъярился Рамаз.- Во время дежурства!

- А-а... подумаешь, три бутылки,- помолчав, заявил Ираклий Георгиевич,- да еще при такой хорошей закуске. На одного и бутылки не получается... согреемся немножко, а?

Сидящие за столом переглянулись.

- Не стоит, Георгиевич, шеф узнает, будут проблемы,- предостерег Рамаз.

- Да откуда он узнает, если мы ему не скажем!

- Нет, я не буду, я за рулем,- наотрез отказался дядя Ваню.

- Давай-ка сюда одну бутылку, сынок! Посмотрим, что она из себя представляет,- взял на себя ответственность Ираклий Георгиевич, принимая бутылку.- Ну, так, за

нашу жизнь, друзья, за нашу беготню,- предложил он первый тост.- Хорош, однако... ароматный...

- Как сказал Хемингуэй, вся наша жизнь - постель,- вспомнил дядя Ваню.

- Всей нашей жизни суть, начать сначала все, когда-нибудь,- не отстал Ираклий Георгиевич.

- Да уж, тем более нашей,- согласился Рамаз.

- Вообще-то, как говорят мудрецы, те, кто проник в суть жизни, никогда никуда не торопятся,- заключил дядя Ваню,- но как это возможно при нашей профессии»

- Да,- поддакнул ему Рамаз,- а особенно в нашем городе, где живет такая палитра людей. Какие только, признайтесь, пациенты нам не попадаются!

- Пожалуй, Толстой прав,- добавил дядя Ваню,- жизнь - драма человека, и она может измениться в одно мгновение.

- Весь мир театр, а наш город не исключение. Ну, ладно, второй тост! За наших жен,- ввернул Ираклий Георгиевич.

- Ой, Георгиевич, лучше за них, как за матерей наших детей,- поправил его Рамаз.

- Ха-ха,- ухмыльнулись присутствующие.

- Идет,- согласился Ираклий Георгиевич,- еще Маркс сказал, что какова женщина - такова и семья, а какова семья - такова и общество.

Застолье понемногу втягивалось в полные обороты.

- Георгиевич, хватит, пожалуй, довольно,- предостерег Рамаз.

- Ну, что ты! Последнюю бутылку оставить, что ли?- усомнился Ираклий Георгиевич.- Допьем уж и кончим. Переключимся потом на чай!

Третья бутылка пошла по кругу.

- Главный тост! За любовь - царицу всех добродетелей! На земле нет ничего сильнее любви. Все движется любовью. Фрейд говорил.

- И апостол Иоанн,- вспомнил Рамаз.

- Да... а вот Толстой утверждает,- затянул дядя Ваню,- что человек легче переживает землетрясения, эпидемии, войны, чем неудачу в любви.

- А все равно поэт написал:

Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовью ответной
Тебе никто не отплатил.

- О-о...,- протянул дядя Ваню,- безответная любовь, это еще один большой вопрос, особая сторона жизни человека.

- Да-а... Это да. Вот у Тютчева:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей...

Вино сменил крепкий чай, но от темы отойти не удавалось.

- Все-таки наши жены порой излишне к нам требовательны,- заявил Ираклий Георгиевич,- согласитесь!

- Да уж,- подтвердил дядя Ваню,- и трудно бывает из-за этого сохранить семью. Все им не так да не этак!

«Да уж,- мысленно подтверждал Рамаз,- дома сидел, гнала на работу, работаю, жалуется, что не бываю дома. Пестрая бабочка, не улетай и не прилетай!»- вспомнилась ему народная песенка.

- Самая надежная и прочная семья та, которой нет,- подметил неопытный в семейных делах Мераб.

- Это уж точно!- вынужден был подтвердить Ираклий Георгиевич.

Разговор затянулся за полночь. Усилился холод, и электропечурка уже не справлялась с ним.

- На Западе и в горах выпал, должно быть, снег,- поежился Ираклий Георгиевич.

- Ха, поглядите-ка,- взглянул дядя Ваню на окна,- и здесь повалил!

- И впрямь!- удивился Мераб. - До зимы еще вон сколько, а погода «вот тебе на»!

Все участники застолья провожали взглядами первые хлопья.

- Если так до утра, наметет порядком,- заметил дядя Ваню.

- Хорошо, что хоть вызовов чего-то нет,- как-то неуверенно отозвался Рамаз.

- Может, заснул наш диспетчер?- предположил Ираклий Георгиевич.

- Да ну, что вы, Георгиевич,- возразил Мераб,- у Темо там такая оповещательная система, что и спящего в берлоге медведя разбудит!

- Что вы хотите,- объяснил дядя Ваню,- в городе развелось столько частных служб, вроде нашей, что хоть отбавляй. К тому же, по инерции, звонят больше на государственную. По привычке, на ноль-три, а там уж своих клиентов не упускают. И к тому же вызов у них куда дешевле.

- Глядите, вторая наша машина проехала!- воскликнул Мераб.

- С вызова, что ли?- заинтересовался дядя Ваню.- Ну-ка сбегай, сынок, к нашим, узнай, что там у них...

- Точно, дядя Ваню, вы оказались правы, наши только что вернулись с вызова,- сообщил, вернувшись, Мераб.

- Ну, вот, говорил же, пахнет вызовом,- подбоченился Ираклий Георгиевич.

- А почему Темо нам ничего не сообщил?- запальчиво воскликнул Рамаз.

- А кто его знает,- отозвался Мераб,- должно быть, они первыми под руку попались.

Забегал Ушанги, водитель второй машины, немного погрелся у печки. Ему дали перекусить.

Ушанги рассказал кое-что о вызове.

- Позови своих, пусть придут, погреемся немного, поедят,- предложил Ираклий Георгиевич.

- Да еще и женщины украсят наше общество,- добавил дядя Ваню,- как ни говори, а все же хреново без них!

- Да ну! Уединились там, и ладно! Свои трали-вали...

Через полчаса постукалась-таки одна, среднего роста и средних лет, в накинутом на плечи шерстяном тонком платке и с самодельной электроплиткой на ножках.

- Ребята, починили бы, а? Девчата совсем замерзли. На одном чае да кофе до утра не дотянем!

- О чем речь!- горячо откликнулся Ираклий Георгиевич.- Проходите, Зоя Ивановна, присаживайтесь, погреемся у нас.

- Спасибо,- жалобно поблагодарила Зоя Ивановна,- меня там девочки ждут. Вот если с электроплиткой поможете.

- Ну-ка дайте, посмотрю,- шустрил Мераб, принимая у нее нагреватель.

- Конечно, поможем! Но лучше бы позвать их сюда, посидим, побеседуем, перекусите, согреетесь у нашей печки...- соблазнял Ираклий Георгиевич.

- Нет, Георгиевич, спасибо,- поблагодарила Зоя Ивановна,- мы уж сами... лучше.

- Ну, что с вами делать! Вот упрямец!- багровел, но улыбался Ираклий Георгиевич.- Вместе ведь и теплей и веселее!

На шум в комнату заскочила коротко стриженная медсестричка. Глаза ее выражали легкий испуг, и она, как бы защищаясь от чего-то, укутывалась в свой, отнюдь не тонкий теплый плащ.

- Ну, как, Зоя Ивановна, получится что-нибудь?- кивнула она на электроплитку.

- Не знаю, вон Мераб возится с ней на кушетке.

- Спираль, Ия, совсем прогнила. Видишь, что творится,- пояснил Мераб.- Труха! Попробую укоротить и закрепить. Но все равно долго не проработает.

- Что же делать?- приуныла Ия.

- Как что делать? Присоединяться к нам!- тоном, не допускающим возражений, воскликнул Ираклий Георгиевич.

- Нет, нет! Я, пожалуй, пойду,- заколебалась Ия, и, пока мешкала, в комнату ввалились и остальные члены бригады Зои Ивановны.

- Ой, как у вас тепло и уютно!

- Ну! А я о чем твержу столько времени?!- обрадовался Ираклий Георгиевич.- Да кто слушает!

- Проходите, проходите, девчата,- поддержал его дядя Ваню,- во-от, отодвинем стол от угла, поставим посередине и будем за ним зимовать.

Мераб откинул плитку и бросился к столу.

«Ау... что сейчас будет!»- с тоской подумал Рамаз.

Водитель второй машины оглядел компанию и, понурившись, направился к двери.

- Ты чего это, Ушанги?- бросил ему вслед Ираклий Георгиевич.

- Да ну, Георгиевич,- извинился он,- пойду-ка я лучше в диспетчерскую, к Темо. Чего-то спать очень охота.

- От коллектива откалываешься, Ушанги, да?- призвал его к ответу дядя Ваню.

- Нет, Ваню, пойду я все же, пойду,- твердо стоял на своем Ушанги,- спать очень хочется, говорю.

Оставшийся мужской контингент службы распределил и рассадил дам по их возрасту.

На стол откуда ни возьмись выплыли две поллитровки, пара пузатых пластмассовых бутылок фанты и кока-колы.

- Хороший из тебя врач получится, Мераб,- улыбнулся Ираклий Георгиевич и подмигнул своему молодому сотруднику.

Мераб понимающе ответил тем же.

«Молодец, Ушанги,- обрадовался в душе Ваню,- правильно поступил, что ушел. Остался бы лишним, пары бы для него не достало».

- Мзия Георгиевна! Прошу всех, закусывайте, угощайтесь!- энергично предлагал Ираклий Георгиевич,- все свои, так что смелей, не стесняйтесь. Софико, пригляди, пожалуйста, за Рамазом, он что-то совсем раскис.

- От холода, что ли?- удивилась та.
- Нет, Аракеловна. Должно быть, с женой что-то этакое... неладное,- поспешил пояснить дядя Ваню.
- «И чего он в чужие дела лезет»?- возмутился было Рамаз, но удержался от замечания.
- Гулянка продлилась до самого утра. К первым двум поллитровкам добавились еще две. Веселье пресек лишь строгий стук в дверь.
- Не открывайте!- вскрикнул Ираклий Георгиевич, кружась в медленном мелодичном танце под музыку из портативного магнитофона Мераба в обнимку с Мзией Георгиевной.- Это Пржевальский, он все нам нарушит.
- Откуда ему сейчас взяться, Георгиевич? Должно быть, дядя Ваню вернулся,- усомнился танцующий с Ией Мераб.
- Чего ты, дурачок, приуныл,- сюсюкала Софико, пытаясь растормошить задумчиво сидевшего за столом Рамаза, легко ероша его длинные кудри на затылке.
- Я не могу ей дать то, чего она заслуживает и что я ей обещал... Пожалуй, она права,- выговорился Рамаз.
- Женщине от мужика нужно только одно!- уверенно заявила Софико.
- Рамаз резко поднял голову и изумленно и строго посмотрел ей прямо в глаза.
- Софико уловила смысл этого взгляда.
- Внимание, внимание!- поторопилась она уклониться от темы, едва сдерживая пробивающуюся улыбку.
- Зоя Ивановна,- разливался между тем дядя Ваню, медленно объезжая кругами здание скорой помощи на своей машине,- вы, конечно, удивитесь, но я так же катал свою жену до нашего брака.
- Что вы хотите этим сказать? Уж не собираетесь ли жениться и на мне?
- О-о,- протянул дядя Ваню,- если бы не ваш муж...
- Как, а ваша жена? Мое согласие в конце концов?!
- Женщина, как правило, долго не может разобраться в сути своих желаний,- расфилософствовался дядя Ваню.
- Что вы говорите? А мужчины?- усмехалась Зоя Ивановна и просила:
- Медленнее, медленнее по первопутку, по первому снегу. Смотрите, какой он мягкий и нежный!
- Медленней не могу, мотор заглохнет, и вода в радиаторе замерзнет, и радиатор накроется.
- Что, говорите? Радиатор?- похохатывала Зоя Ивановна, будто впервые слышала эти слова:- Мотор, радиатор, мотор, радиатор...
- А что я сказал такого смешного?- в свою очередь смеялся дядя Ваню.

.....

Строгий стук в дверь повторился.

- Не открывайте!- настаивал Ираклий Георгиевич.- Так о чем я вам говорил, Мзия Георгиевна?- как бы вспомнил он.- Дело в том, что наши отцы были, оказывается, тезками...
- Что вы говорите?- восклицала в ответ Мзия Георгиевна,- я как-то об этом не думала!
- Да, представьте себе,- уже серьезно продолжал Ираклий Георгиевич,- и, возможно, даже друзьями.
- Ну-у?

- Не перебивайте, пожалуйста.
- Хорошо.
- Так что мы обязаны быть друг с другом в еще более близких отношениях, чем раньше.
- Куда еще ближе,- улыбалась Зоя Ивановна.
- Вы не понимаете, о чем я говорю, и все время почему-то перебиваете меня. И как только вас муж терпит...

.....

- Ия, знаете, я хочу извиниться перед вами,- несмело протянул Мераб.
- И за что же?
- Ну... ну...
- Смелее, не бойтесь, вы же врач!
- А вы не обидетесь?
- Смотря по тому, что вы скажете.
- Знаете, я вас как-то раньше не замечал.
- Как это?
- Ну, да, мы столько времени вместе работаем, но, знаете...
- Ну?!
- Знаете, вокруг меня всегда было столько красивых молодых девушек, и по сегодняшний день бегают... но...
- Ну, и... что но?- делала глазки Ия, сляясь вытянуть длиннющую нить, идущую из его нутра.

.....

- Дурачок, она закидала тебя своими заботами и проблемами, а ты винишь себя,- объясняла Софико Рамазу.
 - Мужчине тоже от любимой женщины нужно одно.
 - Что?!- еще резче повторил свой предыдущий жест Рамаз.
- Софико встрепенулась, но сразу же собралась:
- Успокойся, дурачок, успокойся! Конечно же, те же внимание, ласка, тепло... Вот и все! И он будет пахать и пахать.
 - Ты права,- печально согласился Рамаз,- и еще понимание...- добавил он чуть погодя.
 - О-о, это в первую очередь!- воскликнула Софико.
- Рамаз склонился над столом.
Софико медленно, настороженно потянулась к нему, нежно поцеловала в уголок губ.
Рамаз не прореагировал никак.

.....

- Так^ так! Все понятно! Неплохо вы тут, как я вижу, устроились!- прогремело, как гром среди ясного неба.

Незаметно для всех в комнате вдруг появился рослый, плотного телосложения мужчина. Рядом с ним стоял полусонный Ушанги.

Все вдруг застыли в изнеможении и, в испуге встав по стойке «смирно», уперлись взглядами в только что вошедшего раннего гостя.

- Понятно,- чуть слышно процедил сквозь зубы Ираклий Георгиевич,- измена в штабе.

- Что тут у вас все-таки происходит? Может кто-нибудь объяснить?

- Понимаете, Заза Ильич,- затянул Ираклий Георгиевич, не совсем пьяный, но и не абсолютно трезвый,- мы все тут продрогли за ночь, и...

- И решили, конечно же, немного согреться?

Провинившиеся мужчины качали головами, а женщины, потупившись, пятились к углу комнаты.

- Вы все уволены!- отрубил Заза Ильич.- Ищите себе другую работу,- и, повернувшись, торопливым шагом быстро вышел из комнаты.

- Заза Ильич! Заза Ильич, погодите!- бросился за ним Рамаз.

- Шеф не шутит!- констатировал Мераб.

- Я же говорил, не открывайте,- напомнил Ираклий Георгиевич, понизив голос,- вот так и дома, и на работе. Не слушают, а потом заваливают проблемами и себя, и меня.

Снежинки уже не кружили по небу, а падали на землю прямым, свободным падением, заметно снижая его частоту.

В городе всегда с большой радостью встречали первый снег, который мог оказаться и последним в наступающей зиме.

XI

Рамаз медленным шагом приближался к своему дому, по пути трезвея и освежаясь белоснежными комками, прокручивая в голове события прошедшего бурного ночного дежурства.

Бесшумно и осторожно приоткрыл дверь и, входя, уловил уговоры Лии, пытающейся поднять с постелей полусонных детей.

Выбежавшая навстречу ему Жучка, словно не узнавая, в изумлении всматривалась в своего хозяина, время от времени озираясь по сторонам.

- Что смотришь, не узнала, что ли?- любопытствовал Рамаз, скидывая обувь.

Потом приложил указательный палец левой руки к губам и потребовал:

- Тс-с...

Это послужило толчком для разразившейся лаем Жучки. Требование к себе она поняла превратно.

- Вот дура, а,- вполголоса разъярился Рамаз, кидая в нее подвернувшейся под руку тапкой,- я тебя об этом просил?!

- Ты выпивший, что ли?- встречая его, спросила Лия.

- Немного,- помялся Рамаз,- было холодно... и...

Она помогла ему раздеться.

- Пахнет духами,- удивилась, вешая его куртку на вешалку.- Где ты был?

- На работе,- тоже удивленно ответил Рамаз.

- Не ври.

- Правда, правда...

- Хорошая у тебя работа!

- Ну... какая уж есть...- пожал плечами Рамаз.

Лия долго молча вглядывалась в него.

- Уходи,- спокойно произнесла наконец.

- Что?

- Уходи.
- Куда?
- Откуда пришел.
- Но смена на работе уже закончилась...
- Тогда уходи к своей Сони и Раке.
- Что-о?
- Что слышал,- безучастно бросила Лия.
«Откуда она узнала?»- изумился Рамаз.
- Но почему! Между нами ничего нет,- вырвалось у него. Он сразу пожалел об этом, но было поздно.
- Все равно, уходи.
- Лия, я прошу тебя, дай мне сейчас отдохнуть,- взмолился Рамаз,- поспать немного... не то я с ног валюсь. Не видишь, я не спал всю ночь... а проснусь, все тебе объясню.
- Не нужны мне твои объяснения.
- Лия, прошу тебя.
Лия была неумолима, но продолжала сохранять внешнее спокойствие.
- Уходи отсюда! Ты нас уже достал,- потребовала выбежавшая полуголенькой Анечка.
- Анечка, ты что?- вскрикнул Рамаз.
- Если ты не уйдешь, то уйду я,- вновь потребовала Лия.
- Лия, ты меня выгоняешь из моего собственного дома?- недоумевал Рамаз.
- Да. Так!- подтвердила Лия.- Подынешь детей, оденешь их, умоешь, накормишь, отведешь в школу и детский сад! Не забудь и про Жучку. А я пошла!- бросилась она в спальню собираться.
- Па, ты же обещал в цирк повести. Когда же?- показался из-за двери полусонный Акакий.
Продолжала полаивать на Рамаза и Жучка.
- Скоро, сынок, теперь уже скоро!- пообещал Рамаз.- Потерпи еще немного.
.....
- Здравствуйте, Роза Григорьевна,- поздоровался Рамаз, встречая в подъезде соседку,- ну, как там наши дела?
- Ну, как, какие могут быть дела, когда вчера...
Соседка завелась фундаментально надолго. Рамаз спускался, не останавливаясь.
Он шел по заснеженной улице, не замечая никого по сторонам. Шел и думал о том, как одинок человек в этой жизни, и как почти в один миг он лишился и дома, и работы... и жены, и детей...
«Откуда она узнала про эту Софику»- про себя задавался он вопросом.- Неужели позвонила на работу и диспетчер или Ушанги проболтались? Нет, не может быть, быть не может?,- неуверенно убеждал он себя.
- Не может быть, Рамаз?! Как случилось? Проходи.
- Соскучился по брату. Думаю, проведаю его. Что, нельзя?
- Как же нельзя? Проходи же.
- А вот тебя застать дома, Авто, это правда большое чудо.
- Хм,- улыбнулся Авто,- да, ты прав, тебе повезло. Правда, погода немного изменила мои планы, но я вот-вот собирался выйти из дому. Кофе, чай?- предложил он, усаживая брата за небольшой круглый стол.

- Нет уж, этого довольно, и надолго. Можно у тебя немного поспать?
- Что это с тобой?- удивился Авто.- Поругались с Лией?
- Она выгнала меня из дому.
- Что?- изумленно протянул Авто.
- Да,- утвердительно кивнул головой Рамаз,- и Анечка с ней заодно...
- Вот это да! Вот это новость! Они что, сдурели?
- Вот тебе и женская солидарность.
- Ну...- приуныл Авто.- Круто!
- Да уж,- согласился Рамаз.- Ты знаешь, что мне еще Анечка сказала»
- Ну?
- Что я их достал!

Авто рассмеялся.

- Это не смешно,- заметил с горечью Рамаз, пускаясь в объяснения:
- Ты знаешь, Авто, никто из нас не думал, что это могло вылиться в такое.
- А, что ты хочешь,- отозвался Авто,- если лукавый не спит ни днем, ни ночью, если у него нет ни отпуска, ни отдыха, ни перерыва. Ходит, аки лев рыкающий, и ищет, какого бы простодушного проглотить?- процитировал он поучение одного из святых отцов.- Могло завершиться и хуже. Надо не отчаиваться, а радоваться, что шеф объявился и стал над головой раньше обычного.

- Ну, это ты уже перегибаешь,- самоуверенно заключил Рамаз,- ничего бы не произошло. Что мы, маленькие, что ли? И давно уже знаем друг друга.

- Молодец, дядя Ваню, настоящий все-таки мужик,- долго не мог унять восхищения Авто.

- Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно,- процитировал в свою очередь Рамаз Лермонтова.

- Да, вот это да! Озадачил ты меня, братец, с утра пораньше,- восклицал Авто,- надо же, два снега, два стихийных бедствия с утра на мою голову: одно природное, другое - домашнее. Хорошо, что дома меня застал, не то куда бы пошел?

Рамаз пожал плечами и цокнул губами.

- Не знаю,- вырвалось у него.
- Ой!
- Что делать?- вопросительно развел Рамаз руками.
- Ладно, отсыпайся тут, приводи себя в порядок, а к вечеру я вернусь и решим, что дальше делать. Не бойсь, прорвемся!
- Ага, спасибо тебе,- поблагодарил Рамаз,- никогда тебе этого не забуду.
- Да ладно,- бросил Авто уже из-за распахнутой двери и, захлопнув ее, оставил Рамаза наедине с самим собой.

- Интересно, куда это он собрался прорываться?- заинтересовался Рамаз.

Авто спешил на свидание с Экой и чувствовал за спиной легкие крылышки, помогающие идти быстрее.

ХII

*Как будто бы железом,
Обмакнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом*

Больше года уже продолжались дружеские отношения Эки и Авто, в основном ограничивавшиеся встречами и короткими беседами перед или после субботних и воскресных служб в церкви. Случалось, что на службу не приходили Эка или, чаще, Авто, и оба они считали эти пропуски холостыми ходами. Так или иначе, однако время, которое играло на Эку, но не на Авто, неумолимо летело вперед. Счастье, как водится, было недолгим.

- Из вас получился бы неплохой сценарист,- убеждала Эка, частенько возвращаясь к приятному для Авто разговору.

- Правда? Мне так отрадно, что вам нравится эта пьеса.

- Не пытались ли вы к кому-нибудь обратиться с ней?

- Да, пытался. Отнес ее в драматический театр, где обещали ее поставить, но пока что-то медлят. Видимо, туговато с финансами. Время, сами знаете, такое... каждый думает о себе. Вот и там проталкивают свое.

- Кроме того, чтоб написать хороший сценарий, нужно быть талантливым художником, режиссером, а чтоб поставить, чуть ли не гением...

- Ну, уж в этом- то у нас в стране нехватки нет. Куда ни помотришь, везде одни гении,- объяснил Авто,- страна гениев!

- Да уж,- согласилась Эка,- но я, в отличие от вас, решительно не согласна со словами Альбера Камю о том, что каждый человек одинок в этом мире, и что всем друг на друга наплевать, и что все наши страдания есть пустынный остров.

- Так эти претензии не ко мне, а к Альберу Камю!

- Тогда, может, их не приводить в вашем случае вообще?

- Да нет же, вы не поняли...- принялся объяснять Авто.

- Может, поговорим еще раз об этом подробнее где-нибудь в городе, в укромном месте, за чашкой кофе.

- Нет-нет!- отмахнулась Эка. У вас уже был случай, но вы им не воспользовались,- язвительно напомнила она.

Авто встрепенулся.

- Да, но тогда у вас не было этого сценария?

- Но была я,- опять подкольнула Эка.

- Дайте мне, пожалуйста, еще один шанс,- взмолился Авто.

- Нет, Авто, нет!- решительно отказалась она, сдерживая улыбку.

- Ну, почему же, Эка?

- Не могу! И прошу вас больше к этому не возвращаться. все равно ничего не получится, только нанесем друг другу больше сердечных ран. Обещайте, прошу вас, что на этом все кончится.

Авто застыл от боли, словно в сердце его вонзилась смертоносная стрела.

Эка уходила с не меньшей тяжестью на душе. Спускаясь по неширокой асфальтированной дороге, ведущей от церкви к городу, вниз, она вспоминала недавние, последние баталии по этому поводу с домашними.

- Эка, ты, что же, совсем сошла с ума? Такой старый, невзрачный, что у тебя с ним общего?

- Птицы и небо!- убеждала Эка.
- Этого слишком мало, да к тому же вскоре ты обнаружишь, что и они взлетели и покинули вас.

- Позабавится он с тобой недолго и бросит.

- Он не такой!

- Откуда ты знаешь? Какой?- включилась в перепалку и мать.

- Знаю!- настаивала Эка.

- Я вот с твоим отцом уже сколько леи прожила, а до сих пор его до конца не знаю.

Мамия Сергеевич с изумлением взглянул на свою жену. «Надо же»?- подумал он.

- Более того, я не уверена даже в том, что знаю до конца и полностью саму себя, а ты ручаешься за недавнего знакомца.

Долгие, тяжкие, нудные споры и перетягивания каната всякий раз завершались победой родителей.

- Вот Натали он бы еще мог подойти,- бросила нечаянно мать,- но и для этого нужно хорошенько обо всем разузнать и его самого узнать поближе. Мало ли что? Знаешь ведь, какое сейчас время!

«Если бы перед свадьбой жених с невестой знали друг друга до конца, то ни одна из них бы не состоялась»,- вспомнил, но промолчал Мамия Сергеевич. Некогда эту мысль высказал один из его преподавателей философии. «Но предварительно кое-что о человеке знать все же надо,- согласился он,- тем более, если собираешься связать с ним судьбу».

- Он хороший парень и нашей семье очень подходит.

- Какая разница, если получится, сделаешь доброе дело сестре. Вон она уже как засиделась. Да и для себя тоже. Будет зятем. Подумаешь! Люби его по-христиански, кто тебе запрещает?

- Он и Ната как небо и земля!- возражала Эка.

- Ничего. Если Всевышний пожелает, то сбудется.

Эка сдавала позиции с трудом, с болью, с промедлением. Понемногу гасила в себе чувство. Натали встретила новость поначалу как абсолютно невозможную.

- Чем же вы все-таки занимались с ним тогда в вагончике?- неоднократно выпрашивала она сестру.

- Ты, что, маленькая, что ли? Не догадываешься? Чем еще заниматься наедине с мужчмной?- огрызнулась в конце концов на нее Эка.

- Я так и знала!- злорадно выкрикнула пораженная Натали.- Шлюха ты маленькая. Ведь еще и с Леванчиком кокетничаешь!

- Да ну вас всех!- неожиданно разрыдалась Эка и бросилась к себе, громко захлопнув дверь.

- Прекрати, Ната, прекрати!- одернул отец старшую дочь.- Видишь, что с ней творится»

- Вот такие вы несправедливые!- возмутилась Натали.- Ей вы, небось, ничего не говорите. Стало быть, ей все можно, а мне нельзя?!

- Полно тебе, Ната!- прикрикнула на нее и мать, устремляясь вслед за Экой.

- А кормить меня кто будет, интересно?!- тяжело вздохнул Мамия Сергеевич.

Авто с каждой встречей не без боли замечал, как Эка все больше от него отдаляется и избегает.

Еще одна стрела ранила его сердце, когда во время одного большого церковного праздника он увидел ее с молодым парнем и когда она, заметив его взгляд, приникла лбом к спине своего спутника и на несколько мгновений застыла.

«Боже,- с горечью пронеслось у Авто,- эту стрелу не вырвать из моего сердца даже тебе».

К своему изумлению, однако, к концу службы он заметил, что был не прав и Тот, к кому он в душе обратился, с незаметной для него легкостью справился с его затруднением. И он с трудом, но смирился с очередным «поражением». Выходя за ворота храма, поймал осторожный взгляд в его сторону Натали, которая тут же отвернулась на зов Эки, спросившей у нее о неизвестном ему некоем Леване.

Время шло с облегчающейся тяжестью и тягучею быстротой. Ранее нерегулярно, изредка появлявшаяся в церкви Натали зачастила в нее.

Эка вдруг повадилась становиться рядом с Натой, в непосредственной близости от Авто, который далеко не сразу понял и догадался о задумке сестер. На это ушло чуть не полгода, пока во время одной из служб его вдруг не осенило. Теплое блаженство прошло по его сердцу.

«Какой она все же добрый и заботливый человек»,- подумал он про Эку.

Медленно, нехотя и тяжело переключался он на Натали. Последним, решительным толчком послужил ее едва заметный воздушный поцелуй губами, глазами и кивком головы.

«Эх, что ж, ладно,- твердо решил он во время одной из служб,- видит Бог, я этого не хотел и не хочу, но раз они обе заодно, не свинья же я так упрямо отталкиваться от их внимания. Женщина хочет - Бог хочет,- вспомнил он поговорку.- Ради Эки, и ради того, чтобы быть с ней рядом, я пойду и на этот шаг».

- Ната,- поднял он взгляд,- знаете, я очень заинтересовался вами, и хотел бы познакомиться поближе.

- Да? С удовольствием,- сразу согласилась Натали.

- Мои брат и невестка желают того же. Может быть, съездим к ним как-нибудь в гости, когда вам с Экой будет удобно»

- В следующую субботу или в воскресенье. Можно после службы,- деловито уточнила Натали.

- Дожить бы до них,- вздохнул Авто.

- О-о,- рассмеялась чуть слышно Ната.

В тот день, после службы, Авто поднялся на горку, в свое любимое местечко в лесу, послушать пение птиц и заодно сообщить им неожиданную и приятную новость.

ХП

Небольшой подъем, ведущий к дому брата, Авто, под предлогом деликатной помощи дамам, прошел под ручку с ними обеими.

Справа легко двигалась Натали, слева порхала Эка. Они немного замедляли ход, но делали его счастливым, дарили душевную радость. Он согласен был пройти вместе с ними, в их окружении, всю оставшуюся жизнь.

Он уже осознал, что любит их одинаково и в то же время по-разному. Как птице надлежит любить оба свои крыла, чтобы жить и летать свободно и полноценно.

Ему вдруг представилось, как в его сердце, будто бы в двух вагончиках, сидят обе сестры. И он был в эти минуты счастлив, как никогда в жизни, и пытался продлить свое счастье, насколько возможно.

Сестры двигались рядом спокойно, размеренно, не трепыхались, как только что пойманные птички, рвущиеся из плена.

Авто чувствовал себя на вершине земного блаженства.

«Большого и желать нельзя,- думал он, немного тревожась,- мы теряем женщин потому, что желаем все большего, а кто желает большего, тот теряет и то, что имеет. Это та красная черта, которую нельзя переступать».

Он вспомнил вдруг изречение Козьмы Пруtkова «Если хочешь быть счастливым, то будь им» и перефразировал его по-своему: «Если ты счастлив,- держись за свое счастье и не желай большего». Но как же? Человек не автомобиль, который может затормозить и избежать столкновения. Разгон автомобиля останавливают тормоза, а человека - столкновение, авария, соударение...

Даже когда они поднялись на третий этаж и все так же, втроем, подошли к окрашенной металлической двери, и нужно было нажать на кнопку звонка, он предпочел сделать это не рукой, а другой какой-нибудь частью тела, подумал было о носе, потом о том, локоть какой из двух выпустить «из-под ручки», какой лишиться, и, к радости, сразу нашел желаемый выход.

- Эка, нажми, пожалуйста, на звонок,- попросил он, не меняя вожденного положения и выиграл таким образом несколько лишних секунд: «Когда они еще будут вместе в моих руках?»

- Иду, иду,- послышался мелодичный женский голос из-за двери, к которому присоединился раздраженный собачий лай.

- О-о, здравствуйте, здравствуйте!- послышались теплые приветствия хозяйки.

- Здравствуй, Лия, вот и мы,- сообщил Авто.

- Проходите, пожалуйста, милости просим.

- Знакомься, Лия, это Эка, это Натали!- торжественно провозгласил Авто.- А это виновница нашей сегодняшней встречи, наша невестка и хозяйка Лия. Жучка, фу, на место, молчать!- прикрикнул он на собаку.

Жучка мигом отреагировала и тотчас сменила лай на дружелюбное помахивание коротким небольшим пушистым хвостом.

Гости расположились за небольшим низким прямоугольным столом, неподалеку от отдыхающего летом камина, в черных кожаных креслах.

- Наслышана о вас, Авто прожужжал мне все уши. Как и было наконец не познакомиться,- пояснила Лия.

- Мы тоже немного знаем вас. Конечно, заочно,- улыбнулась Натали,- сегодня трудно было выбрать минуту, но Авто настоял, и вот мы здесь...не смогли ему отказать, выкроили полчаса.

- Почему так?- поинтересовалась Лия.

- Неожиданно узнали о болезни близкого друга, поспешили к нему, и вот...- объяснила Эка.

- Что-нибудь серьезное?

- Нехорошее пятно обнаружили на легком.

- А он знает об этом?

- Догадывается, сам врач.

- Курил?
- Раньше, теперь-то бросил, но...
- Ну, может, прооперируют.
- Если не поздно.
- Да, новость, конечно, не из приятных.
- Хотят в Москву слетать, здесь не рискуют, но такие расходы, виза...
- Да, с этими визами... Наломали дров на свою голову!
- Не говорите, жили столько времени, как говорится, не тужили, а теперь вот те на,- сокрушилась Натали.

- Ну, выгодно это кому-то, вот и ввели, это же какие лишние барыши,- согласилась с ней Лия.

- Да, конечно, не без этого...
- Тетя, кофе сварить?- перебила их вошедшая молодая красотка лет тридцати, среднего роста, с крашенными под бондинку волосами, в джинсовых шортах.

- Немного погодя, наверное, да, Цицино. Правда, девочки»- спросила хозяйка совета у гостей, на что те ответили ей согласным кивком голов.

- Это моя племянница Цицино,- представила всех друг дружке Лия, вслед за чем последовали любезные приветствия.- А это моя подруга Ламзира,- указала она на появившуюся из-за двери худощавую женщину лет сорока пяти.

Из кухни выбежали остававшиеся там дети, мальчик и девочка.

- О-о, а это наши казаки-разбойники, Акакий и Анечка,- воскликнула Лия,- а самая маленькая, Теа, спит в колыбели.

Дети, смущаясь, пристроились возле Авто, дергая его то за рукав, то за полу.

Женщины говорили наперебой, так, что Авто не дали даже пикнуть.

У него возникло ощущение, что про него то ли вовсе забыли, то ли попросту игнорируют.

«Я что же, не человек, эмарт1,- возражал он про себя словами своего друга и помощника Рубена,- имею и я право голоса» Намус чунес, эли2». Но вслух выразить возражение не посмел и потому прибег к новой тактике, попытался включаться в разгорающийся женский разговор неожиданно, в подходящие моменты, с отдельными, как ему казалось, мудрыми высказываниями. Но его тут же перебивали и останавливали.

«Они как птицы, их не перекричишь. Жалко, что здесь нет Рубена, а то он бы им показал, как следует говорить. Все бы тотчас умолкли, а может быть, и пошли с ним дальше».

- Дамацадет, ме тквен гачвенебт сеирс1.- пригрозил им он.

А тут еще дети тащат его с кресла:

- Пойдем с нами на кухню. Играть! Ты что же, пришел сюда, чтоб разговаривать»

- Видите, у нас гости, нельзя же так! Вот проводим их, и поиграем.

Понемногу на столе появились кое-какие сладости, специально выпеченные дома пирожные, бонбоньерка с шоколадом, фрукты, кофе, легкая фирменная наливочка, красное домашнее вино...

- Вот, тетя, фотография, которую прислал Гизо,- протянула Лие Цицино небольшую цветную фотографию.

- Ну-ка покажи,- заинтересовалась Лия, принимая фотографию,- неплохо,- и передала ее гостям.

Эка и Натали с интересом рассматривали фотографию, на которой небольшая группа солдат в форме двигалась походным маршем.

- Вот самый высокий из них, Гизо, брат Цицино,- показала Лия.

- Симпатичный,- произнесла Эка.

- А почему у них всех раскрыты рты,- поинтересовалась Натали.

- Хм,- рассмеялась Цицино,- там на обороте написано, что они поют песенку «Соловей, соловей - пташечка, канареечка жалобно поет, раз поет, два поет...»

- Как, на русском?- удивилась Ната.

- Да,- снова засмеялась Цицино,- так они, оказывается, бастуют, когда их недокармливают или чем-нибудь обделяют.

- Вообще-то ужас, что сейчас творится в нашей армии,- возмутилась Лия,- слышали по телевизору?!

- Да,- кивнула головой Эка,- бегут солдаты от голода, не выдерживают, говорят, что и дедовщина процветает, бывает, что и со смертельным исходом.

- А еще советскую армию критиковали!- запальчиво воскликнула Ламзира.

- Ну, это пока, на начальном этапе,- вступился Авто,- пока идет становление.

- Но Гизо говорит, единственное, что их там держит, это пенье соловьев и дроздов,- недоуменно протянула Цицино,- оказывается, они там поют, как нигде.

- Ну, про это вы уж спросите у меня,- снова подключился Авто.

- Ты, Авто, знаешь, как они чудесно поют по вечерам, а особенно по утрам и здесь,- добавила Лия,- и в последнее время их такое множество. Раньше их было как-то меньше.

- А знаете, тетя, почему»- пояснила Цицино.- Мне ваша соседка объяснила. Раньше их гоняли белочки, а после того, как их самих пожрали кошки ваших соседей, им стало вольготно.

«Вот люди, а!- возмутился про себя Авто.- Хоть в этом-то вопросе я разбираюсь лучше их. Нет, чтобы спросить у меня, сами выясняют и слушают соседей. А ведь со мной консультируются по интернету чуть ли не со всех концов света».

Где-то рядом раздались визг и смех и чуть ли не в лицо Авто полетели игрушки, одна из которых попала-таки в него.

Авто схватился за голову.

Эка и Натали не сдержали улыбок.

Лия выбрала детей. Ламзира и Цицино изумленно поглядывали на них, а Жучка изредка полаивала.

- Эх, девочки, я и сама очень подавлена,- заметила Лия,- наверно, Авто сказал вам об этом.

- А что»- поинтересовалась Ната.

- Да вот брат мой ушел в монастырь, вот уже восьмой месяц не возвращается, а наша мать так убивается, что никак ее не успокоить.

- Да, но ведь это же Божья милость и благодать,- с воодушевлением воскликнула Эка,- вы должны Бога за это благодарить, радоваться, что он так благосклонно взглянул на вашу семью. В старину, когда кто-то уходил в монастырь, вся семья праздновала и его даже провожали небольшим и нешумным, но радостным застольем.

- Да, конечно, я прекрасно все понимаю, Эка, и полностью с тобою согласна, но мама понять не готова, да к тому же он не сообщил загодя о своем намерении ни отцу, ни

матери. Исчез без их благословения. Разве так можно? Желать себе рая ценой переживаний и, не дай Бог, смерти родителей?

- Это не простой вопрос,- поспешила объяснить Эка,- нам, мирянам, многое порой непонятно. Ну, так нужно обратиться к церковнослужителям, священникам.

- Да, конечно, нужно,- согласилась Лия,- но как успокоить материнское сердце? Она не против того, чтоб он служил Богу, но хочет, чтоб у него была семья, дети. Он же у нас единственный сын, и если примет постриг, уже не будет иметь права жениться.

- Но зато обретет место в царстве Божиим и поможет войти туда вам всем. Это же так прекрасно,- настаивала Эка.

Было явно, что женщины говорят на самых разных языках.

- Вообще-то, я слышала, сейчас это приняло массовый характер, и в монастыри идут особенно много девочек с двадцати до двадцати пяти лет,- вмешалась Ламзира.

- Честно говоря, у меня почему-то такое ощущение, будто этот наш греховный и пагубный мир скоро поглотит нас всех,- задумчиво произнес Авто.

- Да, святые отцы говорят, что ко второму пришествию мы все, миряне, погибнем, погубим себя,- подтвердила Цицино,- в живых останутся только те, что спасут себя уходом в монастыри. Выйдут оттуда очищенные и продолжат жизнь уже в миру!

- Да, но сейчас как-то надо спасти маму,- покачала головой Лия.

- Убеждайте ее в правильности поступка вашего брата,- посоветовала Эка.

- Эх,- вздохнула Лия,- вот, например, святой Иоанн Златоуст... посчитался с желанием матери, и... Прошу вас, девочки, молитесь о моем брате.

Эка и Натали одобрительно покачали в ответ головками.

Зазвонил мобильник в сумке у Натали.

Коротко о чем-то поговорили сперва Натали, потом Эка, потом снова Натали.

- Да, мы сейчас в гостях и скоро будем. Подождите нас,- попросила она и повернулась к Авто:- Нам, к сожалению, придется скоро уйти.

- Конечно, конечно! Мы не вправе вас задерживать надолго. Только чуть-чуть,- попросил Авто,- подкладывая гостям угощение и подливая вина и наливки.

- С учетом этой нашей домашней проблемы хотелось бы женить хотя бы Авто, и как можно скорее, не то он что-то уж слишком завозился со своими птицами,- заметила Лия,- а они мягко и вкрадчиво уносят на своих крылышках его молодость. Время бежит так быстро!

Натали с любопытством взглянула на Авто, и у того екнуло сердце.

«Нет, она ничуть не хуже Эки, если даже не лучше,- мелькнуло в голове,- и как стреляет глазами! Ах, ты какая»,- вспомнил он вдруг из Геннадия Хазанова.

- Поглядишь, вроде смелый и решительный, а с девушками робкий,- продолжала Лия,- раньше они за ним ходили табунами, а с возрастом все уменьшается.

«И откуда она знает?»-удивился Авто.

- Познакомьтесь поближе, а там как знать,- перешла в наступление Лия.

«Не рановато ли?»- встревожился Авто.- Как бы не спугнуть»«

Натали загадочно улыбнулась, но промолчала.

- Вообще-то сама жизнь покажет и подскажет,- продолжала поучать Лия.- Вот только затягивать никакие дела не хорошо...

Натали все стреляла взглядом в Авто.

«Швило, ра гинда чемган, амас хом ме ар влапаракоб, чеми рдзалиа1»,- все тревожился Авто.

Общий, в основном женский, разговор прервал неожиданно пришедший Рамаз, которого быстренько познакомили с гостями.

Рамаз не замедлил выставить бутылку экстравагантного зарубежного шампанского, разлил его по бокалам, предложил тост за знакомство и настоял, чтоб все их осушили.

- Ну, нам уж совсем пора,- поднялась Натали.

- Да погодите, девчата,- воспротивился Рамаз,- что это, я вас, что ли, спугнул»

- Нет, правда, Рамаз Михайлович, мы уже и так задержались, а нас ждут,- пояснила Эка,- все это могут подтвердить.

Рамазу не без труда удалось оставить девушек еще на несколько минут:

- Я уж и не помню уже, когда видел своего брата с девушками, да еще такими прекрасными, как вы. Все с птицами да со своим Рубеном!

Авто вострепнулся, но тут ему в голову снова угодила игрушка.

Эка и Натали рассмеялись.

- Да уймите наконец детей,- взмолился шутливо Авто.

Но шум и броски продолжались с неубывающей силой.

- Акакий,- ласково прикрикнула Эка, поглаживая сидевшую рядом с ней Жучку,- иди ко мне, я уж тебе задам!

- У-у!- мотнул головой мальчик и бросился искать защиты у Авто.

- Анечка, поди-ка сюда, мы тебе что-то хорошее скажем на ушко,- подозвала Натали,- не хочешь?

- У-у!- отказалась и Анечка.

- Ну, почему? Ты же умненькая, послушная, не то что Акакий,- уговаривала ее Натали.

- Это еще не аргумент!- отрезала Анечка.

- Поглядите-ка на нее!- удивилась Ламзира.

Жучка с лаем бросилась на Рамаза.

- Что ты от меня хочешь, дурная? Я тебя трогаю?!- изумился в свою очередь и Рамаз.

- Тост! Тост!

- Давайте за всех! У меня такое ощущение, что мы давно уже знаем друг друга и что уже одна семья!

«Круто!»- подумал Авто.

Время шло, гости волновались всерьез.

- Ха,-обронил вдруг Рамаз,- Лия, знаешь, кого я сегодня встретил? Мераба с его Иечкой.

- Не говори?!- с нетерпением воскликнула Лия, дожидаясь подтверждения своего прогноза.

- Вскоре после того, как он ушел от нас, они, представь себе, поженились.

- Ну?!.. Вот это да!- обрадовалась Лия.

- Это они о ком?- поинтересовалась Ламзира.

- О бывших сослуживцах Рамаза.

- Он же всю ту пирушку взял на себя, и освободили только его, а потом в знак солидарности вскоре за ним ушла и она,- рассказывал Рамаз.

- Знаю.

- Мало того, что поженились, уже даже есть ребенок! Вот так вот, потерял работу, а проиобрел семью.

- Вот бессовестные, столько времени молчат!- обиделась Лия.

- Оправдываются тем, что все происходило молниеносно.
- Молодец, Мераб, вот шустряк!- одобрительно рассмеялся Авто.
- Да, на тебя не похож,- пояснил Рамаз,- муржишь с этим, аж стыдно. А у нас вот какие девушки сидят.

Гости смутились и покраснели. Авто почувствовал себя неловко:

- Рамаз, что ты!
- Простите, девочки, это он виноват,- протянул Рамаз указательный палец в сторону Авто,- вынуждает.

- Мы, наверно, уже пойдем, извините нас,- привстала Натали, а за нею и Эка.
- Ну, вот! Ты этого хотел, добился своего?- упрекнул брата Авто.
- Ой, девочки, умоляю,- взмолился Рамаз,- не уходите, не то он меня съест, скажет, что я вас прогнал.

- Но мы правда больше не можем оставаться,- растерялась Натали.
- Рамаз, ладно тебе, отпусти девочек, им и впрямь нужно торопиться,- потребовала Лия.

- Пожалуйста, не держу, не держу,- сдался Рамаз.

Вновь зазвонил мобильник.

- Ната, вы все еще в гостях?- послышался ей знакомый мужской голос.
- Да, но уже идем,- пообещала она.
- Можете уже не торопиться, мы с мамой не дождалась вас и поехали сами. Ничего. В вашем присутствии сейчас нет особой необходимости.

- Ну, хорошо, тогда хорошо,- успокоилась Ната.

- А придете скоро?

- Да, скоро, конечно!

- Вот видите,- догадался, о чем шел разговор, Рамаз,- а вы не слушали меня, девочки. Нехорошо уходить, когда можно остаться, а посему, пока вы не сбежали, нужно успеть сфотографировать вас на память.

- Ой, правда, девочки,- спохватилась Лия, достала из ящика портативный, цифровой, современный фотоаппарат и сделала разом несколько кадров, первый из которых пришелся на Эку, Натали и Авто.

Кадры тут же были просмотрены на небольшом экране фотоаппарата.

- Их можно перенести теперь и в компьютер,- объяснила девочкам Лия,- а потом мы их для вас напечатаем.

- А вот и горячие хинкали подоспели,- объявила вошедшая с большим блюдом в руках Цицино.

Натали с улыбкой посмотрела на Эку, спрашивая ее взглядом:

- Что будем делать?

- Ну, ладно, посидим немного еще,- согласилась Эка,- раз нас так просят об этом.
- Только пить больше не будем,- поставила условием Натали.
- Так-то оно и лучше,- обрадовался добившийся локального успеха Рамаз.
- С такой настойчивостью и упорством он завоевал и меня, отвоевал у родителей,- пояснила Лия,- не то поклонников у меня было множество, и получше него.
- Не вводи, мать, в заблуждение гостей,- со смехом потребовал Рамаз.
- Да, прямо-таки! Я ведь не Рамаз!- отпарировала Лия.
- Лучше меня может быть только я,- не сдавался в свою очередь и Рамаз.
- Ладно, ну тебя, не надоедай!

- Ну, девочки, беремся за угощение,- закрыл Рамаз тему.
- Натали взяла несколько штук, а Эка отказалась.
- Сегодня не пост, Эка!
- А она вообще мяса не ест...
- Разгорелась полемика. Кто был за, а кто против отказа от мяса.
- Известный церковный деятель древности Тертулиан тоже в свое время отказался от мяса, более того, потребовал того же и от других верующих христиан, с этим впал в фанатизм, а потом уже и в ересь,- напомнил Рамаз.
- Не надо ее беспокоить по этому поводу,- попросила Натали.
- Что ж!..
- Кто же из старых остался у вас на работе, Рамаз?- попытался изменить направление беседы Авто.
- Кто, говоришь? Я, Мзия Георгиевна и Ушанги.
- Этот предатель?!- возмутился Авто,- который вас заложил»
- Да это, оказалось, не он, а наш диспетчер Темо случайно тогда проговорился. Ну, мы все его простили.
- Ираклия Георгиевича, представляешь, в прошлом году не стало. Мераб мне сказал.
- И вам не сообщили?!- воскликнула Лия.
- Кому было сообщать? Мераб сам узнал не сразу.
- Ну, из семьи...
- Да, оставь, ради Бога, Лия, видишь, как люди мрут, словно мухи... и кому до кого дело...
- Да, а дядя Ваню уже месяц лежит с инсультом. Мераб говорит, выкрутился, но положение все же не стабильное.
- Надо будет его повидать,- взял на заметку Авто.
- Обязательно,- утвердительно кивнул Рамаз.
- А Зоя Ивановна?- поинтересовался Авто.
- Зоя Ивановна ушла на пенсию.
- А Сония Ракек?- вставила Лия.
- Не знаю, Лия, честное слово!
- Кто это?- спросил с любопытством Авто.
- Да Софико... Аракеловна...
- А почему Сония Ракек?
- Вот спроси у нее,- махнул Рамаз в сторону Лии.
- Сония Ракек - это шикарнейшие зарубежные духи,- сообщила Эка.
- А-а,- протянул Авто,- вот оно что!
- Так-то! Эти духи чуть не сгубили мою семью, а я и думать не думал, что так может получиться. Мне все духи, как одни.
- Лия, улыбаясь, покачивала головой.
- И надо же ей было втирать их мне в воротник?
- Ну, а сам Заза Ильич куда делся?
- Простил тогда нас после объяснений и ухода Мераба и, вслед за ним, Ии. А недавно новый министр здравоохранения взял его в аппарат. На повышение, значит, пошел.
- И кто же у вас теперь шеф?
- Да новый, сколько раз я говорил, очень молодой. Сейчас такие в моде.
- Ну, и как он?

- Пока ничего.

Беседа оживилась, захватила всех.

Звякнул теперь уже мобильный телефончик Лии.

- Да, это я,- коротко, отрывочно отзывалась она.- Да, здесь... Очень хорошенькие...

Ну, мало ли о чем, сейчас столько всякого происходит...

- Кто это? спросил у нее Рамаз.

- Нино!

- Чего ей?

- Спрашивает, почему Авто познакомил девочек сперва с вами, а не со мной.

Натали и Эка переглянулись.

- Ну, вот еще,- отмахнулся Рамаз,- ищет повода для спора!

- Требуется, чтобы познакомили и ее, и Нукри.

- Это ее муж,- объяснила гостям Лия,- На, поговори с ней сам,- не выдержала Лия.-

Такая внимательная, чуткая, заботливая, но любит командовать и поучать.

Гости пришли на помощь кое-как отбивающемуся Рамазу:

- Скажите, что в следующий раз пойдём к ней!

- Вот, слышишь, они обещают. Ну, так и отстань от меня и привет Нукри и детям.

- Давай! Фу,- облегченно вздохнул он.- Вот это натиск, так натиск! Никак не хочет в чем-нибудь уступать! Послезавтра к отцу собирается на дачу, не хочешь пойти»- спросил он у Лии.

- Как, а ребенок?

- Ах, да,- вспомнил Рамаз,- ну, а ты?- обратился он к Авто.

- Только не вместе с ней,- взмолился тот.

- А, наша аферистка.

- Не аферистка, а арфистка,- уточнила Лия для гостей,- она у нас в государственном симфоническом оркестре играет. Теперь на скрипке, а прежде, говорит, на арфе играла, но сейчас, когда на арфы во всей стране дефицит, ей пришлось переключиться. Играет она и в самом деле неплохо. Мы ходим на ее концерты, в том числе и на сольные. И в консерватории преподает. Очень талантливая. Но самое интересное, она абсолютно убеждена, что мы не сможем построить независимого, демократического государства, пока у страны не будет хотя бы одной арфы.

Гости заулыбались.

- Раньше они были у нас в опере,- сообщила Ламзира,- ну, а после гражданской войны, как вообще ничего не сохранилось, так и они.

- Тетя, ребенок проснулся,- шепнула Лие Цицино.

- Иду, иду, извините, я скоро...

- Ну, теперь-то и мы пойдём,- решительно поднялась Натали.

- Тс,- приложил указательный палец к губам Авто,- слышите, соловьи?.

- Айда на балкон,- скомандовал Рамаз,- немножко послушаем.

- Здесь они поют не так, как там, в церковном саду,- заметила Эка.

- Да, да,- вполголоса подтвердил Авто.

- Интересно, о чем они сейчас переговариваются друг с дружкой?- поинтересовалась Ламзира.

- Назначают встречи...

- Ну, ладно,- заключила Натали после недолгого молчания.- Это, видно, надолго...

- Да уж,- кивнул Авто,- женщин уговаривать приходится долго.

- А вот и мы,- вернулась Лия с младенцем, маленькой девочкой, на руках.
- Ой, какая прелесть!- бросились гости к ребенку.
- Уже начинаем ходить, но еще не говорим, и вот зубки,- перечисляла Лия,- два нижних передних и по-одному верхнему сзади, с обеих сторон.

Малышка отзывалась широкой улыбкой.

- Ну, спасибо вам за все, спасибо!- благодарила Натали.- Будем встречаться чаще.
- Конечно же, девочки, заходите почаще, всегда будем вам рады,- тепло просталась с ними Лия.

-Я их провожу на такси и вернусь,- поднялся и Авто.

Эка и Натали, впорхнув на заднее сиденье машины, от дальнейших проводов решительно отказались, и Авто, оплатив их проезд, повернул назад, на ходу помахивая рукой в ответ на улыбку Натали.

Авто возвратился к Рамазу, но почувствовал там опустошенье и скуку, тем паче, что и сам Рамаз уловил и выразил это настроение далее словами Гоголя:

- Скучно на этом свете, господа,- и добавил после недолгой паузы: - Без женщин?
- Ну, как? опускаясь на прежнее место за столом, поинтересовался Авто мнением присутствующих.

- Обстоятельства, брат мой, гнут человека так, что порой невозможно разобрать, где говорит разум, а где вступает сердце, но в любом случае...

- Ай, Рамаз, прошу тебя, не философствуй, и больше не пей,- попросила Лия,- очень хорошие девочки. А вы с Натали просто очень подходящая пара.

- Правда?- переспросил Авто.

- Правда, правда,- подтвердила Ламзира.

- Лия, где ты записала номер мобильного Наты и адрес электронной почты»- поинтересовался Авто.

- Вон листок в вазе,- показала глазами Лия.

- Перепишу себе в блокнот, а листок пусть останется у тебя, на всякий случай...

- Из двух сердец одно всегда теплое, а другое холодное,- бормотал Рамаз,- холодное нынче дороже алмазов, теплое не ценится совсем, и его выбрасывают.

- Смотри, Авто, держись на высоте, по-мужски,- поучала Ламзира,- знаешь, женщины любят сильных и представительных, и не ходи ты в этих ботасах, одевайся посolidнее.

- Нет, нет, Ламзира,- перебила ее Лия,- ботасы тут не причем, вот и девочки были в них. Просто надо действовать с умом. Я потом его проинструктирую поподробнее...

- Держи их в поле зрения, уделяй Натали больше внимания, больше чуткости, тепла, и дело будет в шляпе!- расмеялась Цицино.

Авто уже не слушал беседующих, а строил в мыслях планы на завтра и на будущее.

«Соловьи подскажут мне путь к тебе. Но из скромности не пророни нечаянно: нет»,- складывалось в уме.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Гигантские волны всеобщей глобализации, одна за другой, накатывали на планету, прихватывая и смывая все больше и больше стран. В числе первых оказались европейские. Все началось с объединения Европы.

«Хотите жить, не голодать»

Милости просим к нам!? под таким лозунгом глобалисты штурмовали свои цели. Труднее всего, конечно, было устоять малым и экономически слабым.

В ход шли всевозможные методы и ухищрения. Процессы демократизации набирали небывалые обороты. После кнута и пряника прибегали к мощнейшей пропагандистской и идеологической атаке безработицы, распространения наркотиков, новых алкогольных напитков, сигарет, проституции, кровосмесительных сексуальных связей, пропагандируемых кучами разных сериалов, и многого другого. Днем и ночью рекламировались то в шутку, то с юмором, то всерьез, то вполусерьез, всеми средствами массовой информации всевозможные азартные игры со специально завезенной аппаратурой. Установки эти наводнили города и села, отрывали людей от труда. Тема морального падения ставилась интернетом, в котором все-таки превалировали те же азартные игры, эротическая и порнографическая продукция, современные методы физической и моральной расправы. Все велось к возвращению единого губителя рода человеческого.

Щупальца осьминога протягивались повсюду, проскальзывали во все лазейки и щели, во всякую область и сферу человеческой деятельности.

Устоять перед накатывающими волнами, казалось, было невозможно, и спасения ниоткуда не было видно.

- Как задумаешься, так жить становится страшно. Правда? звучал на заседании педсовета возмущенный женский голос,- нам нужно своими силами восстать против этого процесса, Гиви Досифеевич! Разве вы так не считаете?

Шумный рокот прокатился по преподавательской.

- Тише, тише, прошу вас,- призвал к спокойствию директор.- К сожалению, мы не в силах остановить этот процесс. Мы видим по телевизору массовые манифестации и выступления противников глобализации то в одной, то в другой стране. Но мне вспоминается царь Леонид, и не откуда-нибудь, а из фильма «Триста спартанцев»,- который с малыми силами до конца противостоял грозному и многочисленному войску у Фермопил и, окруженный врагами, перед последним сражением, обратился к воинам со словами: «Спартанцы! Фермопилы удержать нам не удастся, попробуем убить царя Ксеркса»

Так и нам не устоять на своих прежних позициях. Если мы не подчинимся и не примем новую программу обучения, ее вместо нас осуществят другие.

Я считаю, что, раз уж падение неизбежно и оно в принципе уже началось, то резоннее думать не о том, почему мы падаем, а о том, как сделать падение менее болезненным.

- Но это противоречит нашим принципам, нашей морали и всей нашей внутренней конституции, Гиви Досифеевич,- возражала часть присутствующих, переговариваясь друг с другом.

- Постарайтесь меня понять,- урезонивал их Гиви Досифеевич,- если уж мы останемся на прежних позициях, постараемся быть сильным фильтром предлагаемого новшества.

- Что за фильтры, Гиви Досифеевич, когда нам прямо предписывается обучать детей правилам секса, а не формировать моральные устои, не подчеркивать греховность этих устоев, не предостерегать от болезней и расплаты. Это же абсурд, а не морально-этическая норма.

- И к тому же отрицать религиозное воспитание, преподавание Закона Божьего.

- Как все это грустно, Верико!- шепнула Натали коллеге-соседке.

- Да, Ната, даже ужасно,- отозвалась коллега,- хорошо, хоть на твоём предмете это не очень скажется...

- Нет, Верико, скажется, конечно же, скажется...

- Ну, все же не так, как на нас...

- У меня в классе одна ученица попросила освободить ее от урока, и в туалете ее тошнило,-с тревогой в голосе рассказала Мери,- еле привели потом в чувство.

- А мои ученики - и девочки, и мальчики - отказались учить такое,-добавила Меги,- и какие им ставить отметки?

- Главным достоянием демократии и демократического принципа всегда счиались не только свобода слова и мысли, но и свобода действий,- запальчиво воскликнула Натали,- где же хваленый всеобщий принцип «Not Press», почему людей вынуждают принимать то, что им нежелательно, более того - противно...

- Это скрытый заговор врагов против страны, которую хотят стереть в порошок и подавить ее население,- раздавались наиболее смелые голоса.

- Ну, ну, не так громко, - успокаивал Гиви Досифеевич,- не будем решать задач всей страны, это дело политиков, а нам лучше ограничиться нашей сферой и нашим непосредственным делом. Но одно, пожалуй, неоспоримо: все далеко не однозначно, и нельзя рисовать картину в одних черных красках. Вспомним тяжелые годы, которые мы с вами пережили, голод, холод, разруху, гражданские и межнациональные войны, талоны на продукты... А длинные очереди зимой за хлебом! Выстаивали все долгие зимние ночи напролет. Помогали друзья из дружественных стран, дарили наисовременнейшие медучреждения. Да и только ли... Мы же сами грабили и разбирали свою технику, свои фабрики, заводы... Нельзя все грести под одну гребенку. Надо научиться дифференцировать и отличать друзей от недругов и понять, что не все, что идет к нам с «Запада», только хорошее или только плохое.

- Лучше гибнуть от голода, чем от железа,- послышался резкий выкрик.

- Ну, это совсем не в стиле Спартака и его воинов,- остановил его Гиви Досифеевич.

- Потому-то они и погибли...

Шумные споры затянулись надолго, но директору наконец удалось перевести их в иное русло.

- Полно нам разбирать всемирные глобальные процессы. Им не будет конца никогда. Ограничимся близкими нам проблемами. Я бы просил вас изложить свои соображения по смягчению и снижению пагубного воздействия новых методов обучения и по новым предметам. Познакомимся с ними на педсовете и попробуем добиться, чтоб, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы.

Споры тотчас же возобновились, но директор закрыл дебаты, и все стали понемногу, но не прекращая обсуждения, расходиться.

- Ната, сделай мне, пожалуйста, кофе,- попросил Гиви Досифеевич, проходя к себе,- голова разболелась, принять никого не смогу.

Кофе через несколько минут был готов. Директор просматривал сводки новостей по интернету на одном из многих компьютеров, присланных ему и колледжу в подарок от зарубежных друзей.

- Ната, ну скажи мне, пожалуйста,- поинтересовался он,- разве будет виноват этот железный ящик, если мы используем его для проповеди греха или не по назначению?

Он вернулся мысленно к упомянутому на педсовете Спартаку. «Как интересно: лозунги остаются, меняются лишь орудия человека».

- Нет, конечно,- прервала его раздумья Натали.

- Ну, вот и я об этом. Как не различить, что приемлемо для нас, а что нет. Что ж нам, отменить компьютерные курсы в колледже? Ну, так дети выучатся не у нас, а где-нибудь в другом месте и все равно залезут в компьютер. Вон сколько у нас в городе развелось интернет-кафе. Там и узнают обо всем так называемом «этом», вокруг которого мы гудели на педсовете, к тому же в более грубой форме. Так не лучше ли им получить сведения в куда более разумной и культурной подаче?

Натали пожимала плечами и отмалчивалась.

- Голова на части раскалывается,- жаловался Гиви Досифеевич,- попробуй объясни им. Неужели полагают, что я не вижу и не понимаю, не осознаю происходящего вокруг?

- У вас давление, Гиви Досифеевич,- призналась Натали, медленно сворачивая аппарат и возвращая его в футляр.- Вам не надо было пить кофе. Это мой промах,- огорчилась она.

- Ты ведь не знала...

- Да, но вы-то тоже не чувствовали?

- Ах, оставь, Ната! Что можно почувствовать при таком...

Уходя, Гиви Досифеевич оглянулся и окинул из предосторожности взглядом кабинет.

- Вот, видишь, импортный металлический молоток! Его тоже прислали нам они... как ты думаешь, для чего?

- Думаю, не для того, чтобы бить им по головам!- улыбнулась Натали.

- Вот умница!- согласился Гиви Досифеевич.- И я так думаю, но за других отвечать не могу. Ты знаешь, к какой, по классификации, категории отнесли нашу страну?

Натали отрицательно мотнула головой.

- К третьей, к той, в которую зачислены наиболее экономически отсталые страны. Представляешь? Там у них хоть бананы растут, а у нас? Кстати, почему они у нас сейчас?

- Знаю. Пятьдесят тетри за штуку.

- А ананасы?

- Вот этого уж не знаю. Кажется, ларей тринадцать-пятнадцать.

- Говорят, они очень полезны?

- По правде говоря, мне гораздо больше по вкусу наши собственные фрукты. Они сочнее, питательнее и вкуснее.

- Конечно! Но и они не так уж дешевы. Ладно, это долгий, хоть и интересный разговор,- горько усмехнулся Гиви Досифеевич.- Запирать дверь не буду. Если хочешь, поработай на компьютере. Не забудь только, уходя, все отключить и закрыть на ключ.

- Хорошо,- обрадовалась Ната,- спасибо, Гиви Досифеевич. Сделаю, как вы сказали.

- Ну, давай!

Проблем с компьютером у Натали, конечно же, не было. Город был напичкан интернет-кафе, но в отказе от предоставленной возможности она не видела необходимости.

Она вспомнила вдруг, как пятнадцать лет тому назад, в старших классах, за ней ухаживал некий Вахо, приглашал на прогулки, в кафе, где за чашкой кофе и пирожными она не без удовольствия выслушивала его любовный «щебет».

«Жаль, что я с ним так легкомысленно рассталась»,- думала она, усаживаясь за аппарат и «влезая» в сеть интернета.

«Тогда я почему-то не воспринимала его всерьез... Впрочем,- жала она свои воспоминания,- думала о том, что не стоит спешить с выводами, вся жизнь еще впереди. Я всегда надеялась встретить кого-то получше, покрасивее его, умнее... Вот и жду по сегодняшний день... Раньше все было по-другому. А сейчас в том же кафе, но с приставкой «интернет» можно встретиться с избранником вне его физического присутствия, через компьютер, и говорить с ним о чем угодно. В будущем, наверное, додумаются и до зачатия через интернет, без непосредственного контакта».

Натали быстро пробежала в электронной почте новое письмо Автандила, в котором он сообщал, что его сестра, знакомство с которой она с каждым разом отодвигала на будущее, скоро так располнеет от то и дело выпекаемых хачапури¹ и пирожных, что он сам ее не узнает и не сумеет представить...

Натали невольно рассмеялась. Она деликатно отказывалась от свиданий, приглашений.

- Не спеши,- вспоминала она поучения матери,- то есть медленно поспешай. Узнай его поближе, пока еще через переписку. У человека что на уме, то и на языке. Держи его некоторое время на расстоянии, не сдавайся ему сразу, не продешеви. Знай себе цену!

Отец вынужден идти на поводу у жены, а Эка принципиально не вмешивается. Лишь однажды предложила ей быть с ним попроще и пооткровеннее.

- Место, где мы познакомились, не бар, не ресторан и не танцплощадка... В общем, поступай, как знаешь сама. Каждый человек кузнец своего счастья.

Натали на первое время советам сестры предпочла советы матери. Она всячески, под всевозможными предлогами увиливала от встреч и даже избегала посещения воскресных служб, чтобы держать Авто в напряжении.

«Нет,- подумала она вдруг,- ну, хоть за внимание и за такой дорогой подарочек стоит написать ему теплое письмо».

Начало всех предыдущих писем «Привет, Авто», она сменила на «Дорогой Авто».

Письмо и вправду получилось большим, теплым и радужным. Ей самой понравилось, и, перечитав, она вдунула его в экран. Покопавшись еще немного в сети, заперев за собою дверь, в благодушном и приятном расположении духа, покинула здание колледжа.

II

*Здания, как люди,
Когда они рождаются
И живут здоровой жизнью,
Они светятся и излучают*

*Здоровье и свет.
А перед смертью болеют
и плачут,
Предлагая людям оставить
себя.*

Старое трехэтажное здание консерватории, выстроенное из красного кирпича, выпустившее из своих стен не одно поколение талантливых музыкантов, пребывало сейчас в незавидном положении.

Разбегающиеся по фасаду трещины от неравномерных осадок фундамента грозились усилить свое влияние под действием даже самых небольших толчков землетрясения и любых других.

- Какое красивое здание, какая архитектура, какой роскошный фасад!- восторгалась скромно одетая женщина лет за пятьдесят.

«Странно,- удивилась она,- сколько лет здесь работаю, а никогда так остро этого не ощущала. На обветшалые здания, человек, видимо, начинает обращать больше внимания, когда обнаружится какая-нибудь болезнь или рана».

Сколько десятков лет стоит оно здесь, сколько повидало на своем веку. Каким прочным было всегда и как очаровывало массивностью и монументальностью. А теперь вот покосилось, склонилось набок, будто перед погибелью. Прямо как человек.

В зданиях, как и в людях, фундамент важнее самого остова. Ну, что за толк в роскоши и даже прелести, если повреждена мощь, основание? Не лучше, конечно, и ветхие стены на прочном фундаменте.

«Ой, скоро я, наверное, переключусь на профессию мужа,- поймала она себя на непривычных мыслях,- он не перестает просвещать меня в ней, вот я и схожу малость со своей стези и с ума. Как интересно все же, возможно ли помочь этому зданию и как»
Надо будет спросить его. Но почему я не сделала этого раньше? В любом случае, видимо, придется связать и укрепить стены антисейсмическими поясами. В таких же поясах нуждаются и люди, хоть и назначение их может быть разным?»

Поднимаясь по лестнице, она вдруг с ужасом вспомнила историю двадцатилетней давности, когда при еще советской власти мужу пришлось всю ночь продежурить у разрушающегося, хорошо известного здания в одном из престижных районов города. Здание, укреплением которого специальными конструкциями занималась выделенная горсоветом группа инженеров.

Под утро она не выдержала и вместе с детьми, девятилетним Бондо и шестилетней Русико, отправилась на место событий.

- Ну, что, Нино, видишь, что происходит,- надтреснутым голосом сказал, встречая ее, муж.

- Спаси не удастся?- спросила она.

- Сомневаюсь! Послушай... Оно издает предсмертные скрипы и сбрасывает с себя обломки.

Спасательная служба горсовета опоясала здание-страдальца специальными красными неширокими полосами ткани, знаками-предупредителями.

Рабочие службы в спецодежде и касках сновали вдоль яркой ленты, зорко следили за ходом обрушения здания, зоной распространения, и не подпускали любопытных ближе положенной границы.

- А как же... столько труда, стройматериалов, финансовых затрат?- поинтересовалась тогда она.

- Об этом уже не думаем... Хотели спасти, но если обрушится, вина не наша.

К счастью, впоследствии комиссия по расследованию пришла к такому же заключению.

«Не дай Бог,- подумала Нино,- чтобы и со зданием консерватории случилось такое».

В класс она вошла с тревожным чувством.

- Здравствуйте, препа Нино!- поздоровались с ней первокурсники Георгий и Мзия.

Она окинула взглядом стены класса и с радостью отметила, что в них повреждений нет.

- Сегодня начнем с композиции «шторм»,- предложила Нино.

- Георгий, веди ее энергичнее! Ты что, спишь, что ли?! Представь, что ты ее любишь, а она погибает в шторм на яхте, ты на сверхскоростном катере сражаешься с штормом и пытаешься спасти ее яхту.

Ученики переглянулись.

- Мзия, ты тоже не спи, несись за ним, как за единственной путеводной нитью. А ты вроде думаешь, но как-будто только о спасении своей жизни, а не о любимом. Ну-ка, начали!

Ученики согласно кивнули.

Нино взмахнула своей дирижерской палочкой:

- Играем пока асинхронно, а там попробуем вместе. Неплохо, неплохо, остальное доработайте дома, теперь наша любимая «Toccata @ Fugue In D Minor».

Нино то удовлетворенно кивала и помахивала по сторонам палочкой, то останавливалась и делала поправки.

«Придется взять свою скрипку. Незаменимый инструмент! Что еще так поможет объяснить, показать и растолковать глубину и красочность чувств,- добавила она уже вслух.- И вам так».

Гия и Мзия стояли понурившись.

- Ничего, ничего,- приободрила их Нино, будете упорно трудиться, выйдет из вас Николо Паганини и Ванесса Мей. Только «музыку исчезающих струн» играть не обещаю, она по сегодняшний день никому, кроме маэстро, не доступна. Ну, ладно, попробуем композицию «Devil's Trill». Георгий, пока больше смотри в нотную тетрадь, чем на инструмент, не то ты отстаешь, а Мзия тебя опережает. Когда выучишь композицию, как свои пять пальцев, можешь на ноты поглядывать изредка, а на инструмент почаще. Так... Переходим на «Wide Screen». Представьте, что после проливного дождя вы едете по широкой асфальтированной дороге на велосипедах... или нет, лучше представить себя бабочками, порхающими над поросшим цветами лугом, над которым прошел проливной дождь... Бабочками, которые живут всего один день. Ах, какая прелесть... Молодец, Георгий, веди, веди,- хвалила Нино,- а ты перебивай его мелкими вкраплениями. Мзия, ну, давай,.. Так, так, молодец, девочка! Так, я вам сейчас сыграю «Tequila Mockingbird»! Поначалу будет сложно, но послушайте. Не правда ли, прекрасно?

Ей ответили восхищенным молчанием.

- Что еще так виртуозно может увести сегодняшнего человека от обыденной жизни, как не прекрасно исполненная классическая композиция. Жаль,- добавила она с грустью,- что этим инструментом не владеют наркоманы и пьющие, не то бы они очень легко избавились от пагубных привычек.

Мелодия в руках виртуоза лечит, ребята, запомните это на всю жизнь... Вы врачеватели душ человеческих, и ваши «хирургические операции» над душами человеческими должны быть точнейшими и тончайшими. Высший пилотаж души человеческой, над которым могут быть только ангелы...

Ученики все так же отвечали молчаливым кивком.

- Ну, а теперь попробуем «Bach Street Prelude». После наших уроков, я вижу[^] у вас шея от кивков разболится, ну, естественно, пальцы рук, но душа ваша должна летать. Должна!

Сыграли еще «Winter Allegro Non Molto».

- Хорошо, хорошо, Георгий, веди! Веди медленно... А ты, Мзия, подключайся по нарастающей... а теперь снова оставь его одного, подключайся фрагментарно. Веди, Георгий, осторожно... тоньше, тоньше! Ну, теперь и ты подключайся, Мзия... Ну! Боже, как прекрасно...- радовалась она малейшему точному звучанию.

- А теперь послушайте. Я исполню «Contradanza».

Ученики неожиданно для Нино несмело подключились к ней.

- Не бойтесь, смелее!- подбодрила она и вдруг остановилась, кивнула Мзии, оставляя одного Георгия, который вначале замешкался, но не растерялся, сам повел соло, и вел, пока не подключились Нино и Мзия.

Второй час урока Нино посвятила фрагментам из музистории, событиям жизни выдающихся скрипачей мира.

После занятия она зашла в преподавательскую уточнить распорядок уроков на неделю.

«Нет, Авто все же не прав,- думалось ей,- никакие соловьи не могут состязаться со скрипкой в руках умелого исполнителя. А скрипка в симфоническом оркестре! О... это царица инструментов. Сильнее скрипки может быть только скрипка... если в стране нет арфы,- заключила она с грустью.- Какой все же позор для страны иметь армию безработных и не иметь хоть одной арфы.

Вот еще подарил мне канареек в роскошной клетке. Зачем мне канарейки, если у меня есть скрипка! Чудной какой! Убеждает, что они поглощают отрицательную энергию человека, успокаивают нервы, к тому же многому могут научить в области музыки и даже помогают сочинять ее. Тоже мне Штраус нашелся! А то, что за ними нужен такой кропотливый уход, это ничего? Как будто мне других забот не хватает. Вон, сам даже к отцу не ездит на дачу... навестить семидесятитрехлетнего старика. Разве что изредка. Хотя за мамой смотрел в ее последние годы, что правда, то правда».

С такими мыслями выходила Нино из консерватории.

«Полпервого,- до перерыва успею заплатить за газ, а потом за телефон».

По дороге к сбербанку прокручивала в уме сыгранные на уроке мелодии.

«Как много им еще нужно. Мучаешься, работаешь с ними, трудишься за копейки, чтобы довести каждого до заветной цели, до настоящего мастерства, выводишь на дорогу в музыкальную жизнь, а на эстраду или в оркестре, или в солисты выходят единицы. Сегодня цена на любое искусство снизилась поразительно резко. Люди все больше и больше тянутся к деньгам, утехам, развлечениям, а сфера духа обратилась в

пугающую бездну. Церковная жизнь вроде на подъеме, но в нее пришли только те, что успели, сейчас и в нее приток сократился. Но... великий Станиславский утверждал в свое время, что стоит возиться с целым курсом и можно считать, что он состоялся, если из него выйдет хотя бы один способный и талантливый артист», - успокаивала себя Нино.

У входа в так по-новому называемый Народный банк выстроилась большая очередь пенсионеров, ожидающих своих «пенсионных копеек».

- Мне за газ уплатить надо,- пояснила Нино молодому охраннику, приоткрывшему металлическую дверь.

Сотрудников охраны, в черных брюках, голубых сорочках со спецнашивками на погонах, на плечах, поверху и по боку на передних карманах, с пистолетами в кобуре и рациями, было несколько. Одни стояли у входа, другие внутри, третьи регулировали и направляли потоки пенсионеров к соответствующим отсекам и форточкам.

- Требуйте от них квитанции,- выкрикнули нервно из очереди,- а то говорят, газ, а на самом деле получают без очереди пенсию по нотариальной доверенности.

- Проходите,- разрешил молодой полицейский, пропуская Нино по предоставленной ею квитанции на оплату газа.

- Ни за что не додумалась бы до такой хитрости,- удивлялась и возмущалась Нино, выходя из банка.

Вскоре она оплачивала в центральной части города задолженность за домашний телефон, переведенный согласно ее собственному желанию несколько лет тому назад на так называемые «новые линии». «Какой ужас», - оторопела она от суммы, обозначенной в квитанции, которую выпечатала ей молодая девушка-оператор компьютера.

- Девушка, не может быть! Столько наговорить за месяц?!-- горячо возразила ей Нино.

- С претензиями обращаться не ко мне, а в бюро,- громко отчеканила девушка и добавила,- следующий!

- Госпожа, не задерживайте, пожалуйста, очередь,- раздраженно потребовали от Нино и из очереди.

Нино ринулась искать бюро претензий.

- Заплатите три лари, и мы вам с точностью по минутам и дням выпечатаем все разговоры,- предложил ей там другой оператор.

- Здравьте! Еще три лари?!-- задыхалась от возмущения Нино.- Я же знаю, что вам выбьет компьютер! То же, что и в квитанции. А я вам докажу, что столько наговорить никак не могла. К тому же здесь, в квитанции, указаны неизвестные мне номера мобильных.

- Ничего не знаю, госпожа, обращайтесь с претензиями к директору!

- А где он?

- В конце зала, дверь налево!

Протиснуться в шумный и многолюдный зал, где оплачивались междугородние сетевые телефонные разговоры по множеству новых телефонных служб-кодов было не так-то легко.

Такого шума, гама, выкриков нельзя было услышать даже на базаре.

Директора не оказалось на месте. Нино разнервничалась, ругнулась по-благому и поспешила покинуть гудящий зал.

В спецзданиях- помещениях служб электросетей она решила уплатить и за свет, который им на днях отключили.

«Нукри вечно некогда, у детей не допросишься,- возмущалась Нино про себя.- Когда были совсем малыши и зависели от меня, и то было так, а сейчас у самих семьи, дети, так тем более. И все требуют с меня, всем должна я, а мне никто ничего не должен. Прекрасно, правда, Нино»?- спрашивала она у самой себя.

- Да, но почему вы отключили?,- нетерпеливо допытывалась она у оператора все того же компьютера.

Оператор мигом, нажатием клавиш, выбила на экране названную ей фамилию и вдалась в долгие и нудные пояснения.

- Ладно, ладно, выбивайте квитанцию,- сразу сдалась Нино,- нет больше сил с вами тягаться.

- О-о, здравствуйте!,- возмутилась оператор,- вы только посмотрите. За день таких, как вы, приходит десятки, если не сотни!

- Так когда вы включите?,- поинтересовалась Нино, уплатив в кассу.

- Если успеют, сегодня же вечером,- обиженно бросила оператор.

«Так, начало четвертого,- взглянула Нино у выхода на часы,- надо еще успеть проскочить в химчистку, в другой конец города, забрать оттуда куртку Русико, надеюсь, готовую, перекрашенную, еще пять лариков ухлопаю».

После химчистки Нино завернула на базар.

Пожалуй, он был одним из немногих мест, которые никогда не пустовали, разве что ночью.

Главный городской продовольственный рынок находился на привокзальной территории и состоял из громаднейшей двухэтажной крытой и такой же, рядом, открытой площадок. На открытой, правда, под специальным навесом, в основном велась торговля фруктами и овощами.

Нино ловко пробиралась между прилавками, закупала необходимое, удивлялась дороговизне, особенно фруктов, по сравнению с прошлыми годами.

- А что вы хотите, дама?,- объясняла ей одна из торговков,- непогода, да еще такая долгая, сделала свое дело!

Из фруктов, пожалуй, арбузы шли по доступной цене.

- Ой, нет, не справлюсь, наверно, с таким грузом,- прикинула Нино, косясь на два больших полных, черных целлофановых пакета и добавляя мысленно то, что еще нужно было купить.

- Алло, Нукри, привет,- поздоровалась она по мобильному телефону.

- Ты где?,- поинтересовался Нукри.

- На базаре!

- Что ты там делаешь?,- изумился Нукри.

- Ищу себе кавалера.

- А я зачем в таком случае?

- Хочу у тебя попросить разрешения.

- А... ну, тогда понятно, валяй!

- Да подожди ты, какое время шутить?

- Не знаю, ты сама начала.

- Ты не можешь мне выслать машину?

- Зачем?

- Да собралось тут... тяжелое...
- Машина-то не моя собственность, и к тому же Шалва на даче у Давидовича.
- У какого Давидовича?- не сразу сообразила Нино.
- У твоего отца!
- А-а...
- А что он там сегодня делает?
- У него трубу прорвало, а вот что ты там делаешь» Позавчера же была на базаре.
- Позавчера да, была, немного отцу послала, Бондо отнесла, остальное мы сами добились, а Русико осталась с носом.
- А что ее муж делает?
- Ну, у Бежана сейчас трудности с работой, ты, что же, не знаешь» А Русико не может.
- А Кетино?
- А что Кетино? У нее на шее двое детей, она с ними возится. А Бондо так поздно с работы приходит, едва сил хватает поужинать и повалиться спать.
- Хорошо устроились, ничего не скажешь, прости, но ничем помочь не могу...
- Ладно, ладно, ты всегда так...- отключила связь Нино.

Придется и сегодня поднатужиться,- двинулась она дальше, докупать необходимое.

В маршрутке ей досталось место на самом заднем сиденье. Пассажиры, видно, только ее и ждали и со вздохами облегчения отметили, что микроавтобус заполнился, без чего водитель, несмотря на просьбы и уговоры, отъезжать не соглашался.

Машина сдвинулась с места, чуть заметным ходом пробираясь по Вокзальной площади сквозь бессчетные ряды других, курсирующих по всему городу и «прочесывающих» его улицы вдоль и поперек.

В городе давно отменили большинство остального транспорта, автобусы, троллейбусы, трамваи, и частный извоз преобладал все ощутимее и напористей.

Продираться мешали подъезжающие маршрутки. Маневрируя, они пытались втиснуться в освобождающиеся места рядов и объезжали не боящихся столкновений с ними вольно разгуливающих по площади пешеходов.

Отъехав-таки от площади, водитель включил на радостях магнитофон с кассетой «воровских песен», самой трудновоспринимаемой из которых была про коноплю и кайф от нее.

«Какой ужас! Сколько у нас прекрасных даже эстрадных вещей, а приходится слушать такое!»

Она подалась было вперед, не в силах более переносить эту нудную гадость, чтоб выйти на полпути, но, вспомнив о грузе, сдержала порыв, набралась терпения и прикрыла уши руками.

Водитель затормозил, и в машину подсели два жлоба, очень не понравившиеся Нино. Сесть было некуда, и они, полусогнувшись, стали спиной к водителю, пристально глядя в пассажиров.

Один, стоявший позади, отрицательно мотнул головой, делая знак сотоварищу...

«Не получится»,- уловила его мысль Нино, но, не зная, как на это реагировать, подсознательно, не зная почему, убедила себя и подкрепила надежду, что выйдет раньше, но все-таки доехав до нужного места.

Как назло, вскоре вышел пассажир, сидящий за водителем, и как только маршрутка снова двинулась с места, один из вошедших давеча сделал рукой движение, и второй мигом очутился на освобожденном месте.

- Только без паники и крика!- прогудел басом полустоящий.- Давайте, что у кого есть. И добровольно, мирно... деньги или золотишко... чтобы без жертв...

Сидевшие перед Нино два молодых парня, единственные оставшиеся в машине мужчины, привстали было с мест, но их остановило дуло торчавшего из-за пазухи грабителя пистолета.

- Не бойся,- подбодрил один из парней другого,- он газовый!

- Ту, ту, ту, ту... Хочешь, проверим, только потом пеняй на себя!

Парни нехотя опустили на свои места.

- Не останавливайся,- пригрозил водителю кнопчным ножом второй,- выкладывай, что там у тебя набралось.

- Да ничего особенного, только что принял пересменку!

В ответ рука с ножом опустилась, дав возможность другой обчистить карманы водителя.

В салоне первый уже принимал добровольные вклады в свои карманы.

Когда очередь дошла до Нино, она открыла полупустой кошелек, в котором звенели лишь оставшиеся металлические монетки.

- Этого не нужно, мадам!- пояснил ей грабитель.- Ваши сережки...

- Зачем они вам?- зарделась Нино.- Они недорогие, и к тому же это подарок мужа.

Грабитель поднес было руку к сережкам.

- Ладно,- не сдержала подступивших слез Нино,- я сниму... сама!

Грабители в спешке покинули маршрутку.

- Учти, заявишь в полицию, найдем тебя по номеру, и голова...- провел один, выпрыгивая из машины, по шее.- А теперь давай, тикай!

Дверь шумно захлопнулась, и пассажиры почувствовали еще и пинок по борту.

Ошеломленные водитель и пассажиры с возмущенными возгласами и вздохами отъезжали от места, где высадились налетчики.

- Обнаглели!

- Полный произвол!

- Управы на них нет!

- Что хотят, то и творят, сволочи...

- Беспредел...

Нино, кое-как дотащив свой груз до дому, приходила в себя до самого вечера.

Отвела немного душу, поговорив по телефону с дочерью.

- И никто ничего не мог сделать, мама?

- Против вооруженных грабителей, Русико?

- А что водитель?

- Что водитель! Его самого, беднягу, ограбили...

- Да уж, куда там! Небось был с ними в стоворе! Ему-то все возратят, а вот вам...

- Не может быть! Он так перепугался, что прямо с лица сошел,- изумилась Нино.

- Мама, когда же ты повзрослеешь?!

- Нет,- призадумалась Нино,- не может быть,- все не верила она дочери.

- Ладно, не отчаивайся, купим тебе лучше.

- Нет, просто обидно. Как-никак подарок твоего отца...

- Ладно, не думай о них больше. Что слышно от Бондо»
- Не знаю, вот собираюсь к ним...
- Небось опять с провизией?
- А что делать?
- Эта Кетино совсем обленилась, не хочет ничего делать.
- За ней дети!
- Да, но ведь есть-то нужно, и ей, и детям, если не мужу!
- Не в этом дело. Просто Бондо нравится, как готовлю я.
- Ай, да ну их! Новость: Авто сегодня улетел в Барселону.
- Да ты что! Что же он мне не сказал?
- Да неожиданно! Там, оказывается, какой-то съезд орнитологов.
- Небось, Рубена с собой прихватил?
- Нет! На сей раз поехал с другими ребятами.
- И когда приедет?
- Не знаю, через неделю наверняка! Ну, ладно, держись, и бондошкинцам привет от меня.

- Ну, давай,- согласилась Нино.

Через два часа Нино, уже в доме сына, с внуком и внучкой, понемногу выходила из недавно пережитого шока.

Домой вернулась поздно вечером. Муж с увлечением смотрел телевизор.

«Хорошо, что хоть свет дали,- подумала с радостью,- пусть смотрит, сегодня ничего ему не скажу, незачем портить вечер».

- Ужинал?

- Да-а, спасибо тебе большое, вкусно-превкусно!- отозвался он, не отрываясь от телевизора.

«Интересно, что бы делали мужики, если б не было футбола и телевизора?»

Перекусив и похлебав чаю, с тяжестью на душе вспомнила, что в ванной замочена стирка. «И не хочется, и перед Нукри неудобно».

Собрав остатки сил, отправилась-таки в ванную.

- Нет, не могу,- простонала, пытаясь выжать жгут,- Нукри, поди сюда, помоги.

- Подожди, ма, тут такой момент! Сама лучше валяй сюда. Видишь, что вытворяют»
Вот это да...

- Да ну!

- Классный фильм! И как не стыдятся» Вдруг дети посмотрят?

- Смотрят, не волнуйся! Оттого и больно умные стали, что смотрят и слушают... К тому же всех, кроме своих родителей.

Не дождавшись мужа, из самых последних сил выжала и развесила белье на балконе.

«Вот удача,- глянула вниз,- хорошо, у соседей ничего не висит, до утра просохнет».

К часу ночи Нино, окончательно выбившись из сил, лежала в постели без задних ног и медленно погружалась в сон.

- Умоляю тебя, Нукри, только без глупостей, видишь, как я устала,- пришлось отклонить нежности супруга.

- А ты спи, я мешать тебе не буду. Спи себе,- не отступал от своего, однако, Нукри.

Далее сопротивляться удалось только мысленно. Вспомнила, как давеча на кухне она наступила, да еще и придавила большого черного таракана, и нынешнее испытание сочла наказанием за него.

Утром поднялась вся побитая и помятая, с тупою болью в голове и пояснице. Нукри уже не было дома.

Только было принялась жаловаться самой себе на участь, как заметила на тумбочке - у изголовья небольшой футлярчик вроде для ювелирных изделий. Встрепенулась от неожиданности. Помедлив, несмело потянулась к нему. Поднеся совсем близко к лицу, нажала на крохотную белую кнопку, осторожно приподняла, приоткрыла крышечку. И вдруг зрачки ее расширились, по лицу поплыла теплая улыбка, и по телу пробежала дрожь удовольствия, как давеча, когда не получилось отбиться от мужа.

На узенькой полоске бумажки читались слова куда более важные, чем подарок, - «я тебя люблю». К глазам подступили и брызнули слезы. Она долго примеряла новые дорогие сережки к ушам, не могла наглядеться на них и налюбоваться на себя в зеркале.

В приподнятом настроении, успев принять душ и позавтракать, взяла курс на малый зал консерватории, где предстояла кропотливая репетиция перед скорым выступлением с концертом, в ансамбле из четырех человек - квартете.

«Интересно, откуда он сразу узнал» - удивлялась она дорогой, приходя в себя от радостного шока, - и когда успел? Наверняка Русошка наябедничала, чудная?.

- Мама, где ты? - спросила Русико по мобильному телефону.
- В дороге... на работу... иду...
- А я удивляюсь, звоню домой, трубку никто не берет... Ну, как, понравилось?
- Очень. Только не стоило отца беспокоить, Русо.
- Я рада за тебя. Мы тебя в обиду не дадим.
- Спасибо.
- Ну, давай!

«Надо и Нукри позвонить, поблагодарить его», - набрала она номер мобильного мужа.

Дорогою дальше она чего-то вздумала проанализировать вчерашний и начало сегодняшнего дня, заметила, засекла, как много раз менялось состояние ее души.

Ей вспомнился метод перемен, описанный в недавно прочитанной книге, широко известный в Китае. Им предусматривались шестьдесят четыре состояния души человека, прогнозировалось развитие индивидуума, общества в целом, описывались биполярные контрасты.

«Кажется, к концу сегодняшнего дня у меня это число превысит китайский предел состояния души».

Она уже побаивалась изменения хорошего, радостного, приподнятого настроения, отгоняла от себя страх, ощущала прилив бодрости духа, в предвкушении любимых мелодий, которые ей предстояло сейчас прослушать и проиграть на уроках.

«Как все же утончает скрипка душу, и как огрубляет сама жизнь, суета и маета. А что происходит с металлическим прутиком, который перегибают и перегибают то в одну, то в другую сторону...» - вспомнила она не без испуга.

III

*И колыхали прихожанами
Затеplенные утром свечи...*

Яркие язычки пламени от множества горевших на паникадилах свечей все больше и больше охватывали ее душу и тело. Сомкнув глаза, она все глубже погружалась в песнопение, в голоса певчих и растворялась в них.

Она чувствовала, как понемногу они, душа и тело, растапливались, как она теряла вес и как, преодолевая земное притяжение, ее душа следовала за парами тающего воска и дымящегося ладана, охватившими и наполнившими все вокруг.

«Изумительно поют, как нигде»,- проникали нежные звуки в самые сокровенные уголки ее существа.

Она все ошутимее отрывалась не только от внешнего мира за стенами церкви, но и от самой себя.

- Господи,- взывала она в душе,- какое блаженство, благодать. Какое земное чувство может с ним поспорить, ну, а уж превзойти... Есть блаженство телесное и душевное, и последнее много, гораздо выше первого. Ее сердце наполнилось неопикуемой радостью, и ей показалось, что его уже никто в жизни не сможет отнять.

«Ты мое прибежище, единственная надежда и радость, высшее благо,- стонала она.- Ты все!»

Неожиданно на руку ее упала капля горячего воска от свечи, которую она держала, и обожгла ее.

«Ай,- вскрикнула она невольно, но тут же опомнилась,- пусть, пусть! Пусть жжет, так даже лучше».

Из души ее непроизвольно исторглось стихотворение.

Жги меня, моя любовь,
Жги меня, моя отрада.

Чувства ее крепи и углублялись.

И наконец снизошла милость, в душу вошло солнце, и она затрепетала от блаженства. Сердце содрогалось от частых конвульсивных ударов.

«Господи, благодарю тебя за твое благо,- молилась она,- прошу, удержи его у моих врат, чтоб я не испепелилась дотла и не лишилась от радости ума».

Понемногу она вышла из сверхэкстремального состояния, но вдруг почувствовала резкий удар по ноге, который чуть не сбил ее с ног.

В изумлении она открыла глаза и заметила носившуюся по церкви во время службы маленькую очень хорошенькую девочку лет пяти, с косичками с бантиками, которая, словно убегая от кого-то, налетала на молящихся.

Неудачная попытка поймать ее неожиданно вылилась в добрую улыбку.

- Эка, передай, пожалуйста, этот поминальный листок вперед,- слышался ей неожиданно сзади шепот знакомой церковной служительницы.

Эка обернулась вполоборота и, приняв исписанный листочек, обменялась с ней улыбкой.

- Какая шустрая, чудная, правда»- снова прошелестело за спиной.

Эка подняла и опустила взгляд в знак согласия.

Девочка еще пару раз покружилась, подлетев к месту, где стояла Эка, но тут же ускользнула.

Наконец, она остановилась сама и, присев у ног Эки на корточки, занялась длинной юбкой стоящей рядом молеушницы.

Эка не сразу сообразила, в чем дело. Но, присмотревшись внимательнее, заметила, что к юбке соседки были пришиты мелкие пестрые цветочки, которые девочка тщетно пыталась нарвать и собрать в букетик. Это не удалось ей и она вскоре отбежала.

Эка с соседкой переглянулись и тоже обменялись улыбками.

Взгляд Эки переместился направо, к двум молодым женщинам с детьми, девочкой лет трех и мальчиком двух, на руках. Девочка то и дело протягивала ручонки и поглаживала ими мальчика, который с удивлением смотрел на нее и несмело отмахивался.

Так длилось, пока мальчонка не сморщился и не заплакал, и матери не пришлось уйти с ним из церкви, а девочке порядком досталось.

Эку снова захватило службой и понесло. Седобородый священник, отец Парнаваз, красивый мужчина лет шестидесяти, принялся за воскресную проповедь с амвона.

- Венец творения, человек, создан так, что не может жить без Него, Господа, и обречен постоянно его искать, чтоб достичь с ним единства. Мы все нуждаемся в живом Спасителе, и он всегда с нами, и живет в наших душах и изливает на нас свою любовь, если только мы не отворачиваемся от Него. Он не требует от нас много знаний, Ему нужна только наша, взаимная, любовь. Душа каждого человека ему дороже вселенной. И, как говорит апостол Павел в послании галатам: «...нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал.,3,28).

Все люди равны друг перед другом.

Основа основ - мир и согласие между мужем и женой.

У нас есть всеобщая заповедь - носить тяготы друг друга.

Цель брака, по словам духовного отца Митрофана Серебрянского,- есть спасение души жены и мужа.

Свою проповедь я хочу закончить обращением к мужьям словами святителя Иоанна Златоуста: «Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуеться церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о церкви».

Не отлучайтесь от церкви, чтоб не одолели вас враг и грех.

И да любите друг друга.

Служба окончилась. Прихожане не спеша покидали храм. Беседовали, задерживались группами, ждали друг друга.

Эка тщетно искала взглядом Авто и Натали и досадовала, что они пропускают богослужения.

Несколько человек окружили отца Парнаваза, засыпали множеством вопросов о всеобщей глобализации, очередной попытке глобалистов построить новую Вавилонскую башню, о стремлении некоторых к блаженству и благоденствию без Христа, недостижимой идее. Обсуждались непростые вопросы об экуменизме, объединении церквей.

Эка, не дождавшись окончания беседы, неторопливо двинулась к воротам. Ее остановила стайка сверстников-друзей, с которыми она порой делилась теологическими наблюдениями и соображениями, новостями и житейскими проблемами.

- Вы знаете, что вчера передали по радио патриархии?- спросила ее одна из знакомых.

- Нет, а что, Натия?- любопытствовала она.

- То, что святые отцы говорят: мир наш был создан для того, чтобы в нем утвердилась Христова церковь.

- Как великолепно, неправда?- восхитилась Хатуна.

- Там вообще такие интересные передачи, столько нового через них узнаешь, что просто диву даешься,- вмешалась еще одна прихожанка.

- Да, Жанна,- согласилась Натия,- только бы слушать.

- Да, очень это интересно, история христианства,- назидательно заметила Эка,- и чем больше в нее погружаешься, тем больше она захватывает.

- Да, христианство не дает нам стоять на месте,- негромко сказал молчавший до сих пор Элгуджа,- человек или идет вперед, или... катится с каждым днем назад.

- Вопросы воцерковления сейчас и в самом деле актуальны и немаловажны,- задумчиво произнесла Эка,- не со всеми поговоришь об этом свободно и открыто, воспринимают по-разному...

- В принципе из-за этих послаблений и отклонений от изначальных правил и знаний возникают всевозможные секты и ереси. Они служат задачам и интересам бесов, которые пытаются незаметно и неявно увести людей от истинного пути.

- То есть так называемая аберрация,- уточнил Элгуджа.

- Вот-вот!- подтвердила Эка.

- Да, но не воевать же в самом деле с множеством сект, как это делал отлученный от церкви известный священник, нередко упоминавшийся по телевизору!- вспыхнул Элгуджа.

- Нет, конечно!- примирительно улыбнулась Жанна.

- Об этом нам многое рассказывал батюшка Парнаваз,- как бы заключила Эка, поглядев на часы,- ну, всего доброго...

- Ага, всего,- в один голос попрощались все друг с другом. Спустившись в центр города, Эка шла мимо большой церкви Кашвети, напротив дома правительства, через главный проспект Руставели.

Она с трепетом остановилась, перекрестилась широким крестом, вошла, поставила перед Спасителем и Пресвятой Богородицей свечи. И уже выходя через боковые ворота, увидела то, что потрясло ее сознание. Боковая стена, отделанная белым дорогостоящим камнем, была изрешечена автоматными очередями. Выбоины остались со времен гражданской войны, вспыхнувшей двенадцать лет тому назад.

- Церковь - мистическое тело Христа, а мы стреляли в него,- мелькнуло у нее,- вот и поплатились.

И вдруг она вычитала на расстрелянной стене церкви слова: «Возненавидев друг друга, этим вы возненавидели меня».

Эка в испуге, закрыв глаза, отошла немного назад. Открыв глаза, уже не увидела больше этой надписи.

Здания дома правительства и первой гимназии напротив отремонтированы и реставрированы. А церковь хранит память о тех страшных временах.

Неужели этого никто не видит?

Неторопливым шагом она перешла проспект по подземному переходу и, миновав прежний Дворец пионеров, а нынешний Дом молодежи, ряды стендов с множеством новеньких книг, чуть не по всем отраслям человеческой деятельности, подходила к метро.

В небольшом открытом ларьке с прохладительными напитками, не сдержавшись от жуткой жажды, купила бутылочку кока-колы.

Церковь советует воздерживаться, а я...- посетовала на себя, допив почти до доньшка бутылочки.

Неподалеку, у скамей вокруг высокой роскошной ели, она заметила фонтанчик, из которого била, как она вспомнила, чистая без всяких примесей вода. «Вскоре ей цены не будет во всем мире, на вес золота станет, дороже самой нефти,- подумалось ей,- а мы в своей повседневной жизни пренебрегаем ею, хотим продать водоканал и все водное хозяйство какому-нибудь зарубежному богачу-инвестору, поступить так же, как с газом и электричеством. Тогда уж совсем запоем?»

Допив-таки кока-колу, Эка подошла к скамье под елями, на которой увидела знакомого, продававшего привязанную за ногу прочной и толстой белой веревкой хищную птицу.

«Похожа на ястреба,- подумала Эка,- но откуда мне помнится этот мужчина?»

Птица открытым клювом жадно вдыхала теплый воздух, ерзала, перескакивала с одной руки продавца на другую, слетала ему на колени, перебралась на скамью и устроилась на ней рядом с хозяином.

Хозяин наклонился к ней, взгляделся в розовые перепонки глаз.

- Уморилась, моя бедненькая...

Птица хранила гордое спокойное безмолвие.

«У нее глаза, как у человека,- пристальнее пригляделась Эка к птице,- карие...Но зато взгляд, когти, клюв...»

- И почему ты продаешь ее, дружище?- спросил один из немногих собравшихся возле птицы любознательных прохожих.

- Ну, почему, почему,- помедлил с ответом хозяин,- ее брата, например, за сто баксов продали, а ее... как с покупателем договоримся.

- Если найдется за такую цену,- заметил второй прохожий.

- Да отпусти ты ее лучше,- посоветовал третий,- ее место, сам знаешь, где... на небе.

- Отпущу, конечно,- согласился продавец,- если не найду покупателя.

- А она девочка или мальчик?- поинтересовался один из толпы.

- Девочка!

«Голос, и голос какой знакомый»,- удивилась Эка.

- А откуда ты знаешь?

- Как же откуда...

- Отпусти ее прямо сейчас,- посоветовал другой наблюдатель.

- Отсюда она не улетит, отпущу из своего двора,- пояснил хозяин.- Но вообще все равно, если отпущу, она снова ко мне прилетит. Видите, какая прирученная.

- А если отпустить ее здесь, найдет она ваш дом?

- Отсюда вряд ли.

- А откуда она у вас?

- Из гнезда в горах. Вместе с шефом туда взбирались. Правда, он об этом не знает. Взял ее и двух ее братьев крохотными птенчиками. Братьев уже продал, и она осталась у меня одна-одинешенька.

- А будет она слушаться того, кто ее купит?- поинтересовался любопытный голос.

- Будет, конечно, будет,- утвердительно отозвался хозяин,- куда денется. Кто будет кормить, того и будет слушаться. – Правда?- обратился с вопросом к птице, снова наклоняясь к ней и припадая к ее головке.

Похоже было, что птица и вправду неплохо приручена, хорошо знает хозяина, особенно его голос, и непрочь его слушать.

- А знаете, я, например, слышал, что когда такая хищная птица меняет хозяина, ее, чтоб приучить к нему, вешают на сутки вниз головой,- заявил вдруг стоявший до сих пор молча наблюдатель.

- Да что она, летучая мышь, что ли»- возразили ему.

«Тебя бы повесить на сутки вниз головой,- возмутилась в душе Эка,- чтоб не рождались такие мысли».

- Послушай, ты знаешь анекдот про крокодилов, когда один спрашивает у другого, почему самки закапывают свои яйца в песок, а потом плачут?- спросил хозяин птицы зарвавшегося собеседника.- Так вот,- добавил он, немного помолчав,- второй посоветовал ему сначала сделать то же самое, в горячем, сорокаградусном песке, а потом посмотреть, отчего они плачут. У них же мозги устроены не как у людей.

- То-то, я и говорю,- подтвердил любознательный.

«Точно, Рубен! Конечно же, он,- обрадовалась Эка, узнав-таки помощника Авто,- как же я сразу его не узнала. Интересно, а он меня узнал» Вряд ли, судя по тому, как посмотрел. Если я узнала его с трудом, то каково ему узнать меня. Столько покупателей каждый день. Может, напомнить о себе, спросить, где сейчас Авто?- но тут же передумала.- Какое это сейчас имеет значение? А птица красивая. Значит, Авто за девками и по горам охотится»?- улыбнулась она.

Полюбовавшись еще немного на ястреба, решила пойти пешком по проспекту города и повернула обратно к дому правительства и обстрелянной из автоматов церкви. Пройдя немного, остановилась у магазина «Православная книга» и не сдержалась, чтоб не войти в него.

Магазин состоял из двух небольших, наружного и внутреннего, залов.

В наружном пестрела и сверкала церковная утварь, по полкам были расставлены иконы.

Во втором, внутреннем, поражало множество религиозной, православной литературы, разные издания Ветхого и Нового заветов, жития святых отцов, апологетов и деятелей церкви.

«Скучно на этом свете, господа,- с иронией вспомнила она слова Гоголя,- и добавила,- без Бога, конечно же, ни до порога, и не только скучно, а невыносимо тяжело. Но когда видишь такое богатство света и блаженства,- подумала она о теснящихся перед ее взором книгах,- о какой может идти речь скуке?»

«Иди же, ну, смелей,- подсказал ей внутренний голос.- Если хочешь дойти до цели, иди один,- вспомнила она старый мудрый совет.- Все и вся в этой жизни имеют свое назначение».

Она осторожно потянулась к первой попавшейся под руку книге, бережно взяла ее в свои мягкие ладони, осторожно перелистала и понемногу погрузилась в чтение.

После одной последовала другая, потом третья. Сладкие слезы блаженства подкатывали к глазам. Чем глубже вникала, тем труднее было оторваться.

Задержавшись в книжном магазине более часа, вышла с несколькими купленными книгами и брошюрами.

«Будет чем усладить душу дома. Вот если бы цены были немного доступнее, совсем было бы хорошо».

Ее размышления перебил звонок мобильного под мелодию песенки «А нам все равно...»

- Слушаю,-угадала она по высвеченному номеру, с кем говорит.
- Привет, Эка,- поздоровался с ней знакомый голос.
- Привет, Софико.
- Где ты сейчас?
- В городе. А что?
- Да нет, ничего. Просто хотела узнать, вечер сегодня у тебя свободный»
- А что?
- Ребята в театр приглашают, говорят, хороший спектакль.
- Кто?
- Как кто? Гога и Дато.
- Я про постановщика спрашиваю?
- А-а! Откуда я знаю... Какая разница?
- Как какая?
- Да ладно тебе, не все равно, что ли?

Эка с некоторой досадой взглянула на целлофановый пакет с книгами.

«Вот тебе, пожалуйста! Не успела купить, как неожиданное препятствие».

- Извини, Софико. Наверное, не смогу.
- Да брось ты, Эка! Когда еще такое будет. Ребята так просили. Такая тяжелая и долгая работа ожидает за компьютером с понедельника, хоть сегодня разрядимся, душу отведем.

- Какая работа?
- Как, ты разве не в курсе?
- Нет, меня же в субботу не было.

-Ах да, совсем забыла. Новые иностранные фирмы просят нашу фирму оказать помощь по налаживанию коммерческих связей и контактов с дочерними, местными частными фирмами и организациями. Обещают неплохой заработок. Ребята говорят, что нужно постараться их зацепить и по другим вопросам, по имиджмейкерству, рекламе... Хотели даже, чтоб мы начали с воскресенья, но потом согласились на понедельник. так что видишь, какой у нас шквал намечается?

- Не знаю, Софико, не знаю! Перезвони-ка мне попозже.
- Если ты не пойдешь, то и я,- заявила Софико.

«Ох, уж эта компьютерная работа,- вздохнула Эка, опуская мобильник в висящую через плечо небольшую белую сумочку,- истощает и выбивает силы. После нескольких часов все болит. Бывает, что и мутить начинает. Но... что делать, работа есть работа. А сейчас мне предлагают идти в театр. После храма небесного в земной храм не тянет. Но как это объяснишь?»

Уже подходя к станции метро «Руставели», у небольшого водопада-фонтана под сквериком с памятником великого поэта заметила подвязанного к деревянному подиуму фотографа, красавца-павлина, по имени Бачо. Налюбовавшись издали, подошла к нему и попросила фотографа сделать ей скорое фото с птицей.

Второй звонок по мобильному телефону прервал рассматривание уже готового снимка.

- Эка, это я!- Голос опять был знакомый.

- Да, я узнала тебя, Мака. Как ты?

- Ничего! Ну, как, идем?

- Куда?- изумилась Эка.

- Как? Забыла, что ли? Сегодня день рождения Владика!

«Ах, да,- простонала она про себя,- в самом деле забыла. Что же делать?»

- А перенести нельзя?- добавила она вдруг вслух, и тут же поймала себя на том, что сказала глупость.

- Ты что? Ребята уже решили. И вообще решают всегда они, а не мы,- удивленно возразила Мака.

- Не знаю, Мака, не знаю! Сейчас я ничего не могу сказать. Позвони мне попозже домой. Я совсем к этому не готова.

- Ну, вот и готовься. Перезвоню позже. Пока!

«Ой... с ума можно сойти, мысленно запротестовала Эка,- до дому не дойдешь. Как все-таки мирские люди ищут развлечений, шумных сборищ. А меня тянет к уединению, тишине, покою. Стараюсь избегать их, углубляться в свои мысли, сосредоточивать их на важных вопросах жизни, которых сознательно избегает современный человек.

Они бросаются в развлечения, пытаются убежать от сложных проблем жизни, от ее испытаний и тягот, но от этого глубже вязнут в болотной тиши несообразностей.

Человек делает все, чтобы уклониться от назойливых размышлений. Мы больше действуем, чем думаем. Все потребляем и принимаем, не утруждаясь вопросами, откуда это, из чего, кем изготовлено и какие может иметь последствия.

Кажется, Томас Эдисон говорил, что человек готов пойти на все, лишь бы не затрачивать умственных усилий. После его смерти было обнаружено более двух тысяч пятисот записных книжек, набитых фактами, с которыми он сталкивался.

Вечером, Эка стояла в условленном месте на перроне метро и наблюдала за движущимся эскалатором, выбрасывавшим толпы людей.

«Жизнь тоже лестница... Одних подкидывает вверх, других сбрасывает вниз. Одни ходят под землей, в потемках, а другие - по земле, под солнцем. Но случается, что под землей при свете и на земле во тьме. Какой ужас»,- испугалась она своих мыслей.

Два поднабравшиеся молодчика, привлекая громкими выкриками и сквернословием внимание пассажиров, бежали вниз по движущемуся эскалатору, стуча по бортам и расталкивая стоящих.

Дежурная в металлопластиковой кабине молниеносно резко отреагировала на разгул замечанием и предупреждением, на что молодчики отреагировали очень бурно.

Завязалась неравная перепалка, перерастающая в потасовку, причем сухопарая дежурная, женщина за пятьдесят, не уступала и грозила вызвать полицию.

«Что вытворяют!- изумилась Эка.- И никакой управы. Почему, интересно, не видно полиции?»

К счастью, более трезвому из молодчиков удалось оттащить от дежурной менее трезвого и силком затолкать его в вагон.

Вскоре появился Леван.

- Привет,- поцеловал он Эку в щеку.

- Привет!

- Какая ты сегодня интересная!- поспешил с комплиментом Леван.

- Только сегодня?
- Всегда, конечно, но сегодня в особенности.
- А где Мака?
- Вот-вот подойдет.
- Опаздывает,- поглядела на часы Эка.
- Это в ее стиле.

Продолжавшийся разговор был прерван возвращением на станцию обиженных давеча и уехавших молодчиков.

- Мне все до лампочки, я сейчас ее... Разошлась, поучает!- с неслыханной бранью двинулись молодчики к кабинке, но дежурная, к счастью, на сей раз загодя услышала и узнала голос обидчиков и успела сообщить в верхний зал. Вскоре в уже завязывающийся конфликт включился молодой полицейский, в штатской, однако, форме, с трудом разнимая дерущихся.

- Ты кто вообще такой и откуда здесь взялся?- выкрикнул один из расходившихся молодчиков, вырываясь из сковывавших его рук и размахивая кулаками.

Эка заметно перепугалась.

- Какое безобразие!- вскрикнула она.- Что творится! Ну, вмешайтесь же хоть кто-то, остановите их!

Подался вперед Леван, но Эка ухватила его за рукав:

- Ты стой на месте!
- Пусти меня, Эка!
- Тоже мне, защитник нашелся!

Леван вырвался из удерживающей руки Эки и бросился в схватку.

Два раза его, как щепку, отбрасывала мощная рука.

«Какой он слабый и отчаянный!»- подскочила Эка к своему избраннику, отброшенному этой рукой.

Леван не спешил подниматься, продлевая сочувственные ласки Эки.

Она же, наклоняясь над ним, встревоженно спрашивала:

- Ушибся? Больно?- и поглаживала по лицу и плечам. А он, как котенок, свернулся в клубочек и негромко стонал и побряхтывал.

Прибежал и подключился к драке и второй полицейский, мгновенно, к всеобщему удивлению, подхвативший бузотеров под руки и поволокший к выходу.

- Спокойно! Ступайте за мной! Поговорим по-мужски.

Молодчики, сообразясь с обстоятельствами, быстро настроились на мирный лад и стали довольно толково уверять стража порядка, что их ни за что обидели, оскорбили и даже первыми подняли на них руку.

Эка возмущалась, требовала вызвать подкрепление, чтобы унять и наказать безобразников.

- Было бы у меня сейчас баксов триста, я бы и сам не отказался бы их отмутузить. А так... стоит из-за них подпадать под судебное разбирательство,- отмахнулся полицейский.

- А что, здесь всего два дежурных»- любопытствовал Леван, успевший привстать и удерживавший Экин платочек под ушибленным глазом.

- Да, здесь два, а на следующей станции целое отделение,- оправил на себе выбившуюся в кутерьме голубую сорочку, полицейский.- Случилось бы там, им бы мускулистые ребята показали.

Эка все же не унималась, требовала задержания, переправки в отделение полиции.

- Э-э, сестричка,- подоспел второй полицейский, отправивший молодчиков с миром на подъехавшем поезде,- кто же в тюрьме исправляется? Там, к сожалению, становятся еще хуже. Ты что же, не знаешь?

- Но ведь они могут вернуться?- вмешался Леван.

- Не вернутся!- уверенно возразил ему полицейский.- Я им такую на ухо лекцию прочитал, что уже долго не вернутся. А попробуют, и разговор будет совсем другой.

- Вы же видели, какие они заведенные. Нет сомнения, к кому-нибудь еще сегодня пристанут,- не успокаивалась Эка.

- Я на свою лекцию очень рассчитываю! А нет, так на следующей станции их проучат, дай Боже. Запомнят надолго,- упорно настаивал на своем второй полицейский.- Я все-таки скорее сторонник мирных переговоров, чем приверженец резких мер.

Появилась наконец запропастившаяся Мака.

- Что с тобой?- в изумлении бросилась она к Левану, но тот мгновенно отвел глаза и потупился.

Зато Эка во все глаза смотрела на подружку, которая и недоумевала, и пыталась увильнуть от замечаний по поводу задержки.

- Вот что значит опаздывать,- чуть слышно пролепетала Эка.

- Ты с ума сошла?- накинулась на нее Мака.- Что ты с ним сделала?

Эка и Леван переглянулись, чуть заметно улыбнулись и как бы с взаимного согласия терпеливо отмолчались в ответ на намек Маки.

- Да ты просто ненормальная! Погляди на него! Что у него под глазом»- все больше взвинчивалась та.- Да что ты строишь недотрогу!- она прошлась пальцами по ушибам на лице Левана.- Ты посмотри, как живет Европа!- наставительно убеждала она Эку уже по дороге.- Там не то, что целуются, а чуть ли не любовью занимаются при людях.

- Но у нас не Европа,- отбивалась Эка.

- Так мы что же, по-твоему, азиаты?- противилась Мака.

- Главное, чтоб мы были христианами... православными... настоящими.

Спор длился до самого дома Владика, который не меньше Маки изумился состоянию Левана. Засуетились, бросились накладывать на ушибы холодные примочки.

- Надеюсь, ты не будешь так безжалостно поступать со мной,- весело допытывался Владик у Маки во время медленного танца.

- Если хорошо будешь себя вести,- загадочно улыбалась Мака.

.....

- Бедненький,- сочувствовала Эка во время этого же танца Левану,- ты все-таки слабый и беспомощный.

- Без тебя да,- соглашался Леван,- ты должна быть рядом со мной всегда.

- Да, но я-то сегодня с тобой была? К тому же «Не обещайте деве юной любви вечной на земле»,- чуть слышно пропела Эка.

- Эка, я люблю тебя,- с грустью признался Леван.

- Я тоже люблю тебя, Леван,- вздохнула и Эка.

Помолчали. Теснее прижались друг к другу.

- Леван, не торопи меня,- попросила Эка,- мне нужно время разобраться в жизни, людях, в самой себе, и вообще во многом. Мы ведь еще не старые.

- Хорошо,- согласился Леван,- как ты скажешь. Но... Учти, никого, кроме меня.

- Какой самонадеянный!

.....
Признания продолжались и по дороге домой. Сверкали бесчисленные звезды, настраивали на веселый лад.

Леван смешил Эку, залиvisto смеялся сам:

- Ты заметила застывшие лица Маки и Владика, когда они узнали, откуда у меня ушибы,- хохотал Леван.

- Да,- сдержанно улыбалась Эка.- Они чудные.

Спустились к площади с огромным круговым газоном, подошли к недавно возведенной трехфрагментной железобетонной стене, которую уже начинали отделывать белым камнем.

- А зачем она»- полюбопытствовала Эка.

- Это стена мемориальная, на ней будут высечены имена павших за независимость нашей страны,- пояснил Леван.

- А здесь, наверное...

- Да, ты права, будет гореть вечный огонь, и вообще эту и близлежащую территорию собираются озеленить и благоустроить.

- И слава Богу,- заключила Эка,- а вот памятника погибшим девятого апреля до сих пор все нет и нет.

- Леван, не сердись на меня,- попросила при прощании Эка. Мои чувства к тебе искренние и дружеские. Но мне еще трудно перейти эту черту.

- Что же это значит? Это – нет? Это отказ?- расстроился и понурился Леван.

Она смотрела на любящего человека с грустным подбитым глазом, и ее сердце наполнялось теплотой.

- Что ты, я не говорю нет...Просто- поживем увидим. Согласись, Леван, не все, что с людьми происходит, зависит от них...

Немного обескураженный, Леван простился с Экой все-таки с надеждой на себя и на будущее.

Эка же считала, что этот воскресный день был счастливым, он начался любовью небесной, а кончился земной.

«Хотя лучше было бы наоборот», - заметила она про себя, поднимаясь домой, готовясь к встрече и беседе с домашними.

IV

К счастью для тбилисцев, в тот год, по сравнению с предыдущими, летние дни выдались не очень уж знойными, и оставшиеся в городе могли не жаловаться.

Напротив, в свободное время они с удовольствием отвлекались от городской суеты и выезжали на день-другой за его пределы.

- Один билет взрослый, пожалуйста, второй детский,- произнес мужской голос у невысоких решетчатых металлических ворот в зоопарк, протягивая к кассирше руку с деньгами.

- Дядя Авто, можно у вас попросить мороженого?- тоненьким голоском протянула девочка в голубом легком платице и нарядной плетеной шапочке.

- Конечно, Анечка, о чем речь,- отозвался Авто,- а где будем брать? Здесь или внутри?

Анечка показала пальчиком в сторону, туда, где, неподалеку от входа, стоял компактный шкафчик-холодильник, с разнообразным ассортиментом мороженого.

- Тебе какое? Выбирай,- подвел ее Авто к витринке.

- Вот это,- показала Анечка на клубничное в стаканчике и блестящей обертке. Развернули обертку на одной из многочисленных зеленых садовых скамеечек неподалеку от входа.

Картонку с сюрпризом на оборотной стороне Анечка протянула, слизнув с нее язычком налипшее лакомство, Авто:

- Раз отказались от мороженого, так пусть хоть приз будет вашим!

- Договорились, спасибо тебе,- поблагодарил Авто, принимая подарок.- Посмотрим, что тут написано.

Прочитав, Авто обескураженно призадумался.

- Ну, и что там?- в который раз спрашивала Анечка, не отрываясь от мороженого.- Если вам приз не понравится, отдадим его Акакию. Хорошо?

Авто улыбнулся.

- Нет, почему же, очень нравится. Здесь написано, что Родине лучше, когда сын оказывается лучше отца.

- А дочь?

- А дочь лучше матери.

- Лучше моей мамы никто быть не может, она самая замечательная на свете,- запальчиво возразила Анечка.

- А почему же она ругает тебя, когда ты занимаешься?

- А потому, что она хочет, чтоб я занималась больше.

- А ты?

- А мне больше нравится играть. Пустите меня немножечко поиграть на горке.

- Ладно. Только доешь мороженое.

- Там и доем. Посмотрю, как дети играют.

- Ну, иди, только будь осторожна.

Буквально через минуту Авто увидел, как Анечка угощает с руки остатками мороженого какого-то незнакомого мальчика, своего сверстника, он что-то шепчет в ответ ей на ухо, а она поддакивает, покачивая головкой.

Потом они за руки поднялись на горку, скатились с нее на корточках и снова помчались вверх.

- На платье не садись, не пачкай,- громко крикнул Авто, поднимаясь со скамейки, и бегом бросился к горке.

Анечка не успела подняться навстречу ему, как на нее налетел и сбил с ног несущийся с горки новый знакомец.

- Дурак,- огрызнулась Анечка, вскочив на ножки, и ударила мальчика.

- Сама дура!- обиделся он и дал сдачу.

Анечка бросилась к Авто и расплакалась.

- Как тебе не стыдно, мальчик, бить девочку?- осердился Авто.- Вот возьму тебя сейчас и запру в клетке с медведями, они тебе покажут, как девочек обижать.

Мальчик тоже расплакался и подбежал к торопливо идущей к нему на подмогу молодой женщине.

- Почему вы пугаете детей?- спрашивала эта женщина на ходу.
 - Ната?- удивленно воскликнул Авто.
 - Авто?- не меньше него изумилась Натали.- Анечка, Боже мой, как она выросла,- понемногу смягчалась она.- Но что случилось?- недоумевала, укладывая в свою летнюю сумочку сложенный вдвое новый популярный журнал.
 - Ничего,- разрядил обстановку Авто,- дети не поняли друг друга, помиряются...
 - Не хочу мириться, он нехороший,- запротестовала Анечка.- Я его... а он... Авто и Натали с улыбкой переглянулись.
 - Я не хотел,- снова разревелся мальчишка,- я не виноват, что она не успела отойти...
 - Какой чудный мальчик. Чей он?- поинтересовался Авто с каким-то предчувствием.
 - Это Тимошка, сын моего директора,- объяснила Натали,- сам он остался в колледже, понадобилось, а меня попросил сводить его сюда, чтоб не мешал.
 - Ловко придумал,- вырвалось у Авто.
 - А что? Нужно было ему отказать в просьбе?- насторожилась Натали.
 - Ну...- помялся Авто.- Нет, почему же... если просят... тем более, директор... А что, жена его отказалась присмотреть?
 - У него нет жены, она скончалась, когда ребенок был еще совсем маленький.
 - А-а,- протянул Авто,- а кто же за ним присматривает дома?
 - Бабушка. Мать отца...
 - Тогда все ясно!
 - А что? Что ясно?!
 - Ничего... Давайте немного пройдемся.
 - Пожалуй,- согласилась Натали.
- Они шли рядом, а дети, давно позабывшие о недавней ссоре, перебежали от одной клетки к другой по обе стороны дорожки.
- Ты гляди, как обхаживает мальчишка нашу Анечку. Ему это, пожалуй, удастся лучше, чем мне,- добавил Авто после недолгой паузы.
 - Не надо, Авто,- улыбнулась Натали,- достаточно того, что мне приятно ваше общество.
 - Спасибо, но мне этого мало.
 - Тогда я вынуждена буду оставить вам Темо, а сама удалиться. Устраивает?
 - Только не это!- испуганно возразил Авто.
 - Дяденька, хочу поджаренную кукурузу,- попросила Анечка, остановившись перед шкафчиком агрегата с надписью «поп-корн».
- Авто угостил им детей и Натали.
- «Он частично защитит меня»,- обрадовалась Натали, хоть и не очень жаловала поп-корн.
- Шли медленно, не торопясь, по неширокой аллее, обсаженной огромными высокими разлапистыми елями.
- Дети вприпрыжку бежали чуть впереди.
- Как Эка, как Мамия Сергеевч?- интересовался Авто.
 - Как сказать,- пожимала плечами Натали.- Эка убивается каждый день на работе за компьютером, отец понемножечку пашет на сезонной работе. Устанавливают отопительную систему, в основном в частных квартирах. Работа попадает не всегда.
 - А как мама? Как, кстати, ее зовут?

- Манана Георгиевна, - удивилась Натали, потому что мама помнила Авто прекрасно и полагала, что он ее знает неплохо.

- Разрывается между работой и домом. Но до пенсии осталось не так уж много.

- А где она работает?

- В собесе. Там сейчас тоже нервотрепки хватает на всех сотрудников. Легко ли с пожилыми, полуголодными, часто больными людьми. Всем всего не объяснишь, но нужно. А ваши как?- перевела Натали разговор.

Понимали друг друга хорошо, интересовались всем живо.

Авто все больше захватывал инициативу в беседе, Натали покорно шла рядом, похрустывая временами поп-корном и предлагая его Авто.

Платил за все в парке Авто. Натали протестовала и смеялась:

- Ничего себе! Экономия для шефа!

- А-а, шефа? Как его?- встrepенулcя Авто.

- Гиви Досифеевич,- ответила, но тут же подумала: Зачем ему это знать?

Почувствовала, что Авто хотел спросить о нем еще, сделал над собой усилие и сдержался.

Зашли в большой стеклянный павильон с вольерами для земноводных. В них нежились доставленные с берегов Нила небольшие крокодилы, всевозможные ящерицы, змеи и другие рептилии разных размеров и облика. В аквариумах плавали морские, речные, океанские, озерные, декоративные рыбы, крабы, рачки и, чуть ли не со всего мира, омары.

- Вот так коллекция!- восхитилась Натали.

- Да, ничего себе,- согласился с ней Авто,- молодец зоопарк, здорово поработал!

- Внизу еще интереснее, и аттракционы есть,- вспомнила Натали.

- Да, я, честно говоря, не ожидал,- признался Авто.- Очень давно не заходил сюда.

- Как?- удивилась Натали.- А по птичьим делам? Тоже не приходилось?

- Ну, бывало, так я Рубена посылал... или директор зоопарка сам к нам приходил, когда бывало нужно.

Вспомнив, решили отправиться и с удовольствием полюбовались царством пернатых в самой дальней части зоопарка, где в клетках из металлической решетки находились орлы, ястребы, тетерева, павлины.

Авто увлекся до того, что принялся делать записи в блокноте, вчитываться в тексты на табличках, и даже не заметил, как Натали с детьми тихонько отошла, из-за чего пришлось их догонять.

С каждым шагом возникало чувство какой-то простой, тесной, семейной связи, углубляемой присутствием детей, остановками у аттракционов, короткими привалами в укромных сквериках со скамьями перед новыми бросками к дальним, вновь возведенным вольерам, загонам, клеткам и аквариумам.

Заметное утомление снимали фанты и кока-кола через трубочку.

Особый восторг Натали своей статью, спокойствием, мягкостью вызывали олени. Отнюдь не хищные звери. Авто заметил, как при виде их у нее расширились и вспыхивали глаза, и нарвал и подал ей немного свежей травки. Натали подошла к сетчатой ограде загона и попыталась подзвать к себе оленят.

- А дядя сказал, что в зоопарке кормить животных нельзя,- предупредила Анечка.

- Травкой немного можно,- улыбнулась Натали и снова махнула рукой оленю.

Несколько животных и впрямь отозвались на зов, приблизились к сетке, доверчиво приняли из мягких рук свежие пучки травы.

«Руки у нее очень красивые»,- думал Авто, подходя очень близко к Натали и ощущая аромат ее светлых волос.

- Можно, и я их поглажу,- чуть слышно пролепетал Авто и прошелся ладонями по холкам, как бы ненароком задев и погладив нежную руку от локтя до пальцев.

Пролетевшее по телу тепло словно спугнуло Натали, но она пересилила себя, отпрянула, отстранилась от Авто, высвободила руку из его плена.

Встрепенулись и животные, отскочили от сеточной ограды. Дети проводили их удивленными взглядами.

Натали вздрогнула, покраснела, и Авто, обиженный, понуря голову, отошел от нее.

Не стовариваясь, все четверо смущенно двинулись в сторону вольера, к бассейну бегемота. Громадина лежал в воде, голова его покоилась на верху ведущих в бассейн ступеней. Лежал неподвижно, таращась на посетителей. Дети визжали от восторга, забрасывали взрослых массой вопросов про животное.

Под шумок Авто, вновь украдкой и нерешительно, попытался приблизиться к Натали, но она как бы отдалялась, отмежевывалась от него, хоть и не двигалась с места. Он сделал еще шаг, еще полшага. Легким движением плеча она-таки пресекла дальнейшее развитие событий.

- Ты как этот зверь... Точно... Вот ты кто!- вырвалось у Авто. - Ни сама не радуешься, ни другим не даешь.

Натали смутилась, натужно улыбнулась в ответ.

Зверюга наконец отверз огромную пасть и произвел мощный громкий зевок.

Аллея от вольера бегемота привела к площадке с множеством аттракционов для детей и взрослых..

Чтоб доставить детям удовольствие, решили прокатить их на катере. Авто вспомнил о своем давнем, работающем здесь знакомом. Поручили ему приглядеть на судне за ребятами. Вернулись они забрызганные, но счастливые, и долго делились впечатлениями о «мореплавании».

Не удалось пройти и мимо тира. Натали выбила из вращающейся рулетки приз - игрушечного, матерчатого, соловья, а Темо медвежонка. Анечка и Авто пробили мимо в «молоко». Над неудачниками потешались, называя их мазилами.

- Ничего, мы вас в другой раз и в другом месте победим,- расстраивалась и грозилась Анечка,- правда, дядя Авто?

Авто заговорщицки моргал ей. И удачу, и неудачу отметили мороженым.

Пошли дальше, стараясь ничего не пропустить.

Авто все сожалел, что так давно не заглядывал в зоопарк.

Натали все недоумевала и поддевала его: а еще орнитолог!

Дети все рвались к попадавшимся дорогой аттракционам. Больше всего им пришлось по вкусу катание в желто-черных вагончиках, носившихся вверх и вниз по стальной серпантинной железной дороге через пригорок.

Анечка визжала от восторга, а Темо, похоже, боялся выпасть из вагончика.

Изрядно перепугалась и Натали, заметив у газона вдоль магистрали опрокинувшийся вагончик. Авто ринулся к дежурному по станции: уж не авария ли?

- С чего вы взяли? - обиделся тот. - Не видите, бегают?

В ответ на вопросительный взгляд Авто на вагончик объяснил, что его отцепили на ремонт и окраску, а аварии никакой не было и нет.

Натали тем не менее поторопилась увести детей подальше, несмотря на их упирательства и просьбы.

Утешились на электрокарах с упирающимися в сетчатый потолок вертикальными штангами. Правда, Анечка жаловалась, что Темо стучает своей машиной о ее. И тогда женская солидарность усадила Натали в автокар, рядом с Анечкой, в ответ на что Авто подсел к Темо. Управляли автокарами дети, взрослые только подсказывали и советовали.

- Давай, Анечка, жми на них,- подговаривала Натали,- пусть не ударяют в нас! Лучше мы сами их стукнем!

Анечка с удовольствием отзывалась на призывы.

Авто вдруг на ходу выскочил из машины.

- А теперь, Анечка, попробуйте сами,- предложил он,- вы с Темо, ну, а я с тетей Натой! Идет?Темо ждет тебя.

Анечка мгновенно пересела. Подключили ток, и машины двинулись по стальному настилу.

Авто опять на ходу подсел к Натали, повергнув ее в недоумение:

- Кто вас об этом просил?

- Как, вы разве не рады?- попытался удивиться и Авто.

- Могли бы и спросить!

- Ну, ладно, Ната! Мы же не дети!

- Такое впечатление, что вы прыгнули ко мне в постель. Здесь так тесно.

- Ну, всему свое время!- опрометчиво брякнул Авто.

- Сейчас же остановите машину!- вспыхнула Натали.

- Но как?

- Не знаю... как хотите!

- У автокара нет тормозов.

Темо и Анечка настигли их и резко стукнули в борт. Вздогнув от удара, Натали не сдержала порыва выскочить, но Авто удержал ее и прибавил газу.

- Сходить на ходу, до полной остановки процесса движения автокаров запрещено по инструкции техники безопасности,- примирительно и мягко рассмеялся он.

- Какая неслыханная беспардонность!

- Пардон, мадемуазель!

Машины перед остановкой шли ощутимо медленней.

Ната, выходя, вынуждена была-таки опереться на предусмотрительно поданную Авто руку, произнося при этом вполголоса:

- Не дождетесь!

Авто искренне огорчился:

- О чем вы?!

Но обиженная Ната уже торопливо удалялась, подхватив за руку Темо, а Анечка бежала им вслед, оглядываясь на Авто и не понимая, что произошло. Авто, удрученный, побрел за ними.

«Как быстро все меняется,- подумал он,- особенно у женщин».

Дети настоятельно просили покатать их еще и на вращающихся столиках, прикрепленных к наклонному решетчатому колесу.

Ната каталась с детьми одна. Авто, смущенный, ждал их у отправного пункта.

У детей лица были радостные и восторженные, Натали же хмурилась и, должно быть, сдерживала слезы.

«Да,- признался себе Авто,- то ли я и вправду переборщил, то ли она и впрямь недотрога. Нет, скорее застенчивая и строгая. Но ведь мы уже давно не дети, а она прекрасно знает о моих серьезных намерениях. Непонятно, слишком, слишком скромна!»

Уже у выхода из зоопарка дети, потупившись, попросили на прощанье воздушного сахарного мороженого. Ната купила им.

Утощаясь, дети забрасывали продавца-изготовителя вопросами, как работает агрегат, и с любопытством заглядывали в металлический котел.

Вдоль бордюра и прямо вплитык к тротуару проехала и остановилась небольшая иномарка, легковушка коричневого цвета, и из нее вышел молодой мужчина среднего роста, с легкими залысинами.

- Папа, папа приехал!- вскрикнул Темо и побежал ему навстречу.

- Ну, как вы провели здесь время?- спросил Гиви Досифеевич.

Натали оглянулась на Авто и неуверенно направилась в сторону Гиви.

- До свиданья, Анечка, надеюсь, увидимся еще,- сухо попрощалась она с девочкой.

С Гиви поздоровалась и поцеловалась нарочито демонстративно, и негромко, но слышно и для Авто произнесла непривычное:

- Привет, дорогой!

- Привет,- растерянно повторил Гиви Досифеевич.

Вскоре он уловил пристальный взгляд Авто и хотел было полюбопытствовать о нем, но Ната перебила его:

- Поехали, Гиви, мы с Темо тут уже больше двух часов и очень устали.

- О»кей,- сразу согласился Гиви Досифеевич, направляясь к машине,- поехали.

- Дядя Авто, а почему она не попрощалась с вами»- поинтересовалась Анечка, когда иномарка отъехала.

- Не знаю,- помялся тот.

- Они мне совсем не понравились,- подбодрила его Анечка,- вы не огорчайтесь. Когда я вырасту, выйду замуж не за Темо, а вы женитесь не на тете Нате.

- А откуда ты знаешь, что я хочу жениться на ней»- поразился Авто, опускаясь перед ребенком на корточки.

- Я так думаю!

- Не надо думать о людях плохо, а в таких случаях всегда лучше искать причину их обиды на нас в самих себе. Ясно?

- Ясно,- отчеканила Анечка, добавив:- Правда, не очень. А у меня все равно будет жених получше Темо!

- Вот тебе, пожалуйста, плоды телевизора! Побежали!

На бегу они налетели на женщину с детьми, с завернутым в тряпку большим экзотическим птенцом в руках.

- Скажите, где здесь дирекция?»- поинтересовалась она у контролерши у входа.- А вы не знаете, какая это птица?

Контролерша показала, куда идти, но что за птенец у женщины, определить не смогла.

- Это шурка,- пояснил Авто и удивился: «Как птица попала к этой женщине?»

- Вот мы уходим, Анечка, а птичек не посмотрели!- пожаловался он, надеясь заинтриговать ребенка.

- Ничего, дядя Авто, не улетят же они из клеток! Еще посмотрим! Потом! А сейчас пошли домой, нас там Теечка ждет.

V

Современный игрушечный маятник, хоть и колебался с казалось бы неубывающей частотой, тем не менее его нужно было время от времени подталкивать, чтобы он не останавливался под воздействием внешних и внутренних сил трения и двигался в изначально заданном резонансе.

«Все в жизни требует обновления,- мелькнула в голове мысль,- откуда же брать этот безотказный источник движения».. Если и обновляющую и питающую источники силу саму нужно подпитывать?»

- Мамя Сергеевич, вызывали? раздался стук в дверь.

- А-а, Малхаз, проходи! Прходи и усаживайся,- пригласил вошедшего Мамя Сергеевич, приподнимаясь с рабочего кресла, усаживая гостя за стол-приставку к письменному и проходя в дальний угол своего просторного кабинета.

- Так будет лучше,- выключил он кондиционер и небольшой слабовращающийся потолочный вентилятор,- не то что-то сильно дует.

- Да, с кондиционером удобнее,- осмотрительно подтвердил Малхаз.

- Вот такова наша жизнь,- заключил Мамя Сергеевич,- летом голодаем в тепле, а зимой мерзнем в сытости, хотя на работе у нас кое-что наладили с отоплением. А во всем городе? У имущих есть все - свет, тепло и все необходимое. А неимущие?

- Ничего не поделаешь, Мамя Сергеевич, капитализм. Потихонечку всем надо привыкать и к нему,- пояснил Малхаз.

- Приобретая что-то, что-то и теряем. А что, если теряем больше, нежели приобретаем?

- Жизнь вносит свои коррективы, у нее свои правила и законы развития.

- Или, наоборот, мы вносим в жизнь свои коррективы, искривляя ее ход подражанием кому придется?

- Малое, рано или поздно, поглощается большим, и мы не в силах этому противостоять.

- Возможно,- согласился Мамя Сергеевич,- но ведь само осознание этого процесса тоже играет немаловажную роль.

- Хм-м,- улыбнулся Малхаз,- какое имеет значение, что у вас на уме, если вы уже на ложечке и в скором времени попадете в пасть хищнику и будете им проглочены.

- Вот в чем гвоздь программы!- воскликнул Мамя Сергеевич.- В том-то и дело, что можно проглотить физическое и видимое, но не духовное и невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно.

- К нашему несчастью, мы принадлежим к первой группе,- уныло заключил Малхаз.

- Или мы сами причисляем себя к таковой? Стремись к материальному благосостоянию и комфорту, и волей-неволей теряешь в сфере духа. Что дает капитализм человечеству? Поляризацию общества?

- Хлеб насущный!

- А социализм его разве не давал?
- Мамия Сергеевич! Красиво и комфортно жить людям не запретишь. Кроме того, сегодня нам необходимо как-то выжить.
- Да, и нам, и стране в целом,- согласился Мамия Сергеевич, шаря в поисках очков по разложенным на столе бумагам.
- Вот, Малхаз, это перечень наших, переданных нам мэрией объектов, которые остались неприватизированными и согласовываются с нами. Прошу, рассмотрите у себя эти списки и доложите соображения отдела,- протянул Мамия Сергеевич Малхазу руку с небольшой кипой бумаг.
- О-о, вот это, думаю, своевременно и кстати, хоть как-то протянем до зимы!- обрадовался Малхаз.- Вообще всегда лучше избавляться от лишнего своевременно, и полезное сочетать с приятным.
- В общем-то да,- согласился Мамия Сергеевич,- так уж человек устроен, чем большей собственностью владеет, тем больше у него забот и нервовтрепки и меньше душевного покоя. Но одно дело распоряжаться имуществом собственным, а другое - общественным. А вот насколько это правомерно, показывает время. И все же в любом случае окончательное решение - дело не скорого будущего. Теперь же нам нужно решать свои проблемы самим. Мэрия резко урезает нам финансирование, придется идти на сокращения.
- Как, опять?!- возмутился Малхаз.
- А что ты предлагаешь?
- Мамия Сергеевич, есть у меня, есть кое-что на уме,- нерешительно начал Малхаз,- честно говоря, не торопился вам говорить, но раз уж на нас покатили бочки, то, может быть...- замялся он.
- Ну, говори, говори, не бойся!- подбодрил его Мамия Сергеевич.
- Может быть, все-таки отвоевать у мэрии как-нибудь часть заброшенных объектов под наши будущие проекты?
- Но как»- удивился Мамия Сергеевич.
- Вот на этот счет у меня и есть соображения,- несмело потянул Малхаз из верхнего кармашка бобочки-сорочки несколько скрепленных металлической скобой исписанных листков бумаги.
- Интересно,- бегло просмотрел их Мамия Сергеевич сквозь очки.
Раздался неожиданный звонок по селекторному внутреннему телефону.
- Да, Рая, слушаю,- отозвался Мамия Сергеевич.
- К вам пришли из министерства по поводу недвижимости... Хотят поговорить,- пророкотал бойкий голос секретарши.
- Хорошо, пусть войдут!
- Малхаз уже поднялся из-за стола, готовый уходить.
- Да, вот еще что, Малхаз,- протянул ему Мамия Сергеевич свои записи.- Вот списки сотрудников, которые переводятся на полштата. Пересмотрите, пожалуйста, и пусть, на всякий случай, ищут себе другую работу. Если не вылезем из кризиса, то все равно придется их рано или поздно распустить.
- Малхаз медлил и мялся, не отрывая взгляда от своих листков на столе.
- Хорошо, хорошо, я посмотрю их,- спохватился Мамия Сергеевич,- поговорим потом.

Подросли представители министерства, двое мужчин и женщина с фирменными папками и портфелями, в одном из которых покоился современный портативный компьютер «Nootbook».

Малхаз выходил понурый с кипой бумаг от начальника.

- Ну, как там?- уловила Рая кислое выражение его лица.
- Дрянное дело,- отмахнулся Малхаз,- опять сокращения.
- Кто же тогда останется?- вскинулась Рая.
- Не знаю,- покачал головой Малхаз, отступая к двери и игнорируя громкие возгласы из кабинета начальника.

Посетители засиделись у Мамии Сергеевича чуть ли не час. Пришлось вызвать главного инженера:

- Видишь, Ивери, что творится? Все выносят на продажу, на аукцион. А мы не имеем права приобрести свои же списанные объекты по приемлемым ценам. Как будто не мы их строили и не мы поддерживали работу оборудования и агрегатов.

- Может, письмо в правительство или в парламент написать?
- А что толку?
- Ну, попробуем.
- Бесполезно! У тебя есть сейчас время?
- А что?- посмотрел Ивери на часы.
- В мэрию проскочить.
- Проскочим, только с моей машиной проблемы, трудно заводится, измучился сегодня,- объяснил Ивери.
- Пошли, найдется у кого-нибудь!- подхватил Мамия Сергеевич папку с необходимыми документами.

- Мамия Сергеевич, все хочу вас спросить, да забываю,- затянул и запнулся Ивери, спускаясь по боковой пристроенной металлической лестнице.

- Ну?
- Мурмана Васильевич, с шестого участка, помните?
- Мурмана? Как же, конечно, помню. А что?
- Покончил с собой!
- Что? -невольно схватился за голову и замер в удивлении Мамия Сергеевич.- Когда»
- Позавчера похоронили.
- Как? Но почему мне никто ничего не сказал?
- Я сам узнал накануне. Он же давно уже на пенсию ушел, и все его как-то позабыли.
- Да я встретил его на птичьем рынке, вроде пару лет тому назад. такой веселый был, радостный. Кажется, ворону купил,- припомнил Мамия Сергеевич,- отцу нес, говорил, тот все просил, хотел посмотреть, как она триста лет проживет.

- Вот... отец и ворона живы, а его уже нет.
- Но как, почему?- не мог успокоиться Мамия Сергеевич.
- Да, говорят, проблемы у сына были, потом вроде бы и его крупно киданули, а за месяц до того оказывается жена с собою покончила.

Мамия Сергеевич буквально открыл рот от удивления. Всю дорогу до мэрии молчал в машине, разве что изредка с досадой отмахивался.

Вечером домашние ждали его с арбузом.

- Поужинать поужинали без тебя,- встретила его жена,- а вот арбуз без тебя не разрезали.

- Зря,- посетовал Мамия Сергеевич,- мы с ребятами в хинкальной¹ задержались, а точнее в хинкал-центре.

- Надо же, и до такого дожили!- воскликнула Манана Георгиевна.

Разговор продолжился за столом на кухне.

- Да, хинкали у них и вправду отменные. Заодно и друга помянули.

- Кого?- поинтересовалась жена.

- Мурмана с шестого участка помнишь?

- Да... да!

- Па, это случайно не тот, которого мы встретили на птичьем базаре»- поинтересовалась Эка.

- Тот самый, доченька, тот,- сокрушался Мамия Сергеевич,- мы с ним на работе в такие переделки попадали. И ты знаешь, Эка, оказывается, его отец и ворона все еще живы, а он... И самое ужасное, что и жена его месяц тому назад покончила с собой, и теперь он сам.

- Господи, помилуй, какой грех!- вскрикнула Эка.- Да его ведь и церковь не могла отпеть. Но почему?! Что его толкнуло на такой шаг?

- Проблемы с сыном были. Потом его и самого на крупную сумму киданули.

- Наркомания, что ли?- предположила Эка.

- Наверное! Кто знает, у них ведь там такое!

- Да...- протянула Эка,- вот недавно как раз слушала по радио речь патриарха об этом. Говорил, что наркомания - одно из самых грозных оружий в руках врага спасения человека, которым он косит людей, убивая душу и тело.

- Да, кого сразу, а кого постепенно,- согласилась Ната,- ради минутного облегчения люди фактически обрекают себя на вечные муки.

- Еще он напомнил,- продолжала Эка,- что для излечения очень важны четыре фактора - желание больного излечиться, вера и надежда на излечение с Божьей помощью, воцерковление и церковная жизнь и общественно полезный труд.

- Да, труд. Терпенье и труд все перетрут,- согласился Мамия Сергеевич.

- А помните,- вспомнила Манана Георгиевна,- как некоторые приезжие, иностранные инвесторы и бизнесмены несколько лет тому назад активно агитировали нас не затевать больших предприятий и собственного производства, обещали кормить нас.

- Выбить из рук человека его труд фактически то же, что и землю из под его ног, а в конечном счете, обречь его на мученическую жизнь и погибель.

- Конечно,- согласилась с мужем Манана Георгиевна,- труд и создал человека, и облагораживает его.

- Раньше, в советское время, очень модным был лозунг «Слава труду»,- вспомнила Ната,- его часто выносили на транспарантах и демонстрациях. И еще: «Кто не работает, тот не ест».

- А все эти лозунги были заимствованы у церкви,- заявила Эка.- Еще когда апостол Павел говорил, что кто не работает, тот не должен есть.

- Ну-у,- улыбнулась Ната,- а у нас в колледже один сотрудник переставляет понятия. Кто, говорит, не ест, тот может не работать.

- Господь-Бог заповедал нам в поте лица своего добывать хлеб насущный,- напомнила Эка.- Фактически мы и обретаем его в труде. Нетрудодлюбивый не

благословляется Им. Только трудолюбивый. У Ньютона - гений - это труд, а у Сальвадора Дали - у лени нет шедевров,...

- Да, но труд тоже бывает разный,- вмешалась Ната,- физический, умственный... А разумнее всего сочетать их. Труд комбинированный бодрит, а однообразный утомляет.

- Духовный - самый главный,- настаивала Эка,- молитва, богослужение, церковные таинства - важный, если не наиважнейший труд.

- Да, и к тому же без труда человек раскисает, и даже все наработанное им, если таковое имеется, сводится на нет и как-то незаметно словно исчезает и пропадает,- заметил Мамия Сергеевич.- Ведь недаром в нашей народной пословице говорится о том, что лучше зря работать, чем сидеть сложа руки.

- Если бы не это сознание, многие ли бы работали за такие гроши» Для чего» Чтобы оставаться в форме и не опускаться?- засомневалась Манана Георгиевна.

- Да, но деньги тоже нужны,- с грустью вмешалась Ната.

- Сребролюбительница,- огрызнулась на нее Эка.

- Монашка,- отозвалась в ответ Натали.

- Девочки, прекратите дразнить друг друга,- потребовала Манана Георгиевна,- человеку все необходимо в меру, а что сверх меры, то от лукавого.

- Вот мы часто с Мурманом вспоминали, что в школе и в вузе нас учили многому лишнему, ну, в смысле непригодному человеку для его дальнейшей профессиональной деятельности,- отметил Мамия Сергеевич.

- А как же с обязательным всеобщим образованием?- вмешалась Ната.

- Не перебивай,- возразила ей Манана Георгиевна.

- А сейчас я понимаю, что важен процесс не столько учебы, сколько процесс прививания человеку любви к труду, прилежания, трудолюбия, от которых и исходят, как я думаю, в конечном итоге все добродетели. Обратите внимание! Как правило, человек, который хорошо учится, потом и хорошо работает, а неприлежный лентяй остается таковым навсегда и часто спивается.

- Прилежный и трудолюбивый таков же и в церковной жизни,- поддакнула отцу Эка.

- Ну, это если к трудолюбию добавляется еще и вера,- вмешалась Манана Георгиевна,- ведь сколько и порядочных, и интеллигентных, и трудолюбивых не веруют.

- Вот как Мурман, например,- словно вспомнил Мамия Сергеевич,- какой порядочный и интеллигентный был человек и гражданин, а как погубил себя. Никто не знает, кого, как и когда настигнет коса.

- Вот, как видите, грош цена всем этим добрым качествам, если нет веры,- пояснила Эка,- смысл жизни человека в спасении и воскрешении души, которые невозможны без веры.

- Это для верующего, а для атеиста, желающего спокойно и в довольстве прожить предоставленную ему земную жизнь, вполне достаточно быть законопослушным и трудолюбивым человеком,- дополнила ее Ната,- в конце концов, и это не мало.

- Не мало,- не совсем уверенно согласилась Эка,- но не достаточно. Верующий человек получает спасение, а неверующий - смерть.

- Да... А общем, жизнь, конечно, непростая штука, и потому я за вас так волнуюсь,- признался Мамия Сергеевич,- очень надеюсь, что не подкачаете и не вынудите досадовать и волноваться. Мы с мамой столько ради вас...

- Потому-то немаловажно знать правила жизненной игры,- перебила его, смутившись, Манана Георгиевна.

Арбуз, разрезанный по-югославски, зигзагообразно по экватору, оказался не очень хорошим, но все же съедобным.

- А продавец клялся, обещал и головой ручался,- досадовал Мамия Сергеевич, дорезая арбуз и раздавая увесистые куски.

- Арбуз надо проверять по звуку,- сообщила Манана Георгиевна.

- Говорят, что арбузы-девочки, которые определяются по стеблю, никогда плохими не бывают,- добавила Ната.

- Вот,- прибежала с листком бумаги удалившаяся было из-за стола Эка,- недавно выписала из случайно попавшегося под руку журнала «Наука и жизнь» за восемьдесят пятый год, как надо выбирать арбуз. Поглядите-ка на эмпирическую зависимость веса спелого арбуза от длины его обхвата, в котором «эль»- длина экватора арбуза в сантиметрах, а «эм» - масса в килограммах. Далее по этому графику легко определить спелость арбуза.

- У меня дочь просто умница,- похвалила Манана Георгиевна.

- Любите математику, дорогие мои, и она вас отблагодарит, предупреждала нас всякий раз наша математичка на своих лекциях,- припомнила Эка.

- Ага, теперь нужно будет ходить на базар за арбузом не только со своими весами, но и со своей «метровкой»?- рассмеялась Манана Георгиевна.

- И с этим графиком, и с небольшим калькулятором,- улыбнулась в свою очередь и Натали.

- Нет, девочки, проще брать на разрез,- отрезал Мамия Сергеевич.

- Если есть сразу, то да, а долго он не продержится,- пожаловалась Манана Георгиевна.

- А вы долго и не держите,- предложил Мамия Сергеевич,- вон нас сколько в доме, и слава Богу, а то, глядишь, и пополнения дождемся.

Девочки помялись при упоминании о наболевшем. Эка по привычке подтянула мышцы носа и губ, а Натали, чуть отвернувшись, махнула рукой.

Арбус шел полным ходом в употребление.

- Скажи, Ната, как у тебя там дела с твоим...?- не вспомнил имени Мамия Сергеевич.

- Авто,- поспешила на подмогу Эка.

- Почему моим?- натянуто удивилась Ната.

- А чьим же?- спросил Мамия Сергеевич.

- Он вовсе не мой,- пояснила Ната,- мы с ним просто познакомились через Эку, и я попыталась с ним дружить. Но...

- Что но»- поинтересовался отец.

- Он, к сожалению, оказался слишком резким и беспардонным по отношению ко мне.

- Да, это в нем есть немного,- согласилась про себя Эка.

- Неужели он позволил себе лишнее?- удивился Мамия Сергеевич.

- Ну... немного,- потупилась Натали.

- Когда и где?- взволновалась Манана Георгиевна.

- Мы недавно, совершенно случайно, встретились в зоопарке,- пояснила Ната.

- В зоопарке?- удивилась мать,- что вы там оба делали»

- Меня Гиви Досифеевич попросил и оставил там прогуляться с Тимошкой, а он пришел со своей племянницей Анечкой.

- Ну и?- нетерпеливо расспрашивала ее мать.

- Нет... в принципе мне было неплохо с ним и детьми, но он слишком спешит в своих, пусть даже добрых, намерениях.

- А-а,- протянула Манана Георгиевна,- это типичная болезнь всех мужчин. Твой отец в этом вопросе тоже был торопыга.

- Разве?- возразил Мамия Сергеевич.- Мне что-то помнится наоборот.

- Прекрати, Мамия,- не сочла нужным вдаваться в подробности Манана Георгиевна.

- Дело, знаете, в чем?- внесла в вопрос ясность Эка. - В том, что за ней еще увивается и Гиви Досифеевич, втягивает ее щупальцами в свои дела, проблемы, семью. Она с ним общается почти каждый день, а с Авто реже, и в основном через интернет, так что нетрудно догадаться, за кем инициатива...

- Не твое дело,- запротестовала Натали, будто ей наступили на мозоль,- ты лучше за своим Леванчиком присмотри, чтоб его не увели у тебя из-под носа. Прошлый раз я видела его в городе с очень миловидной девушкой.

- Ой, на здоровье, я и не против,- живо отпарировала Эка с легкой досадой.

Тему деликатно приостановил Мамия Сергеевич:

- Ладно, не ссорьтесь, не стоит, мы с мамой очень рассчитываем на ваше благоразумие. Поглядите еще, время все покажет и подскажет. Ну, а если вам понадобится наша помощь, мы тут как тут!

Девочки выразили молчаливое согласие.

Арбуз подходил к концу, когда по телевизору начались новости. Рассказывали про очередную акцию не так давно возродившегося нового движения «кмара» и отклики активистов других политических партий и движений. Они требовали соблюдать все международные нормы и стандарты на предстоящих в скором будущем парламентских выборах.

Атмосфера накалялась тем, что многие решительно выступали за сокращение количества мест-мандатов в парламенте.

В связи с этим, во избежание фальсификации выборов, подтасовки бюллетеней, впервые вводилось новшество, предложенное зарубежными помощниками организации выборов, - маркировка каждого явившегося в пункт избирателя специальной маркировочной смесью, которая могла удержаться на пальце избирателя целые сутки.

- Конечно же, это и хорошо, и плохо,- сокрушался Мамия Сергеевич.- Плохо, что дожили до такого, хорошо, что возможно все-таки хоть так избежать фальсификации.

- Ай, Мамия, оставь, ради Бога,- отмахивалась Манана Георгиевна,- будто ты не знаешь, что все равно найдут другие пути для достижения их цели.

- Мы, например, в колледже, многие за маркировку,- сообщила Натали,- тем более, что это уже исследовано на безопасность для человеческого организма и предотвратит хотя бы крупные подтасовки.

- А в церкви у прихожан на этот счет нет единого мнения,- заметила Эка,- наш батюшка, например, тоже не приветствует маркировку, говорит, что они не имеют права касаться тела человека.

Из-за окна на улицу раздалась, с небольшими интервалами, четыре мощных взрыва подряд. И чуть позже рев сирен пожарных машин, одна за другой подъезжающих к месту взрыва.

На противоположном от их дома углу улицы загорелся частный магазин хозяйственных товаров, который пришлось тушить очень долго.

Оставшийся вечер ушел на обсуждение происшедшего с жильцами близлежащих к территории магазина и его складов домов.

Перед сном все занялись своими повседневными делами.

Манана Георгиевна завозилась на кухне. Эка углубилась в чтение теологической литературы, Натали просматривала списки и таблицы, прихваченные с работы.

Мамия Сергеевич кемарил перед телевизором, дожидаясь ночных, двенадцатичасовых новостей, после которых и он последним направился в спальню.

Его негромкий разговор с уже засыпающей женой вдруг перебилась странным щебетом. Он прислушался, но сон властно завладевал им. Щебет повторился.

- Кто это, мать, щебечет здесь? Уж не ты ли? - спросонья пробормотал Мамия Сергеевич.

Щебет не прекращался.

Он откинул одеяло с лица жены. Удивился:

- Ты чему улыбаешься?

Щебет усилился.

- Не ты, стало быть!- изумленно воскликнул он, прислушался, посмотрел в сторону, с которой, показалось ему, доносились звуки.

- Чижик,- спросил попугая, купленного на птичьем базаре,- что ты тут делаешь?

- Девочки от него отказались,- пояснила Манана Георгиевна.

- Почему?- поинтересовался Мамия Сергеевич.

- Говорят, что он подглядывает, когда они переодеваются, и им неловко.

- Это еще что за чушь?

- Да, представь себе, нужно купить ему подружку.

- Подружку! Подружку!- подхватил попугай.

- Прямо как в фильме «Амаркорд», подумать только, а?- изумился Мамия Сергеевич.- А я-то причем?

- Чижик, заткнись, ты сам не знаешь, чего просишь. С ними столько хлопот и мороки, что потеряешь покой, самое драгоценное, что у нас есть.

Манана Георгиевна едва сдерживала смех.

- Давай я вынесу его в гостиную или на кухню,- предложил Мамия Сергеевич.

- Бесплезно, будет еще хуже, он не переносит одиночества.

- А здесь он, по-твоему, подглядывать не будет?

- Не буду, не буду,- жалобно обещал попугайчик.

- Ладно, укрой его вон тем большим полотенцем,- согласилась Манана Георгиевна.

Накрыв клетку, Мамия Сергеевич прямо-таки рухнул на кровать и мгновенно захрапел. Сквозь сон ему слышалась мольба:

- Откройте меня, я никому ничего не расскажу.

VI

«...не бедных ли мира избрал Бог...»

(Иак.,2,5)

Небольшая стальная тележка с решетчатыми стенками с грохотом и со скрипом катилась по дворовому асфальтовому покрытию, выбивая ударами стекла о стекло своеобразную мелодию.

- Принимаем бутылки и другую стеклотару,- выкрикнул извозчик тележки несколько раз.

«Надо будет смазать колесики,- подумал он.- Эх,- досадовал,- на что променял свою легковушку. А что было делать» Как заработать, пусть копейки, но свои. По крайней мере это лучше, чем воровать, спекулировать, или, не дай Бог, ковыряться в мусорных баках. Ведь нынче на что только не согласишься. Интересно, до каких пор будет продолжаться эта поляризация общества» Очевидно, до некоего взрыва. Впрочем, сказано, что долготерпение - мать всех благ. И, кроме того, Господь обычно не посылает своим рабам опасного для человека богатства. Но свой кусок хлеба надо-таки зарабатывать?.

- Почем принимаете стеклотару»- послышался женский голос с балкона.

- За половину цены в пунктах приема!- поднял он взгляд.

- Ишь ты, какой умный!- возмутилась женщина.- Много ли таких умников, как ты, у твоего отца?

- Таких, как я, нет, я один у него,- ответил парень вполголоса.

- Ну, ладно, так и быть, спущусь уж, раз вы такой откровенный,- разжалобилась женщина,- подождите немного.

Парень подкатил свою «тачку» к деревянной скамейке посреди двора, опустился на нее, нашарил в кармане помятую пачку «Астры», расправил и, вогнав сигарету в небольшой мундштук, обнаружил, что ему нечем прикурить.

С незажженной сигаретой в мундштуке он наклонился вперед и взгляделся в свои башмаки, которые держались на ногах буквально «на честном слове».

«С первой же полочки куплю новые».

Подоспела со стеклотарой в целлофановых кульках и женщина с балкона.

- Вот прими, что сможешь, остальные заберу обратно,- поставила она кульки на скамью.

Парень уткнулся в них носом и принялся извлекать одну за другой бутылки и банки.

- Ну, и сколько же там накрутило»- любопытствовала женщина.

- Сейчас,- достал парень из кармана сорочки микрокалькулятор.

- Так, значит, бутылок было столько... банок столько... Всего вам полагается девяносто пять копеек, но я дам вам рубль, потому что вы мне как человек очень понравились.

- Что вы говорите? Спасибо вам за столь прекрасный утренний комплимент,- заулыбалась женщина,- сейчас это такая редкость.

- Да, сегодня многое из прежнего обихода уходит в книгу редкостей,- согласился сборщик бутылок, протягивая женщине истрепанный рубль.

- Не говорите,- согласилась та,- люди на людей не похожи! Одичали и озверели! Мастера обругать и «облаять» ближнего, а вот сказать доброе словечко... Скажите, пожалуйста, а разбитые стекла вы не принимаете?

- Нет, госпожа, только стеклотару!

- Жаль, у меня столько набралось. Дети такие безжалостные пошли, бьют беспощадно, а выйдешь их выбрать или сделать замечание, тут как тут появляются родители и горой за них. Интересно, как только узнают так моментально?

- Дети сейчас тоже испортились, госпожа,- констатировал сборщик,- смотреть за ними и воспитывать некому.

- Их духовное воспитание - бесконечная игра в футбол. Ну, это еще хоть какая-то польза для них. Ну, а карты, джокер? Что это дает? И как не устают от одного и того же каждый день, просто диву даешься!?! А мат, нецензурщина?!

- А что им еще делать, если делать нечего?

- Как это нечего? Оглянитесь! Кругом разруха и запустение.

- Так на это же деньги нужны.

- Не думаю,- подняла вверх ладонь женщина, не одними все делается деньгами. А доброе дело, доброе слово и добрая душа? Они порой делают больше, чем деньги.

Разговор, наверное, продлился бы еще, если бы, к счастью, не появилась молочница, котрая и увела свою покупательницу.

Нужна мне ее пустая демагогия!?!- пробормотал под нос себе сборщик.

- Вы бы не могли скинуть мне спички из окна, когда подниметесь домой?- попросил он женщину.

Та обернулась на полпути к молочнице и изумленно посмотрела на сборщика.

- Хорошо,- согласилась после недолгой паузы,- только вот управлюсь с мацони.1

- Спасибо,- поблагодарил сборщик и, вернувшись к скамейке, возобновил свои выкрики:

- Принимаем пустые бутылки и другую стеклотару!

- Лия, где стеклотара? Ведь ее у нас много скопилось?

- Отстань, Рамаз, дай поспать!

- Ну, скажи, куда ты положила сумки, и спи себе на здоровье.

- Отстань, поищи сам.

- Что это ты брыкаешься, интересно знать?

- Ты всю ночь прохрапел, а я не спала ни минуты.

- А кто тебе мешал?

- Не мешал, а просто не помог мне в том, о чем я тебя попросила.

- Да, но я и не отказывался.

- Не отказывался, но брякнулся и уснул. Отстань, тебе говорят!

- Если ты сейчас же не перестанешь брыкаться, я свяжу тебе ноги.

- Рамаз, ты человек или не человек? Дай хоть немного еще поспать, пока дети не проснулись.

- А-а! А когда ты надо мной издеваешься по утрам, хорошо?

- Хватит тебе!

- Или ты, или стеклотара, выбирай!- поставил Рамаз ультиматум.

- Уйди от меня, там она, там, в чулане,- отбрехала наконец от него Лия.

«Никогда, никакому мужчине не пожелаю жениться на «лошади» по гороскопу»,- думал Рамаз, вставая и направляясь к чулану. Но тут на него с лаем бросилась Жучка.

- Лия, убери сейчас же от меня это животное, иначе я за себя не ручаюсь.

- У-уф, не дает, ну, не дает поспать! Жучка, иди ко мне!

Жучка, огрызаясь и облаивая Рамаза, побежала к Лие и залезла под ее кровать.

Уже когда он с сумками выходил за дверь, донеслись зовущие голоса проснувшихся детей.

«Бедняжка Лия,- сетовал на себя Рамаз,- не дал ей доспать, хотя какая разница, все равно спустя несколько минут разбудили дети»,- немного погодя утешился он.

- Не очень-то спешите сдавать стеклотару, Рамаз Михайлович, если у вас ее много,- посоветовал женский голос,- он у меня принял всего-то за полцены.

- Мне все равно, Роза Григорьевна, хочу от нее поскорее избавиться. И, кроме того, помните советскую поговорку:»Копейка рубль бережет»?

- А как же, конечно, помню. Я вот на этот рубль сегодня две банки мацони купила. А вообще удивительно, страна рухнула давно, а ее лозунги живы.

- Ну, идите, ладно, только прошу вас, отдайте ему эти спички,- протянула она соседу коробок.

- Что-то давненько я вас не видела, Рамаз Михайлович?- посетовала Роза Григорьевна довольному от того, что освободился от стеклотары, соседу,- уж не случилось ли с вами что?

«Откуда она знает»- подумал с удивлением Рамаз.- Ясновидящая, что ли?»

- Да, есть небольшие проблемы со здоровьем,- согласился с ней Рамаз.

- Что вы говорите? Рамаз Михайлович, вам нужно поехать куда-нибудь отдохнуть. Хоть ненадолго!

- О чем вы говорите? Это с моей-то семьей?

- А ничего! Семья как-нибудь перетерпит, вы ведь в конце концов, нужны ей целым и невредимым.

- Да если я об этом скажу Лие, она в обморок упадет.

- Найдется кто... пусть, скажем, ваши родственники немного помогут...

- Да, я вот уже наверное, лет пятнадцать, не выезжал никуда отдыхать, если не считать свадебного путешествия.

- Вот видите, свадебное свадебным, а холостое – холостым?

- На что вы намекаете?

- На то! Недавно вычитала, что в человеке необходимо поддерживать баланс положительных и отрицательных эмоций. И как только наступает дисбаланс, сразу начинают вылезать его болячки, если совсем не разболеется, не дай Бог, чтобы серьезно,- попыталась поправиться соседка.

«Надо же, какая умная»?- удивился про себя Рамаз.

- Рамаз, сходи, пожалуйста, за хлебом, а то не хватит на утро,- попросил голос Лии с верхней площадки,- деньги брошу тебе из окна.

- Не надо, хватит того, что выручу, а вот сумочку брось,- согласился Рамаз с облегчением, мысленно поблагодарив жену за вызволение из общества соседки.

- Ну, ладно, Рамаз Михайлович, идите, не буду вас больше задерживать,- согласилась и сама Роза Григорьевна,- только вот вы мне еще скажите, комары вас не одолевают?

- Да нет вроде,- удивленно ответил Рамаз.

- Ой, что вы говорите? А меня прямо заели, сволочи,- пожаловалась Роза Григорьевна,- и вообще многие жалуются. Странно, что вас не беспокоят.

- Вас беспокоят потому, что вы у нас самая сладкая в подъезде,- сделал комплимент Рамаз.

- Да прямо уж,- отмахнулась Роза Григорьевна,- знаете, они в этом году здоровенные, как никогда. Видно, новая порода. Убивать надо только на лету, а если сядут, бьешь их, бьешь, и никакого толку!

- Ну-у!- удивился Рамаз.- Вот гады!

- Да... еще какие,- согласилась Роза Григорьевна,- сюда приходили даже из санэпидемстанции, обследовали весь наш дом!

- Ну, и?

- Определили, что в том, последнем подъезде в подвале скопилась вода. Пока не выкачают, ничего не получится.

- Ну, ладно, Роза Григорьевна, уж такие они, не хотят, чтоб получилось. А я побежал, не то Лия заждалась.

- Ну, с миром, пойду к себе читать!

- Читать! А что вы читаете, Роза Григорьевна?- Рамаз был заинтригован.- Надо же, читает!

Роза Григорьевна огляделась по сторонам:

- Никому не скажете? Обещаете?

- Обещаю!

- Не то скажут, что Роза Григорьевна из ума выжила.

- Да кто же такое посмеет, Роза Григорьевна?

- Тс-с,- понизила она голос,- Эммануила Канта, «Философию познания».

-Ну?! Вот это да! Молодец, Роза Григорьевна, ей-Богу!

- Да, представьте себе,- полупрошепотом пояснила соседка,- очень интересная книга. Если хотите, одолжу, когда кончу.

- Нет, Роза Григорьевна, спасибо, у меня времени нет на чтение. Лучше вы потом, как-нибудь, при случае, коротко расскажите мне содержание.

- Ага, приходите как-нибудь на чай, расскажу. Только это, конечно же, не будет иметь такого эффекта, как если бы прочли сами.

- Да, но...

-Знаю, это беда наша сегодняшняя. Люди перестали читать вовсе или читают очень мало. Да и зачем, когда могут получить все на блюде с телевизора, радио, проигрывателя... А какие сейчас программы по целым суткам показывают, никто не задумывается. Развращают общество и, главное, молодежь, всякими сериалами, которые отупляют, подталкивают к греховным мыслям и поступкам. Но ведь все в конечном итоге приходит и приводит к итогу. И это рано или поздно обернется бумерангом для общества.

- А что вы предлагаете?

- Отказаться от таких передач. Телевидению стоит контролировать то, что через него проходит.

- Вы что, за цензуру ратуете, Роза Григорьевна» Да что вы! Контролировать такой поток продукции! И своей, и входящей из-за границы! К тому же, все это можно получить по видеоманитовону, индивидуальному, собственному, что сейчас вовсе модно. И вообще по интернету...

- Э, нет, Рамаз Михайлович, вот тут вы не правы. Если телевидение государственное, то должно заботиться о чистоте и здоровье нации. А если сам с собою расправится отдельно взятый человек, это его забота и горе.

- Но ведь чужого горя не бывает?

- То-то и оно! Потому и необходима правильная государственная линия убеждения народа и нации от всякой скверны. И вообще, я поражаюсь, зачем нам давать развращать себя, вместо того, чтоб возвращать других к истокам человеческих ценностей, чистоте, порядочности, целомудрию... Они тянут нас в омут, а мы поддаемся, а не сами стараемся вытягивать их из омута. В конце концов не все же деньги решают, а лишние так вообще развращают.

- Порадую вас, Роза Григорьевна. Сейчас в этом направлении большую работу ведет церковь. Сказано, где грех прибывает, пусть там и благодати прибавится. Молодежь и вообще многие потянулись, конечно, к церкви. Но только ее усилий недостаточно.

- Ну, ладно, Роза Григорьевна, я побежал.

- Ага, ладно, идите с миром, и осторожно переходите улицу.

- Рамаз, ну, где же ты столько времени!- возмущалась в окно Лия,- дети ждут голодные, а ты лясы точишь? О чем, интересно?!- полетела вниз, к нему сумка.

Рамаз бежал в супер-шоп и с ужасом припоминал давешний разговор.

«Вот так,- подумал он,- всю жизнь трудись, мучайся ради детей, расти их, заботься, воспитывай, а где какая их настигнет коса, неизвестно. В такой стране становится страшно жить. А где лучше? Везде одинаково плохо. Господи, избавь нас от развращения и гибели, и от напастей врага спасения человечества. Надо будет сегодня сходить в церковь, помолиться, поставить свечи. Кто-то из знакомых говорил,- попытался он вспомнить,- что дьявол, аки лев рыкающий, ищет, кого проглотить из разинь. Боязно очень!»

Уже во дворе на глаза ему попала еще одна передвижная тачка, хозяева продавали с нее уложенные рядками в мешках лук, картошку, баклажаны.

Нагруженный покупками, Рамаз впопыхах попросил Лию поскорее отпустить его на работу.

- Меньше надо было болтать с Розочкой,- съязвила Лия, уже замотанная утренней возней с детьми и кухней,- и что за разговорчики у вас с ней такие?

- Да перестань, Лия, она же пожилая.

- Но женщина, и к тому же овдовевшая!

- Ай, да ну тебя!

- Хоть Жучку покорми.

- А выгуливать кто ее будет?

Жучка просительно повиливала своим небольшим хвостиком.

- Ах, ты, хитрушка!- погрозил ей пальцем Рамаз.

- Еще нужно забрать и отнести сумку, которую я приготовила и поставила в передней.

- Что это еще?

- Как, ты не знаешь? То, что я вчера весь день готовила для твоего отца.

- Оставь, Лия, не на работу же мне ее тащить?

- А что? Она не очень тяжелая, маршруткой туда и маршруткой к дому Нино, без всяких пересадок.

- Нино, наверное, тоже наготовила. Думаю, это будет излишним.

- А что же делать с этим? Не выкидывать же за окно. Надо было хотя бы вчера предупредить.

- Оставим себе. Нас самих мало, что ли?

- Нет, Рамаз, все-таки отнеси. Михаил Давидович обрадуется, в конце концов внимание стоит немало.

- Ладно, ладно, с тобой спорить бесполезно. А вы не собираетесь к Нино»

- А дети?

- Ну, приеду заберу вас, заодно и таскаться с сумкой не придется.

- Да что ты, Рамаз, куда с таким колхозом?

- Отцу будет приятно всех видеть.

- Знаю! Но сегодня не могу. Выдохлась я, Рамаз, совсем выбилась из сил. Ты что, думаешь, я железная? Да?

- Ну, ну... успокойся, ладно, пусть будет, как ты хочешь,- легонько приобнял и похлопал Лию по плечу Рамаз.

- Ты совсем не хочешь мне помочь!- растрогалась и тут же расплакалась Лия.

- Ну, почему же? Я же делаю, что могу!

- Что могу! Этого недостаточно. Нужно то, что нужно,- пояснила Лия, смахивая слезы.- Хотел много детей, много детей! А что им много нужно, об этом не думал?

- Ладно, Лия, не будем ссориться?!- предложил Рамаз, в глубине души удивляясь женской логике.

- Мойте руки и завтракать!- крикнула Лия детям.- И ты все же перекуси. Успеешь!

Рамаз считал, что завтрак человеку следует прежде заработать, а уж потом есть. К тому же после утренней еды он чувствовал себя вялым, порой даже на работе клонило ко сну. А не позавтракав, бодрым, куда более шустрым и работоспособным. Впрочем, когда как, не всегда одинаково.

VII

Темно-зеленая легковушка «Нива», вынырнув из-под моста, повернула вправо и по некрутому и не длинному подъему взлетела на ведущую к аэропорту автостраду.

Салонный радиоприемник озвучивал популярную радиопередачу. Друг дружку сменяли эстрадные свои и зарубежные песни, перемежавшиеся сводками новостей.

- Рубен, переключи, ради Бога,- попросил водителя сидящий с ним рядом,- не выношу этих шуточек!

- Да что вы, Авто Михайлович!- удивился Рубен.- Они ведь здорово ведут программу!

- Переключи, переключи,- настоял Авто,- и прибавь газу, не то опоздаем.

Водитель не возражал.

Вскоре их нагнала иномарка темного цвета и торчащая из нее рука сделала им при обгоне знак остановиться на обочине.

- Кто такие?- вскинулся Рубен.- Что им надо?

- Останови у бордюра,- улыбнулся Авто.

- Да?- запротестовал Рубен.- А если это рекетиры!

Заминка не осталась незамеченной преследователями.

- Останови,- настоял Авто.

Трое вышедших из иномарки молодых мужчин в штатском попросили предъявить документы.

- «Bird life», значит. Раз птичья жизнь, то и летаете, как птицы, да?- спросил у Авто один их троих.- Хорошо быть на птичьих правах!

- Извини, брат, очень спешим в аэропорт,- оправдался Авто,- гостей встречаем.

- Так, так! А ну-ка пройдемте со мной в машину.

Второй уже проверял в иномарке документы яростно пререкающегося с ним Рубена.

- Водитель говорит, что они едут в аэропорт встречать из Стокгольма какой-то груз,- пояснил допрашивавший Рубена.

- Так груз вы едете встречать или гостей, наконец!- настырно домогался допрашивавший Авто.

«Вот болтун, а»- подумал Авто про Рубена.- Кто его за язык тянул? Теперь уж и смысла нет закираться?.

- И то, и другое,- пояснил Авто допрашивавшему.

- Смотри, ловко выкрутился,- изумился тот, торопливо листая документы Авто.- А что за груз? - поинтересовался немного погодя.

- Спецгруз, высланный нам организацией «Гринпис» для смешанной экспедиции по маршруту нефтепровода «Баку-Джейхан». Понятно? На той части территории, которая проходит по нашей стране,- дал избыточное пояснение Авто.

- А кто курирует вашу работу, и кто вы по профессии?

- Там разве не написано? Орнитолог. Занимаюсь перелетными птицами. А работу курирует один из академических институтов. По соответствующему гранту.

- А-а... по гранту? Понятно, понятно...

- А кто вы, собственно говоря, сами?!- поинтересовался теперь уже Авто.

Допрашивающий предъявил Авто свое удостоверение.

- Понятно,- успокоился Авто,- но в чем же мы провинились?

- Ни в чем. Просто оперативный рейд, текущая проверка документов.

- У нас все документы в порядке,- убежденно воскликнул Авто, зашарил в своей тоненькой черной папке и вытянул из нее очередную нетолстую кипу документов.

- А водитель? С вами? Или вы его наняли как такси?

- Со мной,- удивленно ответил Авто,- он один из сильнейших териологов страны.

- Да? А что это такое?!- поинтересовался допрашивающий.

- Занимается мелкими грызунами.

- Но вы же сказали, что вы орнитологи и занимаетесь перелетными птицами»

- Это я орнитолог, а Рубен - териолог.

- Его зовут Рубен?

- Да, а что?! Послушайте, я вас очень прошу, мы никакие не грабители-нарушители, мы очень спешим по делу в аэропорт. Наш самолет уже давно прилетел, и с нашим спецгрузом без присмотра может произойти все, что угодно, и вы будете нести за это ответственность перед нашим руководством, директором института, которому я обязан доложить о случившемся, если вы нас вовремя не отпустите.

- Вашего директора и начальства никто не боится, и с вашим грузом тоже ничего не случится. Подождут вас немного...

- А чем занимаются териологи?- продолжались вопросы.

- Мелкими хищниками. А что?- насторожился Авто.- «Поди объясняй им...»- подумал про себя.

- А какая между вами связь?

- Самая прямая и тесная. Птицы питаются грызунами.

- А грызуны?

- Еще более мелкими грызунами!

- То есть птицы таскают то, что и грызуны? И их самих тоже?

- Ну, если хотите, можете понимать и так. А что?

- Так, понятно. Вам придется проехать с нами в отделение.

- Что за новости?- возмутился Авто.

- Уверяю вас, это не надолго.

Сопротивляться было бессмысленно, и Авто с Рубеном последовали за иномаркой.

Потеряв пару часов на проезд в отделение и обратно и на выяснение отношений, они добрались-таки до аэропорта и подрулили к багажному отделению аэровокзала, где их уже ждали два сотрудника института.

- Вон Тамила уже заждалась нас, наверно,- показал Рубен рукой на сконструированный по современным международным стандартам новый корпус аэропорта.- Какие у нее все же стройные ножки! А, Михайлович?

- Рубен, прекрати,- потребовал Авто,- какое сейчас время!

- А что, в самый раз! Она только летом так оголяется, в другое время года такой ее не увидишь. Почему я женат?- шутливо раздосадовался Рубен.

- Не то что бы?- подхватил его тон Авто.

- А то начал бы к ней подъезжать.

- Так она же замужем и с ребенком.

- Уже разошлась!

- Когда?

- Недавно. А вы что, разве не знаете?

- Нет, откуда же мне знать,- оправдался Авто,- если я никого об этом не спрашиваю и никто сам мне об этом ничего не говорит. Так что же, получается, уже во второй раз?

- Да,- подтвердил Рубен,- не везет девке, вот и все! Куколка куколкой, а характер, говорят, неуживчивый, очень уж строптивая!

- Так зачем же тебе такая?

- Да я бы ужился!

Самоуверенный какой?,- подумал Авто.

- Авто, они арестовали наш груз! За недостаточностью приемных документов,- бросилась к ним с жалобами худющая молодая женщина среднего роста, в коротком цветном ситцевом платье.

- Сейчас разберемся, Тамила! Успокойся и не нервничай,- отозвался ей Авто.- А где Гела?

- Он у замначальника аэропорта. Добивается ослабления штрафных санкций на груз.

Арестованный груз был перенесен в специальное помещение, и Гела крутился у его дверей, не упуская из виду коробок.

- Михайлович, здравствуйте,- радостно поздоровался он, - видите, что вытворяют? Тамила рассказала вам? Моих доводов и документов оказалось недостаточно, не то груз давно был бы уже в институте, и вас бы не беспокоили. Тем более, что с вами что-то вроде стряслось?!

- Ну, почему же,- возразил Авто,- я ведь Тамиле по мобильнику сообщил, чтоб вы меня здесь и дождались.

- Да, но... все-таки. Время ведь тоже деньги,- настаивал Гела.

- Подожди здесь,- попросил Авто,- я зайду один к начальнику аэровокзала и все ему объясню. И документы необходимые предъявлю. Рубен, ты тоже останься...

- Зачем, Михайлович! Что, я мешаю вам? Негр, что ли?- запротестовал Рубен.

- Я же просил тебя на море не загорать,- внимательно пригляделся к нему Авто.

Тамила, едва сдерживая смех, переглянулась с улыбающимся Гелой.

- Ва, «эс инч балика»¹ ,- обиженно протянул Рубен,- вы же знаете, Михайлович, что я такие штучки «чем сирум»² .

- Рубен, я шучу,- успокоил его Авто,- просто, чем меньше народу объясняется у начальника, тем лучше. Поверь мне.

- Как хотите, Михайлович,- согласился Рубен,- но я не виноват. Да и эти менты! Как себя нагло вели, элиЗ .

Пока Авто объяснялся с начальством, Рубен покурил у наружного входа в здание сигарету и что-то недовольно бубнил себе под нос.

Тамила и Гела поджидали его в роскошно отремонтированном иностранцами зале главного городского аэровокзала.

Наконец улыбающийся Авто вышел из кабинета вместе с начальником аэровокзала, и они вместе направились в соседнее крыло.

Тамила и Рубен двинулись за ними.

- Где Гела?- спросил Авто, полуобернувшись.

- Пошел в туалет, Михайлович.- процедил сквозь зубы Рубен.

- Вечно у него все не вовремя!

- Он слишком долго ждал и терпел,- улыбнулась Тамила.

- Так, Рубен, быстро на стоянку, найми небольшой грузовичок и подгони его поближе к багажному отделению,- распорядился Авто.- А ты, Тамила, выволоки Гелу, и быстро с грузчиками туда же!

- Угу!- кивнула головой Тамила и обернулась назад.

Рубен уже направился к выходу.

Через час темно-зеленая «Нива» прокладывала путь следовавшему в нескольких метрах позади нее грузовичку с несколькими, побольше и поменьше дощатыми ящичками груза в кузове.

В кабине грузовичка сидел Гела. Тамила перебралась в машину Рубена.

У оживленного участка трассы их нагнала знакомая иномарка и некоторое время шла рядом, борт к борту.

Пассажиры ее приглядывались к ним - то к Тамиле, то к Рубену.

- Они надо мной кайфуют, Михайлович, я их...- бранился Рубен по-армянски.

- Да нет,- пояснил Авто,- они не над тобой кайфуют, а засматриваются на Тамилочку.

Тамила с любопытством поглядывала по сторонам.

Авто подтянулся вперед, в сторону иномарки, и даже помахал рукой, после чего иномарка прибавила скорости, обошла их, а вскоре и вовсе скрылась из виду...

Авто, уже из машины Рубена, передал по мобильнику Эрику, своему новому другу из Стокгольма, с которым познакомился недавно, на всемирной конференции орнитологов в Барселоне, благодарность за присланный столь необходимый им спецгруз, без которого могла сорваться предстоящая смешанная экспедиция и исполнение в срок важного гранта.

- Останови у подземного перехода,- попросил он, закончив,- спущусь в метро. Ну, надеюсь, довезете груз в целости и сохранности.

- Как? Вы не поедете с нами в институт?- удивилась Тамила.

- Нет, Тамилочка! К сожалению, не могу,- извинился Авто,- сегодня юбилей моего отца. Собираемся у сестры. Рубен знает и все расскажет.

- Тогда я пересяду вперед,- с детской радостью воскликнула Тамила.

- Рубен, Тамилочка,- попросил Авто,- распаковывайте, пожалуйста, очень осторожно и сверьте их опись с нашей. Все необходимые документы у меня в папке. Смотрите не потеряйте! Потом, Рубен, положи ее мне на стол. Найдите ребят, они помогут таскать.

- Ну, как, я могу на вас рассчитывать?- воскликнул он всердцах, заметив, как взгляд Рубена то и дело убегает от него к полуобнаженным выше колен стройным ножкам сидящей рядом с ним Тамилы.

- Рубен, смотри у меня!- предупредил он.- Я потом позвоню.

Рубен грустно кивнул головой.

- «Усе» будет в порядке, шеф! Сделаем, как вы прикажете.

Авто так и не понял по реакции Тамилы, уловила она намеки или нет, но на всякий случай решил предупредить и ее.

- Тамила, смотри, держись от него подальше!

На что та ответила смешком.

Авто захлопнул дверь отъезжающей «Нивы» Рубена, и, еще немного постояв и подождав грузовичок с грузом, жестами показал сидящему рядом с водителем Геле на часах, когда ему следует позвонить по телефону.

Гела согласно, но не без удивления кивнул.

Неторопливо спустившись в подземный переход, Авто повернул и слился с движущимся в метро потоком мимо многочисленных небольших доморощенных ларьков с разнообразными товарами.

«Тут и так всегда было тесно,- подумал он,- а еще эти ларьки! Прямо не пройти».

На перроне он ждал поезда долго, изредка оглядываясь по сторонам.

- Вот я тебя и подловил наконец!- воскликнул он вдруг в упор, сбоку подходя к стоявшей неподалеку глубоко задумавшейся женщине лет сорока.

- Авто?! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами? Как здесь оказался?

- Привет, Лизико! Привет, моя милая Лиза,- расцеловался с ней Авто.

В ожидании поезда они тепло обменялись любезностями, обычными между давними одноклассниками, не видевшими друг друга несколько долгих лет. Прошлись по всем своим одноклассникам, помянули всех живых и погибших, узнали друг от друга немало нового о личных планах, успехах в жизни.

Лизико жаловалась:

- Не одну работу пришлось сменить. Вначале принимают с большой радостью, вежливо, обходятся с уважением, а потом начинают посматривать косо.

- Отчего это, Лиза?- полюбопытствовал Авто.

- Ну, как отчего, если рядом работает гинеколог, взимающий за аборты по сто-сто пятьдесят ларей, а я делаю их за тридцать-сорок. Клиентки, естественно, бегут от него ко мне... отсюда и начинаются все неприятности.

- Фу-у,- протянул Авто, призадумавшись, хотел было предложить ей вроде что-то дельное, но вовремя спохватился и перевел совет в иную плоскость:

- Вообще тебе надо завязывать с этим делом, Лиза. Это же преступление,- осторожно затащил он.

- А что же мне делать, как содержать семью. Столько операций подряд пришлось сделать сыну...

- Откажись. Пойди в церковь, попроси у Боженьки помощи и прощения. Он поможет поставить сына на ноги... Ну, а потом... у тебя ведь такая светлая голова, ты отлично разбираешься и в других областях медицины, хватит тебе и этого.

- Между прочим, я как-то говорила на эту тему с церковными людьми,- оправдывалась Лиза,- и они мне сказали, что это их не касается.

«Какую чушь она несет», - возмутился про себя Авто, осознавая всю тщетность своих побуждений, и, чтоб не сорваться и не нарушить отношений, переключился на новые вопросы.

- Ну, и много у тебя клиентов за прием накапливается? То есть, пардон, клиенток.

- Много, среди них бывают и клиенты.

- Что?.. - полезли у Авто глаза на лоб. «Вот этого-то нам как раз и не хватало».

- Да, да,- подтвердила Лиза,- ну, приходят за консультацией мужа, отцы или сыновья, если их жены, дочери или матери болеют или чего-то стесняются. А у нас в поликлинике был еще такой случай. Сын восьмидесятилетней больной то и дело таскал ее мочу на анализ, и так как она была старая железнодорожница и проходила по первой категории заболеваний, то ей полагалось анализы делать бесплатно.

Раз как-то понадобился анализ и ему, он решил «под шумок» воспользоваться льготами своей матери.

Девчата из лаборатории диву давались, что в ее годы и при ее болезнях в моче обнаруживались сперматозоиды.

Авто рассмеялся так громко, что обратил на себя внимание поджидающих поезда.

Улыбалась и Лиза.

- А вообще, конечно, свое профессиональное дело приходится делать не без душевной боли, глядя на молоденьких девушек, а порой даже и подростков,- вздохнула Лизико.

- А идут как бы ни в чем не бывало... с такой легкостью и простотой, будто зуб вырывать, а то еще что полегче. Причем как один раз проторят дорожку, так потом и зачестят. Помню, пожилой мужчина привел девчонку-школьницу сам, а потом она так освоилась, что...

- Но ведь это же уголовное преступление,- взорвался Авто.

- Ах, оставь, пожалуйста, кто сейчас помнит об этом...

Разговор продолжался и в поезде, хоть и с меньшей живостью, вплоть до станции, на которой они распрощались и разошлись.

Авто, задумавшись, шел по главной площади города, у мерики завернул направо и пошел вверх по подъему.

На противоположной стороне улицы заметил свою давнюю знакомую, женщину лет под сорок, прогуливающуюся с белым пуделем на поводке.

- Привет, Барбара,- перебежал он мостовую.

- Привет,- ласково расцеловались они в щечки.

- Что делаешь?

- Гуляю с собачкой, как видишь. Ну, где ты, как? Потерялся совсем, нигде не показываешься.

- Да вот, все дела и дела,- попытался отговориться Авто.

- Не женился, случайно?

- Да нет...

- А чего?

- Времени нет. А ты замуж не вышла?

- Тоже нет.

- А ты-то чего? Какая хорошая девка, и пропадаешь даром.

- Это для тебя, может быть, хорошая, а ты других спроси.

Припомнили давних общих знакомых.

Барбара пыталась поймать его взгляд, а то и мысль, а Авто удачно и предусмотрительно отворачивался.

Их вроде тянуло друг к дружке, но Авто считал, что сделать из этого вывод им следовало лет пятнадцать тому назад, когда она ошиблась в выборе и, как говорится, не на него поставила. Повториться все может лет эдак через те же пятнадцать, но уж никак не сейчас.

«Интересная философия, а»- признался он в уме сам себе.- А сейчас у меня на уме другая?»

- Пройдемся немного?- предложила Барбара.

- У меня мало времени,- признался Авто, поглядывая на часы, но тем не менее в какой-то мере откликнулся и поддался.

Подошли к окну магазина с подоконником-прилавком, с которого торговали молочными продуктами.

- Почем сыр?- поинтересовалась Барбара.

Авто, наклонившись, знакомился с ее пуделем.

«Дама с собачкой... какие милые оба»,- пронеслось у него в сознании.

- Пошли,- вернулась Барбара от прилавка.

- А сыру не купим?

- Да нет... Он очень вкусный и дорогой. Мы дома съедаем его за один присест. Раз, и добились с братом и мамой. Ты бы хоть пригласил меня куда-нибудь.

- Ой, Барбара, я ведь сказал, времени ничего.

- Ну, не сейчас, когда время будет,- миролюбиво согласилась Барбара.- У тебя телефон прежний?

- Да,- солгал Авто.

- Ты не звонишь мне никогда, так хоть я буду иногда.

- Не надо, Барбара, прошу тебя, не утруждайся!

- Ты не хочешь, чтоб я тебе звонила?

- Мне некогда, занят по горло!

- Ну, ладно, как хочешь. Но если будет возможность, имей меня в виду... Может быть, учеников сумеешь прислать. Объявление в газету давать не хочу, чтоб не платить потом налогов. А так вот по знакомым... прошу...

- Ладно, буду иметь в виду,- согласился Авто.

- Тебе сейчас в какую сторону?

Авто указал взглядом.

- К кому идешь?

- К женщине.

- К какой, я там всех знаю?

«Ну, и назойливость»,- удивился про себя Авто.

Авто распрощался наконец с полуобидевшейся Барбарой. Не переставая возмущаться ее напористостью, вошел в здание драматического театра.

- Вам кого, молодой человек?- поинтересовался вахтер, худощавый старик лет восьмидесяти.

- Отара Парменовича,- растерянно ответил Авто, удивившийся возрасту вахтера. «Вот что нужда делает с человеком!»

- Позвоните ему по телефону, я без его разрешения никого пропускать в здание театра не имею права,- донеслось до него.

На звонок по номеру из списка на столе вахтера никто не ответил.

- Вышел, наверное...

- А может, и вовсе ушел?

- Не может быть, я бы видел! Правда, хоть у театра и есть запасной выход, но зачем ему им пользоваться, когда вот он главный, парадный. Неподалеку переговаривались несколько артистов.

- Вечером репетиция... Сказал, что будет присутствовать.

- В котором часу репетиция?- поинтересовался Авто.

- В семь, наверное.

- Нет, в семь я, к сожалению, не могу.

- Миша,- позвал собеседник,- на вечерней репетиции моей роли нет. Так что пойду в примерную, выпьем с ребятами. Если спросят, меня уже здесь нет.

- Понятно!

- А по какому вопросу он вам, собственно, нужен?- поинтересовался вахтер.

- Года два с лишним тому назад я предложил ему свою пьесу. После беседы с ним показывал не одному из ваших сценаристов. Им понравилось. Подправили, отшлифовали. Может, думаю, Отар Парменович все-таки поставит ее у себя в театре?

- Конечно же, скорее всего,- предположил вахтер,- чего не соглашаться, если сценаристы читали, шлифовали и одобрили.

«Если бы»?- подумал Авто,

- А как ваша пьеса называется?- любопытствовал вахтер.

«Какое это имеет значение»- с досадой подумал Авто, но вслух добавил,- «Соловьи монастырского сада».

- Хорошее название,- подумав, заметил вахтер.- Соловьи, соловьи, не пойте, не надо...- напел он почти грустно.

- Это почему же, отец?- поинтересовался Авто.

- Да есть такая грустная песенка,- пояснил он,- соловьи, соловьи, не пойте больше, соловьи... детский лагерь Саласпилс, кто увидел, не забыл... Это про детский концентрационный лагерь, который существовал у фашистов в Прибалтике во время Великой Отечественной войны...

Вахтер задумался:

- Да, много тогда мы пережили... во время войны.

- Война задела и наше поколение,- добавил Авто.

- Так это что по сравнению с той! Хотя война, какой бы ни была, все равно война, с ее чудовищными правилами и законами. Не могут люди ужиться друг с другом... а почему?

- Эх, отец,- протянул Авто,- вся история человечества это история войн, а тем более в наше время, когда озлобление достигло такого предела... Вот я и решил написать пьесу про любовь.

- Про любовь... это хорошо,- согласился вахтер,- надо людям, а тем более молодому, подрастающему поколению, прививать это чувство, часто о нем напоминать...

Минут сорок Авто ждал, а потом безуспешно разыскивал Отара Парменовича, испарившегося в неизвестном направлении.

Убедившись в тщетности своих потуг, он в раздумьях покинул здание театра и направился в сторону кондитерской, где работала его давняя знакомая, в прошлом завуч средней школы, которую он когда-то кончал, а в старших классах принимал

активную деятельность в общественной жизни. Их класс очень сдружился с тогда молодой, только что присланной министерством просвещения учительницей.

Тогда дружили с ребятами из школ других городов. Ездили друг к другу целыми классами в гости. Класс Авто ездил на экскурсии, ходил в походы, и молодая завуч старалась ни в чем не ущемлять желаний и инициатив старшеклассников.

С тех пор минуло много лет. Авто давно не видел ее до недавнего времени, до того, как в один из прекрасных вечеров она не двинулась навстречу на одной из улиц и сама не напомнила о себе.

- Ты что же, не узнаешь старых знакомых?- удивляясь и улыбаясь, поинтересовалась она.

Авто узнал ее тогда с трудом.

Проговорили тогда не долго.

- Вон там, видишь,- указала она рукой,- у меня небольшая кондитерская под названием «Лео». Спроси, отыщи, заходи, когда будет время. Посидим, поболтаем.

Авто не мог не откликнуться, тем более, что сегодня ему это было необходимо.

В уютной кондитерской он сразу заметил знакомую фигуру за небольшим рабочим столом с симпатичным телефонным аппаратом и микрокалькулятором на гуде исчерченных и исписанных бумаг.

«Почти не изменилась,- отметил он про себя,- такая же миловидная, обаятельная, сияющая, разве что чуть-чуть. Как прекрасно, что времени подвластно все, кроме души человека,- задержался у входа, наблюдая за привычной жизнью кондитерской, Авто.- И такая же энергичная и, видимо, с огоньком. Эффектная женщина».

Встреча давних знакомых прошла на редкость тепло с объятиями и поцелуями.

- С кем это ты, Тинико?- полюбопытствовала молоденькая, пухленькая девушка-продавщица.

- Это мой ученик,- с радостью и гордостью сообщила Тинико,- Авто Чадунели, медалист нашей школы.

- Надо же, кто бы мог подумать,- вполголоса удивилась продавщица.

Тина усадила Авто за свой рабочий столик, рядом с собой, отложив в сторону микрокалькулятор и канцелярскую книгу с записями.

- Ну, рассказывай. Сколько лет, сколько зим!

Телефон не переставал трезвонить, она отвечала, звонила сама.

Поступали и передавались заказы на разнообразнейшую продукцию.

Тинико казалась классным дирижером, руководящим всей работой магазина.

- Вот так завуч!- с некоторой досадой заметил Авто.

- А что делать? Какова жизнь, таков и ритм!

- На рекет не напарываетесь? Никогда?

- О-о, об этом лучше не спрашивай! Было что-то страшное, но сейчас я всех окрестных поставила на место. Хоть ребята нет-нет, да время от времени наведываются, попрошайничают. Ну, представь себе, приезжает тип, под кайфом, на такси и просит меня угостить его тортом и пирожными.

- Ну, ничего! В меру отзывать все-таки можно!

- Но почему? Я ведь им объясняю, что с каждого кусочка мне достается от десяти до двадцати тетрей. Два-три таких угощения в день, и получится, что я работаю на них?! Но ведь у меня тоже семья! Вот еще случай. Прикатывает ко мне один бугай, меня, мол, послал твой зять, чтоб я забрал все, что пожелаю.

- Ну?- удивился Авто.

- А я ему говорю: здесь у зятя своего ничего нет, все заработано мной, а если он хочет тебе что-то подарить, то пусть дарит из своего дома.

Девушка-продавщица принесла и поставила немного пирожных и кофе.

- Какая разница, кто будет рекетировать, старые знакомые или новые незнакомцы? Что от этого меняется?- с улыбкой спросил Авто.

- Как тебе не стыдно!- последовали протестующий возглас и улыбка.

- Шучу, шучу!

Обменявшись еще несколькими фразами, Авто поднялся:

- Спешу! Сегодня справляем юбилей отцу. Мне пора. Если подберешь что-нибудь подходящее по этому поводу, буду признателен.

- А сколько ему исполнилось?

- Семьдесят пять...

- Ты смотри, какой молодец,- восхитилась Тинико,- сейчас это такая редкость!

- Потому и хочу преподнести что-нибудь экстравагантное.

Выбрали лучшее из имевшегося: трехэтажный торт, на который девушка-продавец нанесла через трубочку белым кремом число семьдесят пять.

- Это был заказ одного клиента, но мы ему сделаем чуть попозже другой. А этот возьми для отца и поздравь его и от меня. Может быть, вспомнит меня, пару раз вроде наведывался в школу. Я во всяком случае его запомнила.

- Спасибо. Но... заказ клиента...- замялся Авто.

- Ничего, ничего, нет проблем,- успокоила Тинико.

Распрощавшись, Авто, осторожно поддерживая снизу картонную коробку, направился вниз по спуску к площади. На перекрестках склонялись над букетами цветочницы. Авто подобрал самый, на его взгляд, лучший и, попросив у цветочницы немного подержать у себя его трехэтажный торт, вернулся в кондитерскую.

Пирожное, укладываемое в коробку очередному клиенту, дрогнуло:

- Мальчик мой!

Свежий букет до самого вечера будоражил в ней лучшие чувства и выжимал жаркие слезы.

VIII

Взгляд неторопливо скользил по линиям, тщательно и аккуратно проведенным черным карандашом по небольшим белым листам.

Просматривались мельчайшие подробности, нанесенные конструкторским графитом на ватман.

- Так, Сосо! Стало быть, мы остановились на том, что под фундамент реконструируемого здания толстой высокой бетонной стены заливать не будем. Ограничимся железобетонной подушкой под фундамент, с усилением из профилированных металлических кронштейнов, через определенный шаг. Так»

- Да, Нукри Карлович, думаю, так будет разумнее,- сразу согласился инженер-конструктор,- и материала строительного уйдет меньше, и нагрузка на ослабленный фундамент облегчится.

- И надстройку в один этаж, в самой аварийной части здания, тоже, как договорились, уберем, чтоб уменьшить давление на самые поврежденные части здания. Не так ли?

- Конечно,- подтвердил Сосо, мужчина среднего роста, лет сорока пяти, с обширными залысынами.

- Антисейсмические пояса из арматурных прутьев будем устанавливать двусторонними, по замкнутым контурам,- пояснил Нукри.

- Да, только в одной части здания линия у нас получается ломаной,- напомнил Сосо.

- Ничего, все равно выдержит. У нас по расходным спецификациям материалов перерасход металлов совсем небольшой. Но, может, уменьшим еще?

- Не стоит, Карлович, рисковать,- возразил Сосо,- здание старое, амортизированное, с массивными стенами, а землетрясения очередного можно ожидать в любое время. Ведь чем дальше от предыдущего, тем ближе последующее.

- Да, не говори! Даже самые незначительные из них по силе воздействия вызывают такой урон и такие повреждения, что здания, если и не разрушаются, то становятся абсолютно непригодными к эксплуатации. Восстанавливать и укреплять целесообразно не каждое, но и это обходится в копеечку.

- Вообще жилищный фонд очень обветшал. Новые частные строительства еще кое-где идут, но, увы, не решают проблемы обновления жилищного фонда в целом по городу и по стране.

- Да. И сами мы Бог знает как с ними обращаемся, да еще и землетрясения достают время от времени.

- Если бы только нас, Карлович! Трясет всю Европу и весь мир.

- Да уж, покоя нет, хотя по их милости работа прибавляется.

- А от чего все же они так участились в последнее время, а?

- А кто их знает. Знаешь ведь сам, сколько прогнозистов и научных сотрудников работает в этой области, но все равно никто не может с определенностью сказать, где, когда и с какой силой тряхнет. А отдельные успехи прогнозистов погоды не делают.

- Вот, Карлович, какая книжонка подвернулась мне под руку недавно,- полистал Сосо небольшую брошюру «Отчего происходят бедствия».

- Любопытно,- принял ее Нукри, обратил особое внимание на слова святого праведного Иоанна Кронштадского о том, что мир находится в состоянии дремоты, греховного сна. Господь-Бог будит его войнами, мировыми поветирями, пожарами, бурями, сокрушительными землетрясениями, наводнениями, неурожаями.

- Вот это да!- усомнился Нукри, перелистывая книгу и вырывая взглядом отдельные фразы о причинах ниспослаемых людям скорбей и страданий.

- Интересно! Не дашь ли почитать?

- Конечно,- сразу согласился Сосо.

- Я недавно наткнулся и на молитвы, предотвращающие землетрясения. Это вроде того, как отец одного моего знакомого как-то, еще в советское время проектировал автомашины для езды по бездорожью. Представляешь,- горько жаловался он,- вместо того чтоб заняться обустройством дорог, проектируют автомобили для бездорожья.

Сосо улыбнулся.

- Так и мы, вместо того, чтобы предотвращать землетрясения молитвами и праведной жизнью, боремся с их проявлениями и последствиями.

- Ну, как сказать. Но вообще я все чаще слышу, что мир стоит на молитвах праведных отцов, иначе бы от него уже ничего не осталось.

- А что там строители?- переключился на конкретику Нукри.

- Уже приступили к работе,- пояснил Сосо.

- Как? Без проекта?

- Я им предварительные чертежи отснял на ксероксе и разрешил начать подготовительную стадию.

- Мог бы и меня поставить в известность.

- Верней, они сами попросили, чтоб не терять времени зря. Кстати говоря, нас сегодня утром ждут на объекте.

- Ну, ладно, пусть начинают. Впрочем, можно и съездить,- согласился без лишних возражений Нукри.

Зазвонил мобильник.

- Да, Нино, что там у тебя?- узнал Нукри звонок.

- Может, пришлешь Шалву с машиной съездить на рынок?

- Шалвы сегодня нет на работе.

- Тогда, может, проскочим с тобой?- попросила Нино.

- Когда?

- Сейчас, если сможешь!

- Сейчас?- Нукри задумался.- Строители подождут пару часиков?- уточнил он у Сосо.

- Подождут...

- Ладно, съездим.

- А я дождусь вас здесь,- предложил Сосо.

- Да... и убери с чертежей все лишние размерные линии. Это все-таки конструкторский чертеж по укреплению и восстановлению аварийного здания, а не архитектурный нового. И штампы в нижних правых углах рамок подгони к нашим предыдущим проектам.

Несмотря на рабочий день, народу на центральном рынке толклось достаточно.

Нукри и Нино изворотливо пробирались сквозь ряды и проходы между прилавками.

Торговалась и покупала в основном Нино. Нукри на подхвате ждал ее с сумками и с любопытством озирался по сторонам.

Вот он устремил взор на высокое перекрытие здания, выполненное в балочно-ригельной системе, с опорой на высокие, массивные железобетонные колонны, перекрытые железобетонными плитами,

«Да,- невольно подумал он,- конечно же, это перекрытие куда проще того, что мы проектировали и ставили лет тридцать тому назад над Сухумским колхозным рынком, когда удалось при помощи железобетонных ферм и оболочки двоякой кривизны из сборных железобетонных плит охватить внутреннюю, значительную площадь - сорок два на сорок два метра.

- Как нелегко было построить это уникальное сооружение, и с какой легкостью оно было разрушено во время нашей братоубийственной войны,- огорчился и досадовал,- да-а, ломать и вправду не строить.

Тяжело видеть, когда рушатся оригинальные инженерные сооружения, но еще тяжелее нарушать добрые братские отношения между народами.

- Нукри, ты что? Паришь в облаках? Опустись на землю, и помоги мне,- позвала его Нино,- возьми этот кулечек, положи его в сумку... и посмотри, что там дальше по списку.

- Кукурузной муки надо купить,- напомнил Нукри.

Одна из торговок белоснежной мукой, словно угадав их намерение, призывно махнула им рукой.

- Погляди, тебе уже незнакомые машут,- рассмеялась Нино.

- Почему же незнакомые? Я ее прекрасно знаю, все время у нее покупаю!

- А я у другой парочки, мужа с женой, в следующем ряду. Но раз эта уже нас увидела, подойдем. Заодно и познакомимся.

Торговка между тем уже шла им навстречу с целлофановым кульком и совком ручной работы из полуторалитровой бутылочки от кока-колы. Но тут на нее, а заодно и на Нино с Нукри, откуда ни возьмись, налетел с нецензурной бранью продавец из соседнего ряда, о котором говорила Нино.

- Это что же ты делаешь, а? Бессовестная, наглая!- орал он.- Как ты смеешь переманивать наших клиентов, будто бы у тебя своих недостаточно!

Торговка застыла на месте, Нукри и Нино недоуменно переглядывались.

- А что, нам надо брать у вас разрешение?- пролепетала Нино.

- Некрасиво так поступать, гражданочка! Вы же всегда берете у нас. А что же сейчас?- надрывался пылкий, худощавый, но круглолицый торговец.- Мы, что же, обидели вас или что? Может, некачественную муку подсунули?

- Нет,- удивленно отозвалась Нино.

- Вот видите! Так почему же...

«Деревня,- огорчалась Нино,- им что хочешь говори, они все равно про свое...»

- Нино, я сейчас этому наглomu типу покажу!- взорвался уже Нукри, грозя покидавшему их обидчику.

- Ладно, Нукри, успокойся! Знаешь ведь, какой нынче день, так что не будем понапрасну трепать себе нервы. К тому же, слабым умишком следует уступать. Пошли к нему, тут, видимо, тоже свои порядочки.

Нино вежливо извинилась перед торговкой, у которой только что собиралась купить муку, и оттащила мужа к продавцу-драчуну.

- Нет, нет, ради Бога, я ничего против не имею,- послушно согласилась торговка,- идите к нему, раз вы все время у них покупаете. Но вообще-то моя мука ничем не хуже... а, может быть, даже лучше. Спросите у своего мужа, он подтвердит.

- Знаю, Наргиза,- согласился Нукри,- знаю, но видишь сама... подчиняюсь жене только потому, чтоб у тебя впоследствии не было проблем.

- Ай, да я его не боюсь,- отозвалась Наргиза,- я тоже здесь не беспризорная, и за меня есть кому заступиться.

- Если хочешь, часть куплю у тебя, а за другой отправлю свою жену к нему,- предложил Нукри,- каждому свое,- прокралась ему на лицо улыбка.

- Ты еще глупей, чем тот псих,- остолбенела Нино,- а ну, скорей улепетывай отсюда.

- Идите, идите!- улыбаясь и отмахиваясь, бросала им вслед Наргиза.

- Приду в другой раз!- оглядывался по ходу Нукри.

- Этот твой колючий юмор не пройдет,- предупредила Нино,- я прекрасно знаю, что тебе нравятся молоденькие, а не старые клячи.

.....

- Салам алейкум, баджи1,- поздоровался Нукри, подходя к одному из прилавков с зеленью.- Вот пришли к тебе с моей ханумой2 .

- Ай, салам алейкум, кардаш3 . Где ты, почему так долго не приходил. Соскучилась уже. Какая у тебя красивая ханума. А как твои дети?

Нино с изумлением глядела на мужа. Нукри, едва сдерживая смех, продолжал расточать зеленщице милые комплименты.

- Ты что, знаком тут со всеми?- спросила Нино.

- Почти,- удовлетворенно отозвался Нукри,- а что тут такого? Зато они мне все со скидкой продают.

- Да, но зачем тебе эти знакомства?

- Сейчас увидишь! Почем у тебя сегодня зелень, баджи?- перебил Нукри инициативу закупки у Нино.

- Пучок пять копеек,- расплылась в улыбке баджи.

- Пять пучков - двадцать,- приторговался Нукри.

- Ай, какой джанджал¹ кардаш,- возразила баджи,- где ты видел здесь, и у кого такие цены? Ну, хорошо, для тебя пусть алал² будет.

Теперь уже Нино старалась не отстать от мужа, показать, что и она не лыком шита. Лихо выбирала и бросала мясо на весы у своего бывшего ученика по консерватории.

«Боже, какой ужас, после консерватории идти на базар мясником»,- содрогнулся Нукри.

- До недавнего времени он был дирижером небольшого ансамбля скрипачей,- сообщила между тем Нино.

«Откуда куда!- все больше пригорюнивался Нукри,- после дирижерской палочки топор рубщика».

- Что теперь? Сыр!- сверилась со списком Нино,- еще с одним моим учеником познакомлю тебя, на сей раз с арфистом.

- Нет,- вскрикнул Нукри,- довольно! Я больше не вынесу. Разбирайся со своими учениками сама.

- Чего не вынесешь?- спросила Нино.

- Тяжести больше,- спохватился Нукри,- видишь, сумки битком,- указал он взглядом.- Если покупок осталось немного, отнесу-ка я этот груз в машину и вернусь за тобой. Нино прошлась взглядом по своему списку, согласилась:

- Ладно, иди! Я сама докуплю остальное. Только машину подкати к нижнему входу.

- О кей!- обрадовался Нукри, рывком отбегая и уже на ходу бросая:-Сделаю все, как велено!

Выходя из верхнего, бокового входа, он уже порядком запыхался и вынужден был снизить взятую скорость. Из-под мышки у него торчал кошелек, в котором он держал деньги, документы, ключи. Заливающий лицо пот настоятельно требовал носового платка.

Нукри напрягся под грузом, с вождением взглядывал на ожидающий его жигуленок, собрался было ненадолго поставить сумки на землю, сделать передышку, но приближающаяся цель притягивала и манила. Остановку на полпути к машине все же пришлось сделать. Кое-как добравшись и уложив груз частью в багажник, частью же заняв чуть не полсалона, он стал потихоньку выезжать из ряда стоящих на стоянке, как вдруг услышал хлопок рукой по борту.

- Постой, дружище, куда ты едешь? У тебя ведь задняя шина спустила,- предупреждал его незнакомый мужской голос.

Выйдя из машины, Нукри с огорчением обнаружил, что сбоку прорезана покрышка правого заднего колеса, и ринулся заменять его запасным.

Управившись, с некоторым опозданием подъехал к нижнему главному входу, где, осмотревшись, узрел-таки поджидающую его супругу.

- Где ты до сих пор?- удивилась та.

- Покрышка порезалась,- пояснил Нукри.

- Как это?

- Хотел бы я знать, как! На стекло, наверно, наехал, вон сколько кругом хлама и мусора.

- Хорошо бы, чтоб перенесли куда-нибудь эту околорыночную торговлю.

- А что делать с этими беднягами торговцами? Как им добывать себе кусок хлеба?

- Хоть санитарные дни бы устраивали!

- А деньги на это не нужны?

- Собственными силами торговцев. И куда вообще мы катимся?

- К демократии! Как это куда?!

- И везде эта демократия такая?

- В пределах бывшего Союза везде, пожалуй. Но на западе и в штатах, к примеру, думаю, нет.

- Вот унесет нас этот запад с его цивилизацией в своем мощном потоке.

То пререкались, то соглашались друг с другом почти до самого дому. И только приехав, Нукри хватился кошель с деньгами, ключами от дома и документами, а там и сообразил, что с ним произошло.

IX

Пара белых игральных костяшек-кубиков с черными точками на шести гранях, как льдинки града, обрушивались из рук то одного, то другого из игроков, и, подпрыгивая, раскатывался по небольшому, отделанному узорами маркетри деревянному полю.

- Ду шаш1 ,- вскрикивал один из сражающихся и, согласно выпавшей комбинации точек, передвигал шашки из загиба в загиб по краю поля.

- Севай ду2 ,- восклицал второй и производил то же движение.

По небольшой колее вдоль засеянных борозд разбежался старенький одномоторный, четырехкрылый, двухместный самолет - «кукурузник», несколько раз перед взлетом, во время пробежки глохнувший и замиравший.

«Все, последняя, сотая попытка прыжка!- отчаивался парашютист, притулившийся на заднем от пилота сиденье,- если и на сей раз не раскроется, завяжу навсегда».

Кукурузник, опылявший обычно с воздуха биохимическими препаратами посевы, тархтя работающим-таки мотором, вольно парил над родными местами.

«Не заглох бы в воздухе»,- с тоской думал намучившийся с мотором пилот.

С высоты птичьего полета открывалась чудесная панорама облежавших холмы и пригорки полей.

- Вас сбрасывать там же, на том же месте?- слегка оборачиваясь, уточнял пилот у парашютиста.

- Да, на том же,- подтверждал парашютист.

- Хорошо, только не на этом заходе, а со второго круга,- пояснял пилот,- а пока любуйтесь природой и погодой.

Неожиданно с земли открыли массированную пальбу из безоткатных орудий типа «град» по градовым тучам.

«Только этого нам сейчас не хватало,- подумали одновременно пилот и парашютист,- не угодили бы в нас».

«Ему-то что,- продолжал свои размышления пилот,- он с парашютом, а я-то без».

Между тем внизу, в большом винограднике, небольшая группа людей, среди которых были и иностранные инвесторы, пытавшиеся вложить в перспективную отрасль сельского хозяйства - виноделие, немалые инвестиции, обсуждали наболевшее.

- Вот смотрите внимательно,- внушал зарубежным гостям председатель правления села,- во что превратились наши, некогда известные всему миру, виноградники. То град на них обрушивается, то засуха терзает, то землетрясения, наводнения, селевые потоки...- вдохновенно перечислял председатель правления стихийные и социальные бедствия, не дающие посадкам покоя,- да и работать уже почти не осталось кому. Молодежь убегает в город, рвется к роскошной, беззаботной и легкой жизни, удовольствиям и приятному времяпрепровождению, а старое поколение, что оно теперь может? Цены на виноград, который мы сдаем государству, тоже резко упали. Уже многие нет-нет, да и подумывают, не изрубить ли топорами виноградники и не засадить ли их другими культурами. Ладно, что недобрые эти мысли остаются только мыслями, от злобы, но до дела еще не доходит. Ведь такие же мысли одолевали и многих наших исторических врагов, которые врвались в нашу страну и истребляли, уничтожали и сжигали на своем пути все живое и неживое.

Вошедший в раж в минорном, правда, тоне, председатель услышал вдруг за спиной шум и треск обламывающихся насаждений. Гитарными струнами зазвенела натянутая между невысокими железобетонными столбиками меж рядов лоз, стальная проволока для увязывания ветвей.

Вся делегация вздрогнула и обернулась на шум.

На земле, меж рядами лоз, постанывая от боли, переваливался с бока на бок неудачливый парашютист.

- А этот нас вообще заколебал,- махнув в его сторону рукой, с досадой констатировал председатель правления.

Громкий хохот как играющих, так и наблюдателей, раскатился по игральному полю.

- Ну, ты даешь, Тристан,- закатываясь от хохота, нестройно бросал юбиляр Михаил Давидович,- вот это да, вот это анекдот, понимаю. А каковы в нем доля правды и боли? Прямо и смех, и грех.

- Да, здесь, как у Лермонтова, «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»,- заметил немного погодя сосед Михаила Давидовича по участку, Тристан, силач лет шестидесяти пяти.- Это, конечно же, больной юмор, а если на деле, Давидович, конечно же, у нас на востоке страны нынче должен быть неплохой урожай винограда.

- Эх-хе,- с досадой и все еще давясь смехом, настаивал юбиляр:- Что, если опять этот проклятый град или как его там? Этот несчастный парашютист не помешает и не навредит нам.

- И в прошлом году порядком винограду собрали. Вино получилось отменное. Я сравнил вино из урожая своего участка с вином из купленного на рынке винограда. Так вот из купленного вышло лучше,- признался Тристан.

- Не знаю, как у тебя, но мое все равно лучше всякого,- хвастался юбиляр,- вот сегодня как раз и попробуем.

- Красное или белое, Давидович?- поинтересовался сослуживец Нукри - Сосо.

- Красное, конечно. Но есть и немного белого.
- Надеюсь, натуральное?- уточнил с опаской Тристан.
- Обижает, сосед!- зарделся виновник торжества.- Так, по-твоему, я могу в такой день поставить вам поддельное?

Разговор на эту немаловажную тему мог продлиться еще долго, если б его не перебили хлопочущие у стола женщины.

- А на сколько персон накрываем, мама?- звонким голосом спрашивала тоненькая, как тростинка, Русико.

- На сколько, говоришь?- задумалась Нино. - Человек, видимо, на пятнадцать. А придут больше, добавим приборов. Места вон сколько. Какие два большие стола сдвинули вместе.

- А второй откуда взяли?- поинтересовался муж Русико, Бежан, невысокий молодой, несколько невзрачный человек.

- У Дали попросили,- показала Нино на миниатюрную пожилую женщину, свою соседку.- И вообще она мне очень помогла. Без нее я бы точно ничего не успела. На вас ведь только надейся!

- Ну, что ты! Что ты! Пожалуйста,- скромно отозвалась соседка.

Русико и Кетино - невестка Нино - переглянулись и перемигнулись.

- Почему, мама? Мы же тоже что-то делаем?

- Да, конечно же, доченька,- не возражала Нино,- конечно. У молодых столько забот и проблем, что для родителей не остается времени.

- Это факт, Нино, так что не удивляйся и не огорчайся,- закрыла тему соседка Дали.

- А вино разливать по бутылкам или по кувшинам?- задавал важный вопрос Бондо, старший сын Нино, крепкий парень лет под тридцать.

- Ну, об этом спроси у отца,- наставительно переадресовала его Нино.

Раздался звонок в дверь, и Нино ринулась отпирать.

- Привет, Рамаз,- расцеловала она брата,- а это еще что?

- Да вот Лия прислала,- приподнял Рамаз в руке сумку,- таскался с ней на работу, а с работы прямо сюда.

- Интересная женщина,- удивилась Нино,- лучше бы пришла сама с детьми, чем посылать. Вон у нас сколько чего набралось.

- Но ей хотелось что-то и от себя.

Рамаз поздоровался с присутствующими, сердечно поздравил отца, протянул ему небольшой сверток.

- Спасибо, сынок,- расчувствовался Михаил Давидович,- спасибо! Но почему не пришли Лия и дети? Мне так хотелось увидеть их здесь сегодня.

- Да, отец, спасибо тебе. Но она так переутомилась. Просила передать сердечные поздравления и извинения. Повидаются с тобой в ближайшее время.

- Нукри, разберись, пожалуйста, с вином,- распорядилась Нино,- а вы, девочки, живей накрывайте.

- Я им помогу,- отозвалась жена Тристана Лела.

- Думаю, вас мы не побеспокоим,- улыбнулась ей Нино,- нас уже достаточно,- увлекла она за собою дочь, невестку и соседку, засновавших из кухни в столовую и обратно.

Стол понемногу украшался и расцветал.

Стучали кости, бегали дети, мелькали женщины с блюдами.

Шум и гам сливались с мелодией из небольшого аудиоманитофона со светомузыкой.

- Что-то Авто задерживается,- недоумевала Нино,- надеюсь, придет?

- Конечно же, придет, куда денется,- с уверенностью откликнулся ей Рамаз, играя в кулаке косточками и ожидая, когда передвинет шашки соперник, не кто иной, как юбиляр, выигравший уже не одну партию и сменивший не одного партнера по принципу «проигравший встает».

- Может, хоть ты, Рамаз, выиграешь?- с надеждой восклицал Нукри.

- Легко сказать!- огрызнулся Рамаз.

Наконец вслед за протяжным звонком появился Авто со своим трехэтажным тортом.

- Заждались уже,- обрадовался Михаил Давидович,- но вот и ты!

- А где твои девочки?- любопытствовала Нино.

- Какие?- удивился Авто.

- Ну, эти, как их,- задумалась, но вспомнила-таки Нино,- Эка и Натали.

- Лучше вот возьми у меня торт,- отмахнулся Авто свободной рукой.

- Ты что, тоже один?- недоуменно повторил и юбиляр, а я думал, придешь со своей девушкой, познакомишь нас.

- Позже как-нибудь, папа,- рассеянно протянул Авто, переключаясь на поздравления и вручая отцу подарочный сверток. Познакомился и поздоровался с гостями, которых никогда прежде не видел. Прошел в кухню поглядеть, как Нино справляется с делом.

- Хотя Натали пригласил бы,- сожалела Нино,- никак мы ее ко мне не заманим.

- Она почему-то обиделась и теперь избегает меня,- пояснил Авто.

- Да ничего не обиделась, а за нос тебя водит и цену себе набивает. Вот и все,- предполагала Нино,- у тебя есть номер ее мобильного?

- Ну, есть,- помялся Авто.

- Позвони ей сейчас же и пригласи.

- Одна она не приедет.

- Съездишь и привезешь!

- Брось, Нино, у меня нет для звонка никаких оснований!

- Да? А хорошо, что она тебя уже столько времени мучает» Думает, раз у тебя нету матери, то ты беспризорный?

- При чем тут это?

- А при том, что если я могу иногда, из лучших побуждений, случайно обидеть тебя, то ей этого не позволю. Хочет нас, милости просим, а нет, пусть катится себе на все четыре стороны. Видела я вас на снимке вместе, в компьютере, не такая она уж и красавица. Не такие остаются не замужем, в старых девах.

- Ну... ей это, допустим, не грозит,- признался Авто.

- Как сказать, как сказать!- съехидничала Нино.

- У нее, по-моему, уже есть поклонник.

- Ну и что? У меня в свое время тоже была уйма поклонников, однако же я остановилась на Нукри. Вернее, он мне чаще других не давал покоя. Вообще знай, все девочки так... кто им больше не дает покоя, за того они в конце концов и выходят.

- И не только это, Нино,- вмешался в разговор подошедший Рамаз,- женщина должна хотя бы в чем-то зависеть от избранника, в деле, в работе... еще в чем-нибудь. Это куда эффективнее, чем давать о себе знать время от времени.

- Нужна она нам такая,- обиделась Нино,- не бойся,- успокоила она Авто,- я тебя познакомлю... ну, в общем, посмотришь...

- Ой-о,- протянул Авто,- да не боюсь я ничего, и ни с кем меня знакомить не надо, сам как-нибудь разберусь, не маленький...

- Когда же? Тебе скоро сорок.

- Как интересно!- встрепенулся Авто, уловив вдруг между этими «скоро» и «сорок» броское сходство и лишь чуть заметную разницу в расположении букв. «Уж не провиденциальная ли примета?»- подумал он.

- Да, шути, шути! Времени на это по горло! Ну, ладно, договорим потом!- обернулась она к соседке Дали, забежавшей за какими-то дополнениями к столу.

Авто пробрался через гудящую от разыгравшихся в ней детей небольшую лоджию-боковушку и здесь, в уединении, позвонил по мобильнику.

- Рубен, ну, как там дела?

- Все в порядке,- порадовал его Рубен,- в целости и сохранности!

- Все проверили по списку?

- Все! И сейчас уточняем.

- Кто там с тобой?

- Тамила!-в голосе Рубена звенела радость.

- А Гела?

- Спешил по делам. Мы с Тамилочкой его отпустили.

- Смотри там у меня! Если обидишь ее, голову с тебя сниму.

- Да вы что, Михайлович! Обижаете?

- Ну, ладно, рассортируйте, что сможете... уложите. До завтра!

На пути обратно в столовую перешутился, задержался с детьми: «Вот бы мне таких своих».

- Не пора ли за стол?- призывал между тем гостей виновник торжества.

- Да! Да! Остальных дожидаться за ним и будем!- поддержала отца Нино.

- Нино,- вполголоса спросил ее юбиляр,- думаю, надо позвать мужа Дали - Гагу, не то неудобно...

- Я уже сказала. Вот вернется с работы, зайдет.

Михаил Давидович воссел на почетное место во главе застолья на роскошном с высокой спинкой стуле и забронировал стул поскромнее рядом с собой для Нино, когда ей выпадет минутка присесть в перерывах между блюдами.

Напротив них усадили Дали и ее подоспевшего мужа Гагу.

А Бондо уже подводил и рассказывал по одну сторону стола Нукри, Сосо, Рамаза, не забыв и себя с женой Кетино, а по другую - Тристана, Лелу, Авто, Русико и ее мужа Бежана. Так что за одним большим столом уместились четырнадцать человек.

- Почти столько же нас собиралось прежде каждый вечер за ужином в деревне,- отметил Михаил Давидович ностальгически.

- Это вместе с односельчанами, что ли?- подколот его Тристан.

- Да нет! У отца была большая семья, и у нас к тому же часто гостили очень близкие родственники.

- А в самой семье сколько вас было?- донимал его Тристан.

- Шесть братьев и три сестры,- с гордостью сообщил юбиляр.

- Ого, вот это да!

- Да, отец всегда очень этим гордился, любил даже прихвастнуть, объяснить особенности тогдашнего деревенского быта, ранними, в частности, зимними закатами.

По столу прошла веселая волна.

- Потому-то наше правительство, видимо, так часто и обделяет нас светом, и именно зимой!- ввернул Нукри.

- Не без того,- поддакнул ему юбиляр,- а мы еще недовольны.

Звон приборов между тем стал заглушать разгорающуюся беседу.

- Господа!- привстал Нукри.- Мы здесь по всем известному немаловажному поводу. Так кто же восславит дорогого всем нам Михаила Давидовича и возглавит застолье как тамада!

- Ты так хорошо начал,- похвалил Тристан,- что все мы согласны и рады видеть в этой роли тебя.

Нукри несколько поломался и поотнекивался, но под напором застолья все-таки склонил голову.

В первый главный торжественный тост он вложил столько души, что все, как наэлектризованные, наперебой подхватили его.

- Хороши пожелания, да силенки не те,- пожаловался юбиляр, что вызвало град возражений и опровержений.

- В твои-то годы,- приводил ему зять доказательства обратного,- наш легендарный царь Иракий Второй одиннадцатого сентября тысяча семьсот девяносто пятого года с пятитысячной армией сразился на крцанисском поле с более чем двадцатитысячной армией иранского шаха и победил бы его, если бы не предательство.

Напоминание несколько подбодрило юбиляра:

- Да, но у него были триста арагвинцев, а у меня их всего трое,- подчеркнул он, имея в виду своих детей.

- О-о, а вот об этом надо было думать в свое время,- попенял ему Тристан,- и брать пример со своих родителей!

- Ну, ничего,- подхватил Нукри,- то, чего не доделали вы, возместят ваши дети и внуки!

- Что-то не вижу я в них, к сожалению, особого рвения,- грустно констатировал юбиляр, имея в виду своего младшего сына Авто.

- Ну, не все сразу, Давидович,- утешил его Нукри.

- Эх, жаль, я не молод!

- Ну, что ж, папа, мы не обидимся!- рассмеялась Нино.

- Может, тогда решится и Авто,- добавил Рамаз.

- Нет, дети мои, не надо мне никого. На кого я ее променяю?- прослезился юбиляр.

- Ну, ладно, ладно,- переменял тему Нукри,- тост за юбиляра продолжается. Не будем опережать события.

Здравица понемногу переходила в благодарственную.

Юбиляр говорил неторопливо, наставительно, весомо. Был сердечен и признателен за этот теплый вечер, прибавивший ему, как он подчеркнул особо, и не раз, двадцать лет жизни.

- А мы даем тебе, как минимум, сто, а там, как знаешь сам!- ввернул Нукри.

- Не перебивай, не надо!- остановила его Нино.

- Я уже далеко не молодой,- продолжал юбиляр.

- Но и не такой уж и старый,- снова вмешался Нукри.

- Да постой же!- повысила голос Нино,

- И мне нужно в оставшиеся годы видеть всех вас в здравии и благополучии и почаще рядом с собой. Один наш великий писатель писал, что жизнь человека - это общение, а чтоб насытить желудок, достаточно ста грамм мяса. А где людям и не собираться и общаться, как не за столом. Будем же чаще и чаще видеться.

И еще хочу я заметить, что наш национальный стол - это замечательный институт по своей глубине и человечности. Он собирает у себя разных людей, и по возрасту, и по профессии, взглядам.

Мы обогащаем друг друга, дополняем один другого своим жизненным опытом и индивидуальностями.

И это совсем не то, что предлагают нам взамен этого наука, техника, этот хваленый интернет и мобильники, истощающие положительную энергию человека. Живое общение совсем другое! Разница примерно такая, как между натуральными и искусственными продуктами.

Застолье понемногу набирало энергию и силу.

Второй тост тамада поднял за память покойной жены юбиляра, и его с большим чувством поддержал Рамаз. Он с горечью напомнил, что нужно выдержать это строгое испытание и явить детям пример жизнестойкости.

- А искать ее нам предстоит в постоянном теплом общении,- с опорой на давешние слова отца подчеркнул Авто.

Нино взглядом и мимикой призывала Авто поскорее кончать, чтоб не очень расстраивать отца.

- Ничего, Нино,- угадал намерения своей старшей сестры Авто,- мужчины иногда должны и плакать, это для нас небесполезно. Говорят, что слезы смывают ошибки и просчеты, заглаживают наши вины друг перед другом и, представьте себе, порой даже продлевают нашу жизнь.

- Ладно, Авто!- насторожился и Нукри.

- Ну, ладно так ладно!- согласился Авто.- Но сообщу вам одно. Статистические данные американских социологов утверждают, что в процентном отношении самый большой стресс человек получает, когда теряет супруга. Даже больший, чем при утрате родителей или, не дай Бог, детей или материальном ущербе.

- Дедуля, за бабушку, царство ей небесное. А ты держись, ведь мы рядом,- куда бодрей подключились Бондо и Русико.

Уйти от прошлого всем было жаль, но Нукри, волевым жестом переключив внимание на детей, обратился к отцу:

- Алаверди! к тебе.

- Я положил силы на вас,- подхватил тот,- вам предстоит то же самое в более сложных, но и в чем-то более легких условиях. Растите достойных людей. Желая вам радостного результата усилий. Я его уже вижу.

- Не будем хвалить своих детей. Погодим и посмотрим,- предостерег Рамаз.

А юбиляр между тем рассказывал:

- У нас на дачном участке всякий раз утром или под вечер проходит с палкой один несчастный, которого дети выгнали из собственного дома, и он вот уж более семи лет живет в развалюшках за самыми дальними участками. Зарабатывает на хлеб, чем придется, помогаем и мы, соседи. Он пытается, правда, сам справиться со своими

проблемами, но ему приходится туго. Случается, что от холода и выпивает. Смотришь, как он понемногу опускается, сердце сжимается.

- Ты что это, отец?..- вопросительно взглянул на него Нукри.

- Нет, не дай Бог, конечно... Но каково видеть?!

- Не горюй, придумаем что-нибудь и для него,- пообещал Нукри.

- Нет, я это к тому, чтоб подчеркнуть вашу теплоту ко мне. Ты ведь, Нукри, тоже мое дитя!

- Не сомневаюсь. Можно даже сказать, что старшее.

- Конечно же, первое,- улыбнулся юбиляр.- Ну, так за всех моих дорогих детей.

Больше всех меня беспокоит Авто.

- Ничего, ничего!- подбодрил тестя Нукри.- Куда денется, влюбится и женится.

«Вот именно! По любви, а не по знакомству»,- вспомнил Авто слова апостола Павла: «Все у вас да будет с любовью».

- У него на это времени нет,- пояснила Нино. - Порхает! То за своими перелетными птицами, то вместе с ними, а когда возвращается, избранницы уже выскочили замуж.

- Нужно ему подыскать такую же перелетную птицу, как он сам,- нашелся Тристан.

Посыпались советы, соображения, посулы. Авто закрыл глаза, ненадолго отключился, погрузился в прошлое, вызывая в памяти счастливые для себя минуты.

Он мысленно подошел к Натали из-за спины, коснулся щекой ее головки, взял за руку, задержал в своей, и потом они вместе кормили свежей травкой великолепных крапленых оленей.

Натали такая же нежная и пугливая, как они.

Почему она меня одновременно и принимает, и избегает, и отвергает, и приближает? К чему эта игра? Ох уж эта гордыня и высокомерие, желание сразу одержать победу над избранником, чтобы затем, всю дальнейшую совместную жизнь держать его в руках и под каблуком. Ведь ничто не может быть выше любви, и никому и ничему над ней не возвыситься, а уж тем более никому не нужной гордыне, которая всегда предшествует гибели человека, как физической, так и духовной. Утрата всех лучших качеств, так что от человека, если даже он выживет, останется один лишь футляр.

- Ввиду шума и переполоха за столом вынужден нарушить очередность тостов и предложить выпить тост за любовь в широком смысле этого слова,- нашелся тамада, выслушав суматошные благодарственные речи детей юбиляра.

- Недаром и святое писание учит нас -люби, остальное приложится,- припомнил Нукри.

- Любовь никогда не перестает,- подхватил юбиляр,- хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится,- говорит нам апостол Павел. Что ж, и впрямь все земное кратковременно, а любовь никогда не перестает. Сердце человека всевышний сотворяет в первую очередь, а все остальное окружает его потом. Оно единственное, над чем время не имеет власти, в сем мироздании все остальное истощается и изнашивается. Наши силы слабеют, память притупляется... но сердце остается неизменным и должно оставаться открытым для высокого и прекрасного.

- Должно быть, так... небо и земля исчезнут, а любовь пребудет вовеки,- поддержал тост Рамаз.

- Но, с другой стороны, если любовь не отдашь, ничего взамен не получишь,- вмешался Тристан.

- Да, сказано туманно, но, как правило, чувство с двусторонним движением,- подтвердила Нино.

«Любовь, как огонь от свечи,- подумал Авто,- сколько бы ни отдавать его, меньше не станет».

От любви к Всевышнему перешли к любви к ближнему, к Родине, понемногу подобрались к любви мужчины и женщины.

- Как вижу, назрел тост за женщин,- спохватился тамада, поднимаясь на ноги,- попрошу всех мужчин выпить за женщин стоя. Женщины ответный тост за нас могут провозгласить не вставая.

- Ну, так выпьем за женщин, наших матерей, жен, дочек, внучек наконец, за цветы нашей жизни, без которых она была бы скучной.

- Да уж,- присоединился к нему юбиляр,- они наша крепость, наша краса и слава. Как говорится, если муж голова семьи, то жена - ее шея. Наши матери даруют нам жизнь, жены - счастье, дочери - радость, а внучки - долголетие!

- За редкие исключения тоже выпьем?- поинтересовался Тристан.

- Это за какие же?- потупилась Нино.

- Как какие!- замялся Тристан.- За некоторых женщин, которые иногда предстают в роли мужчин!

- То есть за бойцов?!- сообразил Нукри.

- Ну да,- опять замялся Тристан.

- Например?- поинтересовалась Нино, улыбаясь.

- Имен называть не будем,- поспешил на помощь Тристану сосед Гага, муж Дали.

- В таком случае нам придется поднять заздравную и за мужчин, предстающих порой в образе женщин,- запротестовала Русико.

- Успокойся, женщина!- попробовал остановить ее муж, Бежан.

- Ребята, давайте жить дружно,- проскулил тамада,- будем любить и уважать друг друга.

- Да, мирный паритет превыше всего,- примирительно пискнула Дали.

- Нет, все-таки, я думаю, лучше и для жены, и для мужа, и, тем более, для семьи, когда жена покорна мужу,- выдвинул постулат Нукри.

- Смотря в чем,- перебила его Нино.

- Во всем!- убежденно улыбнулся тамада.

- Нет уж! Так не получится,- воспротивилась Нино.

- Вот тебе современный плюрализм и демократия,- обернулся к Нукри Рамаз,- видишь, к чему они приводят даже в пределах одного небольшого застолья, а что могут натворить и творят в пределах крупных, ну, скажем, одной страны, государства, пусть даже небольшого, такого, как наше.

- Да, Рамаз, это и погубило и губит не только нашу нынешнюю страну, но и бывшую.

Едва справившись с вошедшими в раж спорщиками, тамада переключился на относительно спокойный тост за труд и трудолюбие, за работу каждого человека и всего общества.

-За добросовестность и отдачу каждого на его трудовом посту, то бишь рабочем месте... И не только в отведенное время!

- Дед постепенно отучает нас от восьмичасового рабочего дня и приучает к американскому стилю работы,- ввернула Русико.

- Да, внучка, но раньше, во время войны, мы работали и днем, и ночью за Родину, а вы теперь за американские баксы, и я не верю в продуктивность такой работы. Много зависит от конечной цели, ради которой и трудишься, и живешь.

- Да, но благосостояние семьи и близких тоже не малая цель,- покачала головой Русико.

- Благосостояние родины - выше,- прервал внучку юбиляр.- Здесь нужно идти от общего к единичному, а не наоборот.

- Согласен, Давидович,- подтвердил Тристан.

- Благосостояние отдельных семей не всегда может привести к общему благосостоянию родины, тогда как обратная картина обеспечит благосостояние каждого, всех... отсюда и порядок, и культура, и наука, и просвещение...

Получилось, что споры завязались и по этому поводу.

Нино и Дали то и дело вносили новые блюда и обходили с ними застолье.

- Мама, как там дети?- негромко спросил Бондо.

- Не волнуйся, присматриваю,- успокоила его мать.

Авто сидел задумчивый, ему вспомнились слова апостола Павла, в свое время использованные коммунистами, о том, что кто не работает, тот не должен есть.

Нукри просил у юбиляра позволения рассказать про то, как к последнему приходили бывшие сотрудники по заводу и просили вернуться на должность директора.

- Не стоит, что в этом интересного?- отнекивался юбиляр, но поддержанный и другими Нукри все-таки настоял на своем.

- Более десяти лет назад,- торопясь и захлебываясь, начал он,- когда только начинались разные народно-патриотические движения, наш юбиляр как в воду глядел, рассчитал будущую ситуацию и добровольно ушел с поста директора металлургического завода, на радость небольшой части персонала, тогдашних активистов, и подался к себе на дачу заниматься сельским хозяйством.

Через несколько лет, после гражданских распрей и трагических событий начали намечаться, сами знаете, какие тенденции, те самые «активисты», которые радовались отставке Давидовича, запросили у него прощения и возвращения на уже пошатнувшийся завод. В ответ Давидович повел своих гостей на участок, уверяя дорогой, что если бы они знали, какая классная у него уродилась капуста в огороде, они бы не обратились к нему со своей просьбой.

- Ну, да?- изумился Тристан.- Хоть капуста и вправду у нас отменная.

- Да, но, немного времени спустя, я узнаю, что в свое время, оказывается, и император Диоклетиан поступил точно таким образом, с той разницей, что был императором великой Римской империи, а наш Давидович всего лишь директором завода.

Юбиляр потупливался, самодовольно улыбался и вполголоса бормотал:

- Я рад, что не ошибся тогда в своем решении!

По застолью пронеслось веселое оживление.

- Дорогие мои,- начал свой очередной тост тамада, утихомиривая галдящих,- хочу поднять важный, смежный и сродный предыдущему тост за добротолубие и добротоделание.

- О-о!- многозначительно протянули несколько сотрапезников.

- Человек сотворен Всевышним по своему образу и подобию лишь для того, чтобы делать добро своим ближним.

- Ближним считается каждый человек,- поправил тамаду юбиляр,- служить ближнему - значит служить самому Господу.

- К тому же каждый человек, даже другого вероисповедания, номинально считается христианином,- добавил Тристан.

- Безусловно,- согласился Нукри,- и потому Всевышний обязует нас делать добро, доколе у нас есть на то силы, время и возможности, не ожидая побуждения и благодарности, а едино по предписанию долга. Сказано, всякое дерево, которое не принесет доброго плода, будет срезано и брошено в огонь.

- Это так, и всякий творящий добро творит его и для себя,- поддержал тамаду юбиляр.- И это не проповедь, а напоминание, прежде всего себе и каждому из нас о первоочередном человеческом гражданском долге.

- А теперь выпьем за соседей юбиляра,- провозгласил неистощимый на тосты тамада.

- За которых?- поинтересовался Тристан.- За здешних или по участку?

- И за тех, и за других,- подхватил Нукри,- в свое время, кажется, Никита Сергеевич сказал - да, отец?- что человеку надо выбирать не дом, а соседей?

- Да!- подтвердил Михаил Давидович.- Сам Никита Сергеевич!

- Ну, так за них,- повторился тамада,- пожелаем им счастья, здоровья и всех благ.

Нукри только сейчас почувствовал действие вина и стал понемногу недопивать из стакана.

«Не заметят, хорошо,- подумал он,- нет, так делать нечего, придется пить до конца».

- Вино у тебя, Давидович, как пушка,- признался он юбиляру.

- Да-а... выдержанное, трехлетней давности. Специально к сегодняшнему дню хранил. Очень надеялся, что доживу, и вот, к счастью, дожил.

- Если еще осталось, сохрани до восьмидесятилетия!- с веселым смехом предложил ему тамада.

- Эх-эх...- протянул юбиляр, поднимая на него пристальный взгляд.

- Гарантирую и отвечаю за это!- твердо отчеканил тамада.

- По рукам?- протянул ему руку юбиляр.

- По рукам!- пожал ее тамада.

- На счет соседей и окружения мне всегда везло. Выпью за них в лице Тристана и Лелы, которые присматривают за мной в отсутствие моих детей там, на участке.

- Ну, соседи соседям тоже рознь, папа,- покачала головой Нино,- не стоит все же смотреть на мир сквозь розовые очки. Вот, например, пришла ко мне недавно одна соседка и то ли в шутку, то ли всерьез заявила, что раз у меня в доме нет тараканов, а у нее есть, то она в знак солидарности принесет мне сладкую парочку, чтобы плодились. Представляете?!- и заговорщицки взглянула в сторону Дали.

- И еще есть пример,- запальчиво заявила невестка юбиляра Кетино.- Мы с детьми были в деревне у родителей, и Бондо к нам приезжал как раз в тот день, когда у нас лопнул обтянутый плетеной металлической сеткой резиновый, турецкого производства, шланг бачка. Залили водой и себя, и соседей. Весь паркет поднялся и распался и у нас, и у них, к тому же у соседей еще и потолок обвалился. И что же? Соседи лишь деликатно намекнули нам на происшедшее. Конечно, мы обещали им все восстановить, но интересно, что, когда Бондо рассказывал обо всем этом, сообщил, что этого «козла» матушка родила, когда ей было под пятьдесят,- задыхалась от смеха Кетино,- а я ему говорю: мы его залили, и мы перед ним виноваты. Так за что же называть его «козлом». А как бы Бондо его окрестил, если бы они залили нас?

Бондо смущенно улыбался и помалкивал.

Тамада, чтобы рассеять замешательство, поспешил поднять объединенный тост за родину и ее будущее.

Рамаз развеселил присутствующих некоторыми высказываниями соей дочурки.

- Вообще, дети сейчас пошли очень эрудированные,- подтвердил Тристан.

- Говорят еще, что дети, родившиеся после двухтысячного года, составят фиолетовую расу человечества, самую развитую по сравнению со всеми предшествующими,- заметил сотрудник Нукри - Сосо.

- Век всеобщей компьютеризации, естественно, принесет свои плоды,- согласился с ним Нукри.

- Думаю, вскоре и наша страна вольется в единую, развитую экономически и всесторонне «старушку» Европу и подтянется по уровню развития к ней,- заметил Рамаз.

- А сколько инвесторов к нам буквально рвутся с разными коммерческими предложениями,- подал голос Гага, муж Дали,- но создается впечатление, что кто-то у нас искусственно притормаживает этот процесс. И, к позору для нас, иностранцев, готовых сделать вложения, избивают и грабят.

- И вот что еще интересно,- вспомнил со смехом Нукри,- я даже слышал, что какие-то зарубежные бизнесмены предлагают нам производство местных, национальных лягушек и их консервирование, и утверждают, что они гораздо вкуснее зарубежных. Просят только разрешения на строительство специальных предприятий, а строить их будут якобы сами. Говорят еще, что наши консервы поднимут цены на мировом рынке с двадцати семи до тридцати долларов за банку.

- Нет, наших лягушек мы им не отдадим!- уже откровенно расхохотался Тристан,- Давидович, кто же у нас тогда на участке квакать будет, а?

- Ну!- выразил соседу солидарность юбиляр.- Пусть поднимают нашу экономику без них. А начинают с сельского хозяйства. Крепкое село, это благосостояние города и всей страны в целом.

- Эх, Давидович, я вот все думаю, особенно в последние годы,- задался вопросом Тристан,- что же все-таки лучше, атеистическое государство с божескими законами или религиозное, но с безбожными?

- Верующее и с божескими!- запальчиво воскликнул юбиляр.

- Эх, Давидович, хорошо бы, да... - пожал плечами тамада.

- Ну, так,- помявшись, неуверенно перебил его юбиляр,- будет, наверно... одно всегда следует за другим. У второго из названных государств шансов на выживание и перспективы все-таки больше, чем у первого. Счастье и благополучие постоянно чередуются с горестями и испытаниями.

- Возможно, Давидович,- почти согласился с ним Нукри,- ведь недаром еще философы древности утверждали, что постоянно только одно - непостоянство.

- Ну, теперь этого тоста тоже не миновать... за наших врагов обидчиков, недругов,- отвлек всех от дальнейших споров тамада, настоятельно побуждая опустошить бокалы.

- О-о,- подхватил Тристан,- и вправду отменный тост!

- «Любите врагов своих, аки...» Недаром же заповедь нам дана свыше, - напомнил тамада,- пожелаем, чтоб они образумились и обернулись для нас благом. Нелегко, конечно, добиться такого, но и невозможного в этом тоже нет ничего. И вообще, не

стоит выказывать упреков обидчикам, ибо чем больше их выкажешь, тем более утишишь в них угрызения совести, что по сути и есть голос Божий в человеке.

- Эх, отец, не всегда так получается, а некоторым куда полезнее указать, нежели промолчать,- возразила Нино.

- Понятно, что давать советы то же самое, что катить с высоты камни, а выполнять их то же, что таскать их же в гору.

- Третьего дня малолетняя шпана сорвала у Русико прямо на ходу, на улице, с шеи мобильник,- настаивала Нино,- и у нее все из-за этого расстроилось и были проблемы.

- Мама, ну, зачем ты об этом?- вспыхнула Русико.

- Затем, что эта шпана совершила не только воровство!

- Ты свихнулась!- расплакалась и убежала из-за стола Русико.

Бежан бросился за ней. Поднялся с места и Нукри.

- О чем же еще говорить, когда даже из дома-музея отца всех народов умудрились украсть медный самовар,- попробовал разрядить обстановку Рамаз.

- Какой ужас,- вскрикнула Лела.

- Попробовали бы при его жизни!- подмигнул ей юбиляр.

- Я тебе еще лучше скажу, Давидович! У нашего соседа по участку, хромого, палку дюралюминиевую перед носом стянули,- вспомнил Тристан.

- А что вы хотите, когда в стране так налажена система приема и сбыта металлолома вообще, а особенно цветных металлов,- неожиданно включился в беседу Бондо.

- Да, Бондо прав,- подтвердил Рамаз,- нужно прежде всего запретить приемным пунктам брать подряд все, что попало.

Вернулся Нукри, но без Бежана и Русико, вслед за чем удалилась Нино.

- Ну, что там?- поинтересовался у Нукри юбиляр.

- Ничего, расстроилась немного!

- Может, пойти за ней?- вопросительно взглянул на присутствующих.

- Не надо, Давидович, только застолье расстроишь,- высказал опасения тамада.

Юбиляр тем не менее поднялся и под предлогом нужного звонка ушел.

Опасения тамады оправдались, застолье и вправду стало понемногу расстраиваться, сидевшие за ним засуетились и закопошились. Разбились на группы, келейно завязали затяжные беседы друг с другом.

- Не можете обойтись без того, чтоб не расстроить меня!- пенял между тем юбиляр на дочь и на внучку, с ворчанием покидая их, чтобы вернуться к столу.

За окном быстро смеркалось.

Празднование юбилея затянулось, на улице уже темнело.

Одним из последних тамада поднял тост за смысл жизни, находя его в том, чтобы жить для других, а стало быть, сподобиться свободы и высшего блага.

- Кто живет для других, тот живет для себя, а кто живет для Бога, тот живет для всех, а кто живет только для себя, тот вообще не живет,- вспомнил Рамаз слова Толстого.

Совсем последним уже за поредевшим застольем стал тост за Святую Троицу и ее благодать.

Гости расходились.

Последними ушли Авто, Рамаз и Сосо.

Русико с мужем ускользнули, так по существу и не помирившись с матерью.

Нино, с большим трудом уложив в постель объяснявшихся друг другу в искренней любви подвыпивших отца и мужа, понемногу убирала со стола, пыталась рассовать

оставшуюся еду, забивала холодильник, но так и не могла отвлечься от дум и беспокойства за ненароком обиженную дочь, сына, не совсем здорового отца, мужа, братьев. Стыдила, упрекала себя, сетовала на ошибки и промахи, без которых не обошелся ни один день ее жизни.

«Только тот не ошибается, кто ничего не делает, хотя это и есть самая большая ошибка»,- вспоминала слова вождя революции.

Спать буквально рухнула поздно ночью, но до самого утра не могла отмахнуться и отключиться от тяжелого мужского храпа, не заглушавшегося ни льющимися из открытого окна скрипичными и вокальными руладами, ни неугомонным сверчком, любезничавшим со своею подружкой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

*У чувств есть
Запах, цвет и вкус,
И глубина, и звук...
И эхо сердца.*

Лето отсчитывало последние дни, немного теснило осень, отнимая ее начало, и горожане каждый по-своему пытались уложиться в них и успеть задуманное и намеченное.

Кто подавался за город, на море, в горы, кто коротал досуг, никуда не выезжая и довольствуясь местными подъемами и спусками, искусственными водоемами и окрестными деревнями.

- Кажется, еще сам Ильич наш говорил, что кто не умеет отдыхать, тот не умеет и работать,- восклицал худощавый, небритый молодой человек, в потертых джинсах, серой майке-безрукавке и соломенной шляпе, откусывая кусок лески и сплевывая его на берег водохранилища.

- Да, Вова, ты, пожалуй, прав,- согласился с ним сидящий рядом на камне юноша, делая резкую подсечку длинным, девятиколенным импортным удилищем,- без труда и рыбку не выудишь из пруда.

Из воды вынырнул карасик, величиной с мужскую ладонь, отчаянно затрепыхался на крючке.

- Ух, ты! Ну, ты даешь, Артем,- продолжая возиться со своей снастью, подбодрил дружка Вова,- хорошего красавчика отловил.

- А что же мне остается делать!- отпарировал Артем.- Смотреть, как вы с Гришей возитесь да копошитесь? Снасти следует собирать дома, на море нужно ловить. Вон, смотрите, у соседа здорово клюнуло, и ведет, ведет, на крючке рыбка, а он молодец!

- Молодец, Рубен,- удивился Авто первой пойманной рыбке,- ну, и кто там у нас»

- Рыбец,- сообщил Рубен, подтягивая рыбку к берегу,- Михайлович, там у нас в рюкзаке садок. Достаньте, пожалуйста.

- Гриша, углубь там немножко и поменяй крючок. Сразу пойдет клев,- посоветовал Артем.

- Мне не клев нужен, а крупная рыба,- заупрямился Гриша,- из-за такой мелкотни возиться не стоит.

- Ну, как знаешь,- не настаивал Артем,- я свое тебе сказал!

- Михайлович, не бросайте снасть в камышовую прогалину,- зато последовал советам Артема Рубен,- там клев, может, будет получше, но не удастся подсекать, и то и дело будут зацепы. Я бы посоветовал закидывать рядышком, поблизости от камышей.

- Тише, Рубен, я охочусь на сазана,- приложил палец к губам Авто.

Артем и Рубен понемногу таскали рыбешек, Григорий терпеливо ждал своей «крупной удачи», Вова то закидывал, то доставал с удочки снасть и возился с нею, переделывая всякий раз на новый лад, Авто то и дело заходил в камышовую прогалину и высвобождал снасть от зацепов, а крючок от прицепившихся камышей.

- Э-эх, горе-рыбаки,- огорчился Артем, глядя на сидящего поблизости Рубена,- нет, каждый должен заниматься своим делом!

- Ничего! Лучше так, чем слоняться без толку и без дела по двору или забивать козла, потом запивая его,- отозвался Григорий,- хоть свежего воздуха наглотаешься да надышишься.

- Да, говорят, скоро и на него счетчики придумают, как и на газ, электричество и воду,- подключился к беседе Вова.

- Ладно уж вам,- возразил им Артем,- до этого еще далеко, а вот если на питьевую воду поставят счетчики, нам точно хана!

- Не решатся,- предположил Рубен.

- Как бы не так!- насмешливо воскликнул Артем,- вот уже в нескольких домах нашего района проводят эксперимент, посмотрим, мол, что из этого выйдет.

- Народ взбунтуется,- высказался Григорий,- пусть лучше пенсии повышают.

- А тебе-то до этого что?- удивился Артем.- Тебе до пенсии еще пахать и пахать.

- Мне-то да, а вот отец ее получает,- пояснил Гриша.

- Да, не говорите! Пенсионеры нынче народ нерентабельный,- согласился Вова,- требуют от нас инвестиций, а работы в городе нет. Откуда брать деньги, воровать, что ли» Не приведи, Господи, лучше подохнуть с голоду.

- Ну, почему же? А рыбка?- послышалось со всех сторон.

- А что рыбка, на ней далеко не уедешь,- махнул рукой Гриша.

- Да к тому же и ее глушат наши «джигиты» гранатами, всю распугали и истребили,- пожаловался Вова,- сам на прошлой неделе видел. Да и жене она надоест, выгонит меня вон!

- Ну? Что, она у тебя такая требовательная?- поинтересовался Артем.

- Еще какая! Только и знает напоминать, что я ей обещал перед свадьбой! И по-моему злоупотребляет моей забывчивостью!

- А, женщины такой народ,- подтвердил Артем,- и в особенности жены. Что ни делай, все им мало, сразу в пример приводят других, более «пронирыливых» и предприимчивых. До того доводят порой, что, кажется, ненароком обронишь: а шла бы ты, голубушка, если не нравлюсь, к такому!

- Ну,- поддакнул ему Вова.- С ними вообще каши не сваришь! Александр Македонский чуть ли не полмира завоевал, а сердца любимой не смог.

- Это потому, что мы неправильно их с самого начала выбираем,- пояснил Артем.- В жены надо брать тех, кто сами нас выбирают. У них в дальнейшем требований куда

меньше. Вот как у моей Розиты. А за тех, что нам нравятся, всю жизнь приходится расплачиваться и терпеть упреки.

«Возможно, он прав,- подметил Авто про себя,- надо будет взять на вооружение».

- Да, но какво жить с нелюбимой и неизбранницей?- воспротивился Вова.

- Лучше все-таки самому быть избранником и спокойно жить, нежели наоборот,- возразил в ответ Артем.

- Ради хорошенькой женщины чего только не вытерпишь. Тьфу,- снова сплюнул Вова откушенный зубами кусок лески и поменял старый крючок на новый.

- Красивая женщина, друг, это для мужчины земляной червь, наживка для рыбы,- удерживал он пальцами толстого красного червя, пытаясь нацепить его на крючок своей удочки.

Разговоры шли параллельно с ужением и, на удивление Авто и Рубена, не многим портили рыбалку.

- Эх!..- восторженно воскликнул Авто.- Опять зацепил за камыш!

- Говорю же, Михайлович, а вы не слушаетесь,- обиженно попенял ему Рубен,- вот теперь и лезьте в камыши.

- Ничего, помучаюсь немного, а потом оборву и поменяю поводок с крючком,- стоял на своем Авто.

- Гляди-ка, Рубен, какая красавица уселась на конец моего удилица,- восторженно воскликнул Авто после многократных подтягиваний и отпусканий зацепившейся лески с крючком.

Рубен попытался сквозь стебли камыша, раскинувшегося на небольшом островке водохранилища, определить местонахождение удочки Авто и вдруг прямо-таки замер от увиденного. На крючке с наживкой и вправду трепыхалась небольшая белая цапля.

- Не похоже, чтоб крючок застрял у нее в горле, скорее в основании клюва,- предположил Рубен.

- Да, пожалуй, так!- подтвердил Авто.- Рубен, помоги мне выловить ее, только осторожно.

Несколько минут оказались достаточными для того, чтоб не только осторожно выловить и снять с крючка белоснежную крылатую красавицу, но и окольцевать ее.

- Михайлович! Мы же шли на рыбалку, а не на птицеловлю. На кой вы взяли с собой окольцовочный материал и необходимые для этого приспособления?- удивился Рубен.

- Эх, Рубен, учу тебя, учу, а ты так и не усвоил, что знатоки своего дела должны быть готовыми в любом месте, в любое время, при любых обстоятельствах на должном уровне исполнить свой профессиональный долг,- пояснил Авто.- Как хорошие охотники, которые идут на мелкую дичь, но прихватывают с собой хоть пару гильз с крупной дробью.

- Это, как говорится, на всякий случай?

- Да,- подтвердил Авто,- а случай-то бывает всегда разный,- и выставил напоказ свой указательный палец.

В руках Авто птичка вскоре перестала биться и вырываться, словно почувствовав истинного хозяина. На берегу она еще порядком долго удивленно озиралась по сторонам, словно выискивая кого-то или не веря своему внезапному быстрому освобождению.

- Ну же, иди, лети, ты снова свободна,- слегка подтолкнул птицу Авто.

Цапля, пройдя несколько шагов, разбежалась и неожиданно резко взметнулась ввысь, удаляясь от места пленения, и после нескольких приземлений и взлетов опустилась и осталась на противоположном берегу.

- Да-а,- задумчиво протянул Авто,- надо будет нашим спонсорам поработать и здесь. Как ты думаешь, Рубен?

- Думаю, будет неплохо, если они согласятся,- подтвердил Рубен,- а как вы думаете, она оправится, выживет?

- Выживет, куда денется,- с уверенностью ответил Авто, смотря вслед своей улетающей радости и счастью.

Рубен наблюдал, как за птицей потянулся и Авто, и его душа, словно покинув его, полетела вслед за птицей и летела с ней до тех пор, пока не упустила ее из поля зрения. Он впервые увидел воочию то незримое чувство, точнее царицу чувств, которые в жизни приходилось испытывать не раз. Видел, как Авто всей душой, всем сердцем и всей своей сутью и сущностью летел скорее не за самой птицей, а за любовью, которую к ней испытывал, и как начинал осознавать, что человек влюбляется прежде всего в саму любовь, в самые высокие порывы и чувства, за которыми он не может не следовать. Так одна любовь приводит к другой, другая к третьей, до бесконечности, пока не долетишь до главной и блаженной, за которую не страшно и не жалко даже умереть, и не только не страшно, но и возвышенно для души. Умереть, как умирают мотыльки, летя на тепло, жар и свет источника, обжигаясь об него и с радостью жертвуя жизнью.

Рубен искоса следил за устремившимся взглядом и всей сущностью и нутром за птицей Авто и впервые увидел и воспринял его самого в образе птицы, готовой взметнуться ввысь и полететь за своей возлюбленной.

Он даже вспомнил фрагмент из фильма с участием великого Чарли Чаплина «Золотая лихорадка», когда его мучимому голодом дружку-золотоискателю Джо,- несчастный и маленький Чарли привиделся жирненькой индейкой и он, схватив топор, кинулся на него, чтоб оторвать ему голову и тут же съесть, но, к счастью, у него моментально прояснился разум и он в ногах у него запросил о прощении...

Но, в отличие от Джо, его не мучил голод и его не хватили лопатой по голове.

Скорее сейчас в нем поднималось чувство легкой зависти к Авто, смотря на которого, он, с грустью потупившись, подметил и осознал, что не испытывает такой огромной любви даже к самым любимым людям. «Со стороны всегда виднее»,- думалось ему.

В этот миг, наблюдая за Авто со стороны, он понял, что человека делает «великим» - любовь такой же силы и уровня. К любимому ли делу, любимым людям, любимой... и, наконец, к самому главному и важному, к Всевышнему, ибо все, кроме этой любви, подвержено в этом мире тлению, исчезновению и стиранию из памяти.

Рубен заметил, как Авто продолжил удить, словно опустошенный после этого вылетевшего из души чувства. В нем рождалось ощущение, что Авто что-то потерял, он же обрел и обогатился. Обрел знание и понимание того, что раньше было скрыто от его глаз.

«Одно невидимые чувства видеть, а другое - испытывать их»,- подумал он и поразился еще и тому, что впервые в жизни увидел, понял и различил аромат, вкус, оттенки ощущений, их обаяние.

Он сделал из дальнейшей осторожной беседы с Авто вывод о том, что тому ничего не известно, но не рискнул заговорить с ним об этом, опасаясь, как бы Авто не подумал,

что он, хоть и под утренним солнцем, но получил-таки тепловой удар и несет чушь и невнятицу. К тому же не был уверен, нужно ли так глубоко заходить в познание и определении своих чувств и не достаточно ли ограничиваться только их ощущением?

Так или иначе, в Рубене что-то явно менялось и перемещалось, некая молчаливость и меланхоличность передалась ему и от Авто, который задумчиво механически продолжал закидывать и вытягивать свою снасть в камышовую прогалину.

Вскоре он уловил и первую улыбку на лице Авто, довольного выловленным карасиком.

- Если долго мучиться, что-нибудь получится,- бормотал Авто вполголоса, оборачиваясь в сторону Рубена.

Понемногу, по шажку и Авто, и Рубен снова втянулись в окружение, в ауру, в шумные и веселые разговоры простодушных рыбаков, словно по принципу «с кем поведешься...»?

- Чтоб я мамку современной агрохимии на базаре увидел,- выпалил Артем свое излюбленное ругательство,- поглядите-ка: сколько живу на свете, а такой странный огурец, с такими странными продольными пустотами вижу впервые!

Вова и Гриша отзывались ему смехом.

- А помидор, посмотри-ка на помидор, какой вроде красавец! Как мичуринский! А что внутри, каков он на вкус? Тьфу!

- А что ты хочешь? В первый раз, что ли, слышишь, внешность часто обманчива,- пояснил Гриша,- видишь, это касается не только людей.

- Говорят, такими прекрасными плодами изобилуют рынки Европы и даже Америки,- поддержал беседу Вова,- посмотришь, заглядение, прямо слюнки текут, а попробуй откусить, или зуб сломаешь, или подавишься.

Артем в сердцах встрепенулся и в очередной раз удачно и своевременно подсек, осторожным вращением рукоятки подобрал катушку спиннинга и подтянул очередную пойманную рыбку поближе к себе. Удивился:

- Ух, ты! Смотри-ка, как сопротивляется!?

- А что, жизнь сладкая штука,- философски отметил Гриша.

- А рыбка у нас куда лучше, чем у них,- констатировал Вова.

- Вообще-то, какова снасть и наживка, такова и пойманная рыбка,- дополнил Гриша.

- Вовсе нет! Каков рыбац, такова пойманная рыбка и улов,- подправил его Артем.

- Ну, и не только это,- повторил Гриша,- я вот, например, рыбаков не ахти какой, скажем, средний, а могу поймать рыбку и на свое добро.

- Ну-у?!- удивился Вова.

Артем, выпучив глаза, воззрился на Гришу.

Авто и Рубен переглянулись.

- Ну, ты, конечно, заливаешь и треплешься. Вот и все!- заключил Вова.

- Наверняка!- поддержал его Артем.

- Ну, тогда спорим, на что хотите,- отважился Григорий на спор.

- Давай!- согласился Вова.

- На хороший могорыч, выпивку и закуску,- предложил Артем.

- Идет!- согласился Григорий.- По рукам?

- По рукам!- пожал Артем руку Григория. Рукопожатие «разрубил» слабым ударом Вова.

Озадаченный Авто и Рубен продолжали переглядываться. Вскоре Григорий поднялся и направился от водохранилища вверх по небольшому склону до ближайших зеленых насаждений. Вова сопровождал его в качестве наблюдателя-эксперта.

Издалека, с берега было видно, как блеснуло белоснежное сидячее место горе-рыболова, усаживавшегося в кустах на корточки.

- Рубен, сейчас меня, кажется, стошнит,- забеспокоился Авто.

- Не смотрите, Михайлович, наше дело рыбалка,- предостерег его Рубен.

- Пожалуй, ты прав,- согласился Авто,- лучше залезу по прогалине в заросли камышей и погляжу, нет ли там еще и второй цапли, ведь они редко вылетают в одиночку.

Пока Авто, вопреки просьбам и убеждениям Рубена, продирался по прогалине на островок и вел там тщетные поиски, Рубен понемногу одну за другой таскал небольших рыбешек на пару с Артемом, который то и дело пристально вглядывался в прячущихся за кустарником.

Подоспел Авто, выбравшийся после тщетных, безрезультатных поисков из зарослей камыша, и почти одновременно с ним торжествующий Григорий с зажатым кулаком и с криком: «Поймал, поймал!» удерживавший муху с «содеянного им добра». За ним едва поспевал и Вова.

- Вот,- показывал он Артему огромную муху, безжалостно обрывал с нее крылья, торопливо цеплял на крючок своего удилица и закидывал снасть как можно подальше от берега.

Результат не заставил ждать.

Вскоре Григорий, бережно и с осторожностью тащил пойманную здоровенную шамайю, которая так и норовила оборвать ему снасть и кинуть в затеянном споре.

После недолгих препирательств большинством голосов решили-таки присудить победу Григорию, который тут же сам предложил принести из ближайшего супер-мини-маркета могоарыч.

«Черт знает что,- возмутился про себя Рубен,- не рыбалка, а прямо-таки дурдом какой-то. И для чего подаваться на рыбалку, когда хохмовые, смешные ситуации могут сложиться и дома, во дворе, на работе, где угодно?»

- Давай тикать отсюда, Рубен,- предложил Авто,- пока опять в какую-нибудь очередную «радость» не угодили с этими веселыми «искателями приключений»,- словно угадав его мысли.

- Точно, Михайлович, сам хотел вам намекнуть, да вы опередили,- тотчас согласился Рубен,- но куда?

Авто безмолвно взглядом и жестом отправился вслед недавно улетевшей освобожденной птице.

«Ну, конечно же,- подумал Рубен,- куда же еще» И зачем надо было об этом спрашивать»,- и добавил вслух:

- Пошли, что ли?

Сбор личных вещей Авто и Рубена занял не много времени, хотя и расстроил соседей, «горе-рыбаков», предпринявших тщетную и безрезультатную, впрочем, недолгую и не настойчивую попытку задержать их в своей компании.

Вскоре Рубен на своей «Ниве», вместе с Авто переправлялись по гарьевой, кольцевой и окружной дороге вокруг городского водохранилища на другую, противоположную его сторону, к пляжу, где нашли пристанище несколько сбежавших, видимо, от

городской сутолоки и шума и обретших здесь тишину и спокойствие загорающих горожан.

Пока Рубен выбирал место и припарковывал на грунтовом гарьевом склоне, под редко посаженными деревьями, свою машину, Авто сбежал к берегу водохранилища и подверг место осмотру с целью возможного в дальнейшем базирования.

Он вдруг с сожалением припомнил, что не взял с собой высланный в подарок лично ему Эриком мощный оптический современный бинокль, который пригодился бы ему сейчас для штудирования местности, в надежде как-нибудь определить следы улетевшей от них утром водоплавающей птицы или, может быть, какого ее сородича, но невооруженным глазом это сделать было куда труднее.

Не обнаружив следов искомого объекта, он принялся неторопливо разматывать снасти.

- Может, пару донок поставим, Михайлович,- предложил спустившийся к берегу Рубен.

Авто поднял взгляд на ясное небо.

- Стоит ли? Ветерок подымается,- усомнился он.

- Попытка не пытка,- не отступал Рубен.

Время шло, рыба на выбранном месте упрямо не желала клевать.

Изнеподалеку доносились веселые возгласы играющих в волейбол молодых людей.

Авто, устав держать вхолостую свой спиннинг, установил его на песке, придавив конец большим камнем.

«Пусть лежит, никуда не денется, все равно клева нет,- подумал он,- если бы только у меня, любителя, не клевало, а то ведь и Рубен пока еще не блещет успехами».

Из-за спины ему вдруг послышался приближающийся смех молодой девушки, который почему-то внезапно утих.

Авто, тут же забыв о нем, вернулся к своим раздумьям, вглядываясь в слегка волнующуюся, голубую водную гладь. Внезапно не слухом, а скорее чутьем уловил, что кто-то резко остановился у него за плечом. Из любопытства полуобернулся, глянул вверх и обомлел от неожиданности.

- Вы, оказывается, к тому же, еще и рыболов?- удивленно спросила молодая девушка в голубых джинсовых брюках, клетчатой майке-безрукавке и модном берете.

- Эх-ка?- вырвалось у него.

- Да! Она!- кокетливо подтвердила девушка.

- Какими судьбами?- продолжал удивляться Авто, привставая.

- Да вот, поднялись сюда немного отдохнуть с моей сестрой и с другом.

- А-а,- протянул Авто,- прекрасно... а мы тут тоже с другом удим понемногу, коротаем досуг. Вот этот друг, Рубен, познакомься!

Эка, обеими руками обнимая белый волейбольный мяч и прижимая его к себе, чуть заметно передернулась и выронила его.

- А мы уже знакомы,- процедила она, переводя взгляд с одного на другого, и кивнула головой в сторону Рубена.

- Да?- удивился Авто.- Когда же вы познакомились?

- Несколько лет тому назад, на птичьем рынке, тогда... ну, помните»

- Когда в вагончике...?- недоговорил Авто.

- Да, да,- скороговоркой подтвердила Эка.- Когда вы продавали моему отцу и сестре попугайчика, я знакомилась с ним в вагончике.

Рубен с трудом, но припомнил и ее, и этот случай.

«Ненормальная!»- заключил Авто про себя.

- Что с вами?- удивилась Эка.- На вас лица нет! Что я такого сказала?

- Да нет, ничего,- поправился Авто, слегка растерявшись.

- Ну, ладно, я пошла, не то меня ждут там,- бросила она вдруг решительно,- если хотите, присоединяйтесь к нам, как раз не хватает напарника- четвертого игрока, да и Ната, думаю, будет рада вас видеть.

И Эка легкой походкой направилась к своим.

- Вы уверены в этом?- бросил ей вслед Авто.

- Насчет чего?

- Насчет Наты.

- А-а? Ах, да! Гарантирую!

«Она заметно повзрослела и похорошела»,- глядел Авто ей вслед. Она, как бы почувствовав, на мгновение обернулась, помедлила и, резко ускорив ход, пошла дальше.

Авто вспомнилось ее давнее упоминанье о том, что она читает мысли на расстоянии.

«Наверняка уловила, о чем я подумал, и, чтоб дать мне понять, обернулась. Как трудно быть футбольным мячом, даже у двух играющих, а в особенности, когда мячу хочется подольше побыть с каждым из них, а они с радостью отбрасывают его друг к другу, избавляясь от него и причиняя ему большую боль».

Авто перевел взгляд на Рубена.

«Все, рыбалке явно пришла хана»,- не без оснований полагал, между тем, Рубен, добавляя с пониманием вслух:

- Идите, Михайлович, это важнее. К тому же там вас уже ждут.

- Ты думаешь?

- Да, да, идите, а за вашими снастями я как-нибудь присмотрю.

- Спасибо, Рубен, ты настоящий друг,- с радостью признался Авто и добавил в шутку изречение из известнейшего мультфильма,- когда водяное перемирие закончится, тебе это зачтется.

- Обижаешь, начальничек,- подмигнул ему с улыбкой Рубен.

Авто был еще на полпути к пригласившим, когда на его спиннинг резко клюнула крупная рыба.

«Вот так всегда в жизни,- возмутился в душе Рубен, подбегая к спиннингу Авто и едва успев сделать резкую подсечку,- мы всегда уходим не вовремя, а ведь это важнее, чем вовремя прийти... Иди ко мне, Тамилочка моя, родненькая,- оговорился он, почуввав крупность пойманной рыбины, приподняв конец удилица и подтянув к себе свой очередной «плавающий» живой приз.

- Знакомься, это Леван, мой друг,- представила Эка компанию присоединившемуся к ней Авто,- а это моя сестра Натали, с которой, надеюсь, вы знакомы.

Авто молча пожал руку Левану, с которым тоже был шапочно давно знаком по церкви.

- Вы подросли вовремя,- признался Леван,- а то эти две сестрицы прострелили меня уже насквозь.

Схватка двух пар завязалась интересная и, как говорится, не на живот, а «на смерть».

Натали, вначале не очень приветливо встретившая Авто, понемногу оттаивала.

Девушки, в отличие от мужчин, не очень увлекались спасением трудных подач, а старались, особенно Натали, не упустить ни малейшей возможности направить к Авто топку, которую он брал не без труда и напряжения, даже в сложных акробатических прыжках, что ее смешило и доставляло большое удовольствие.

«О спорт!- восхищался про себя Авто, носясь по грунтовому берегу, отражая топки и улыбки на ее лице.- Ты воистину мир! Ты примиряешь людей и народы!»

Играли долго.

Очередное взятие сильного удара Натали в падении, завершилось для Авто легким ушибом плеча.

Натали быстро в испуге подбежала к нему.

- Вы ушиблись?- спросила она, опускаясь на колени и протягивая руку к его плечу.

Авто поморщился от боли и тоже потянулся к плечу.

Их руки встретились, как тогда, в зоопарке. Он не спешил отпустить ее ладошку.

- Больно?- спросила она.

- Больно,- подтвердил он,- только здесь больнее,- добавил он, подхватывая и прижимая ее руку к сердцу.

Она глубоким долгим взглядом взглянула ему в глаза, и теплая дрожь пробежала по его телу.

- Почему вы меня мучаете, Ната?- произнес он вполголоса.

- Айда купаться,- призвал Леван,- а то жарко стало.

- Вы не пойдете купаться?- поинтересовалась Ната, освобождая свою руку из плена.

- Боюсь, плечо не позволит,- заколебался Авто.

- Ну, смотрите,- безучастно отозвалась Натали и привстала.

- Идите с ними, а я вас здесь подожду.

- С кем с ними? Эка не купается,- пояснила Натали.

- Почему?- удивился Авто.

- В религию сильно ударились.

- Ну и что?

- Не знаю, поговорите с ней, может быть, убедите? Церковь не рекомендует обнажаться...,- усмехнулась Ната.

Скинув с себя лишнюю одежду, они с Леваном неторопливым шагом направились к воде.

- Она и вправду прекрасна, не правда ли?- спросила у Авто Эка, провожая взглядом Левана и Натали в купальных костюмах.

- Как всякая желанная и недостижимая вершина,- согласился с ней Авто.

«Если бы у нее был такой же, как и фигура, мягкий и ровный характер, то...»- предположил он.

- Как изумительно было бы, правда?- словно закончила его мысль Эка.- Если бы жизнь строилась по нашим сценариям,- добавила она, немного помедлив.

Авто с легкой опаской взглянул на нее.

- В любом случае, Авто, держитесь стойко,- посоветовала Эка,- ибо блаженны любящие, а не любимые. На той неделе я ненадолго еду в монастырь,- почему-то добавила она.

- А я в Рим, на международный семинар-школу орнитологов.

- И кто знает, когда еще свидимся?

- Ходите в церковь, Авто, почаще, там встретимся наверняка. То же самое я говорю Натали, но вас обоих так трудно убедить и уговорить. Причин и предлогов можно найти сколько угодно, но не следует забывать, что вне церкви нет ни жизни, ни спасения. Она ведь, как Ноев ковчег, в котором есть все, что нужно человеку.

- Если бы ее можно было хоть чуть-чуть изменить,- пожаловался с грустью Авто.

- Вам и вправду так трудно с ней?- поинтересовалась Эка.

- Признаюсь, с тобой общаться мне куда легче,- признался Авто.

- Просто нужно принять ее такой, какая она есть. Вот и все!

- А почему?-поинтересовался Авто.

- Потому, что вы ее желаете больше, чем она вас.

- Но этого недостаточно.

- А что же еще?- поинтересовалась в свою очередь Эка.

- У каждого человека свои принципы, свои взгляды... И еще много другого, кроме желаний.

- Вы проигрываете у нее во времени.

- И она этим пользуется?

- Возможно,- призналась Эка,- хотя не советую вам и особенно прислушиваться к моим советам. Я ведь не могу полностью, до самой глубины проникнуть и заглянуть в душу даже свою, не то, что в чужую, пусть и сестры.

- Я не считаю оправданным желание полюбоваться чувствами другого человека, ставить перед чувствами своими, тем более, если этот человек твой избранник, который находится, как вы давеча подметили, в цейтноте.

- Авто, прислушайтесь к моему совету,- вопреки своему давешнему призыву предложила Эка.- Я точно знаю: если вы не примете ее игру, то потеряете ее. В то же время не стоит ей во всем потакать. Ради дружбы с людьми не предавайте Всевышнего, будьте ведущим, а не ведомым.

Авто как бы облили ушатом холодной воды.

- Я привык к потерям,- с болью в душе произнес он.

- Эту потерю вы можете не перенести, потому что вы не с Ним.

- Откуда вам это известно?

- Я же не только читаю мысли, но еще и многое вижу.

- А вы не преувеличиваете свои возможности?

- Как вы думаете, Леван меня любит?

- Иначе его бы не было сейчас здесь,- воскликнул Авто с уверенностью и тут же, как бы поперхнувшись, умолк.

- Признаюсь, мне он тоже не безразличен. Но тем не менее, если бы стал выбор между ним и Ним, - Эка взглянула на небо...- он падет не в его пользу.

Оба вдруг разом умолкли и сосредоточились на заплывах Левана и Натали.

Чуть подале от них проплывал на большой скорости катер, таща за собой на тресе двух молодых парней на водных лыжах, фигурно рассекающих волны и то и дело выделяющих разные трюки.

- Неплохо?!- не замедлила с вопросом Эка.

- Да уж, пожалуй,- подтвердил Авто.

- Я бы тоже с удовольствием покаталась на водных лыжах,- мечтательно протянула Ната, выходя вместе с Леваном из воды и подбегая к сидящим на подстилке Авто и Эке.

- Какая тонкая, белоснежная и прозрачная,- улыбнулся в душе Авто,- как свежевляемая вобла на солнечном свету.

Она сейчас и вправду шла, заслоняя собою солнце, лучи которого пробивались через ее тело, словно рентгеновские лучи, высвечивая внутренние органы.

- А ты умеешь?- изумился Авто.

- У нее разряд по горнолыжному спорту,- подтвердила Эка.

- А по воднолыжному?

- Разве это не одно и то же?- рассмеялась Натали.- Вода и там, и здесь, только там замерзшая, а здесь теплая. Вот и вся разница.

- Хотела бы, значит, попробовать?- уточнил Авто.

- Ну!- задумчиво кивнула головой Ната.- Вообще-то, конечно, попробовать хочется, но честно говоря, интересно, как у меня получится?!

Меньше чем через час Натали разминалась на водных лыжах с помощью катера, пригнанного Авто с причала.

Поначалу шло не совсем гладко, но, путем многочисленных проб и ошибок, падений и подъемов, а также советов штурвального и инструктора одновременно, она с каждой очередной попыткой улучшала и совершенствовала свое мастерство. Под конец заметно устала, почувствовала, как разболелись мышцы ног и рук, поубавилось сил.

Свой очередной заезд она осложнила, как выяснилось впоследствии, размашистым отведением в стороны рук, но на ровной глади, осмелев, попыталась совершить на ходу трюк с разворотом вокруг себя. Выпустила из руки деревянную рукоятку буксирного троса, уже начала поворот вокруг себя, но вторая рука не удержала ее. Упустив буксирный трос, она плюхнулась в воду и, хоть барахталась, как могла, но с ужасом ощутила, что ее тянет ко дну.

Авто, словно ожидавший такого, прыгнул в воду и, опередив катер, рывками подплыл к ней буквально мгновение в мгновение.

Она кинулась ему на шею и повисла на ней.

«Хорошо, если бы так было и на суше»,- достаточно слышно пробормотал он.

- Помогите мне освободиться от лыж,- попросила Ната.

Авто ринулся выполнять ее просьбу, хоть она по-прежнему в страхе льнула к нему.

Он с радостью воспользовался представившейся возможностью и отвечал ей тем же.

Они никогда не приближались друг к другу столь вплотную. Но счастье, как водится, длилось не долго. Вскоре он почувствовал на себе всю тяжесть их взаимной, земной любви, которая и дарила радость и наслаждение, и, в то же время, смешивала все их мечты и планы на дальнейшую жизнь. Их тянуло и одного к другой, и ко дну водохранилища.

Он не мог не понять, что сейчас она принадлежала целиком и полностью ему и даже не отказала бы ни в чем, но и не осознать, что, обретая ее, теряет себя. Желание выжить превысило любовь, при том, что она, напротив, изо всех сил цепляясь за него, готова была и пожертвовать собой, умереть вместе с ним.

Ему вдруг открылось, что сейчас, здесь, в воде, она любила его больше, чем он ее, хотя на суше ситуация виделась ему в корне противоположной.

- Перестаньте на меня вешаться и обниматься,- потребовал он в последний раз,- иначе мы оба пойдем ко дну и подплывающему катеру достанутся лишь воздушные пузыри.

- Я вам припомню это на суше,- улыбаясь и содрогаясь в тоже время от страха, пригрозила она,- а еще в кавалеры метит, ухаживать норовит.

- Интересно как, а?- воодушевлялся он на плаву,- вы впервые обмолвились о характере наших отношений. Говорят, перед лицом смерти не лгут.

- Куда же исчезла ваша галантность?»- съязвила она,- и впрямь, видно, друзья познаются в беде.

- С милым Леванчиком вы плаваете гораздо лучше, чем со мной.

- Какой вы наблюдательный! Я просто устала.

- На море, как и в жизни, нужно все время двигать руками и ногами, чтобы не утонуть,- назидательно напомнил он.

- Да что вы?! А я полагала, что лучше все-таки мозгами. Если бы я знала вас с такой стороны, не решилась бы на столь рискованное удовольствие.

- За удовольствие надо платить.

- Ай,- вскрикнула вдруг она,- у меня свело в судорогу икроножную мышцу!

- Так, без паники,- строго скомандовал он,- наберите как можно больше воздуха, вытяните максимально пятку и ложитесь на спину, раскинув конечности, как крылья. Продержитесь еще немного. Я вас поддержу. Вот уже и катер подплывает. Он заберет нас.

Он помог ей вытянуть ногу на плаву.

- Ну, как, отпустило немного?

- Да, легче стало, спасибо,- с облегчением выдохнула она.

- Ну, вот, так-то оно и лучше,- успокоился он, поддерживая ее и понемногу траля в сторону подплывающего катера.

Она, переборов страх, спокойно лежала на спине, смотрела на чистое и ясное солнечное небо с несколькими раскинувшимися по нему небольшими перистыми облаками, признавала в душе:

«Как прекрасна жизнь, и как хорошо на этом свете»,- и негромко, но слышно лепетала вслух:

- Я хочу, чтоб вы знали об этом, на всякий случай, если мы не доплывем и мне не удастся признаться вам, я вас...

- Любопытно?..

- Нет, я хочу это сказать вам на ухо.

- Лучше скажите об этом на берегу,- перебил он ее,- а сейчас хватит нежиться, беритесь за край борта катера и карабкайтесь на него.

На берегу их ждали перепуганные Эка и Леван. Эти страшные несколько минут показались им вечностью.

- Ну, как вы?- в ужасе бросилась к сестре Эка.

- Нормально,- флегматично процедила Ната, с помощью Авто высаживаясь с катера и слегка прихрамывая.

- Мышцу свело,- пояснил Авто.

Авто и Леван сплели руки, усадили Натали, донесли и высадили на широкую подстилку на грунтовом берегу неподалеку от воды.

- Ладно, не стоит делать из случая драму,- со слегка натужной беззаботностью проронила Натали,- все в порядке, ничего особенного не произошло.

- Ну, ладно, начальник,- успокоился штурвальник катера,- пойду я.

Авто рассчитался с ним с переплатой:

- Сдачи не надо!
 - Ну, спасибо,- двинулся капитан в сторону катера.
 - Ты ведь тоже хотела прокатиться на нем?- спросил Леван Эку.
 - Ладно, сейчас не время,- равнодушно отмахнулась Эка,- как-нибудь в другой раз.
 - Но почему в другой»- возразила ей Ната.- Такой удачный случай.
- Штурвальный приостановился и оглянулся.
- Заберите их на прогулку,- попросила его Ната, поручила Эку Левану, пошутила:
 - Смотри, не урони ее в воду.
 - Хорошо, Ната,- с радостью согласился Леван, увлекая за руку Эку, слегка упирающуюся у него на поводу и то и дело оглядывающуюся назад.
 - Можете не особенно торопиться, вволю полюбуйтесь прекраснейшей прибрежной территорией,- напутствовал их Авто.
 - Хорошо, хорошо,- уже с катера отзывался Леван.
 - Помассируй мне, пожалуйста, правую икроножную,- попросила у Авто Натали, пытаясь вытянуть ногу и прикрываясь широкополой шляпой.
 - Как вам нравится Леван?- явно испытывая удовольствие от трудов Авто, томно бросила вдруг она.
 - Неплохой, кажется, парень,- предположил Авто.
 - Неплохой,- согласилась Ната,- но слишком уж простоватый и не умудренный жизненным опытом. Но любовь...?И море, и Гомер?... все движется любовью...
 - Жизнь всему научит. Да и то, что он рядом с Экой, принесет свои плоды.
 - Философия присутствия немецкого философа Хайдеггера о том, что человек...
 - Да,- перебивая ее, согласился он,- плавание рядом с большими кораблями делает и малые большими. А между прочим, у тебя изрядно покраснела кожа, как бы не оказался ожог.
 - Совсем забыла про крем от загара,- спохватилась она, порывшись в плетеной летней сумочке, отыскала нужный тюбик и бросила ему назад за спину.
 - Я все-таки считаю, что нужно полагаться на то, что знаешь, а не на то, что видишь. За каждым человеком тянется свой шлейф и тяготение представлять все наглядно и предметно.
 - И в то же время он каждый раз формируется снова и снова,- удобно расположился он на коленях, принимаясь за процедуру.
 - Неплохо бы провести и легкий массаж,- попросила она,- так хочется расслабиться, а то мышцы так и ноют. Ну, это а пропо... В то же время,- продолжила она,- человека трудно лишить насущной потребности чувствовать себя живым, уникальным, незаменимым, не лишним, в конце концов.
 - А если сказать попроще, то понимать и быть понятым,- поправил он, разглаживая ей плечи.
 - Естественно,- согласилась она,- ведь еще Аристотель, по-моему, говорил, что человек политическое существо, чем, в сущности, и отличается от животного.
 - Скорее и точнее, думаю, назвать его существом биосоциальным.
 - Биопсихосоциологическим,- подправила она,- как любят сейчас это утверждать психологи, учитывая его тягу к коммуникабельности. Тесемку от лифчика можете развязать, если мешает.
 - Человечество и есть коммуникабельность, как утверждает Кант.

- Одно из его несчастий состоит в том, что люди, подобно стаду, склонны идти за вожаками, лидерами, идеалами, не давая себе труда помыслить лишний раз самим, поискать истину и верный путь своего дальнейшего развития.

- Как приятно... Спасибо вам, Авто. Вы посмотрите, что творилось у нас в стране последние годы и что творится сейчас. Как быстро все в жизни меняется, чуть ли не с космической скоростью, и по-прежнему не в нашу пользу. К чему мы шли едиными и к чему пришли разъединенными?

- Увы, в этом вся суть закона разложений,- пояснил он,- когда одно разложение ведет к другому и т.д. Социальная действительность, увы, мешает и претворению идеала в реальность. Одно разлагается другим, другое третьим... Ноги промазать?- отвлекся он от темы.

- А что, разве они не часть моего тела?- удивилась она, оборачиваясь назад, в его сторону.- Конечно же, идеал не есть нечто, связанное только с объективной действительностью, и даже с субъективной. Но он всегда находится как бы над нею, и это и помогает ему быть стимулятором духовного движения.

Между действительностью и идеалом всегда существует огромный разрыв, который поначалу может и не быть столь заметным, как в конце, при развязке событий.

- Все же, я думаю, общество, если оно даже разочаровывается в своем идеале-избраннике, должно считаться и уважать хотя бы свое раннее мнение, или, сказать точнее, свой выбор, и терпеливо дожидаться окончания срока своего выбора,- заметил он убежденно.

- Однообразие убивает жизнь,- пожаловалась она,- тем более нежеланное.

- Ведь еще Толстой в свое время подметил, что никакие значительные и громкие дела не делаются под шум, гул и грохот, а незаметно, тихо, и как утверждал еще Сенека, все истинно великое рождается медленным, незаметным ростом. Ведь и сама цивилизованность подразумевает в себе отвращение к насилию и убийству вообще, равно как и к войне и террору.

- А вы не замечали, Авто, что мы часто одно и то же в одной ситуации приветствуем, а в другой отвергаем, в зависимости от того, когда и что нам предпочтительнее.

- Да, это величайшие слова Маркса о том, что действия одних часто сталкиваются с действиями других, и в результате получается то, чего никто не желал.

- Времена и люди меняются. И все-таки, думаю, не особенно уж приятно, когда собой распоряжаешься не ты сам и когда за тебя решают, где тебе быть и чем заниматься. Что же делать людям, которым избранная система не подходит или начинает не подходить. Если таких далеко не единицы, не переезжать же им в массовом количестве из страны.

- А что же происходит сейчас, разве не это?- перебил он ее.

- Бегство от голода и нужды, думаю, не то же, что бегство от системы укореняющегося психосоциального мировоззрения. Вы не находите? Вот и этот бок смажьте тоже,- полуобернулась она.

- Карусель мытарств! В одном и том же можно видеть разное,- настаивал на своем он, фундаментально и на совесть делая свое дело, обильно смазывая руки и переключаясь на ее шею.

- Академик Сахаров утверждал, что общество существует для людей и для добра,- вспомнила она, приложив руку к груди и удерживая развязанный лифчик.

- Невозможно быть совершенным во всем.

- В таком случае, может быть, стоит прислушиваться к своему ближайшему разумному окружению.

- Которое может то и дело тебя подводить?

- Ну, так каждый человек сам выбирает и генерирует вокруг себя окружение,- с радостной убежденностью воскликнула она.

- Легко провозгласить республику, как говорят французы, но где взять истинных республиканцев? Нет пророка в своем отечестве.

- Напротив, Чехов считает, что истинные гении всегда сидят в потемках. Подвиг одного, как правило, результат головотяпства другого,- подметила она.- Важнее побед порой оказывается неотступность, и жизнь постоянно изменяет свои традиции.

- Совершенство это путь, а не цель,- высказал, тоже не без уверенности, свое мнение он.

- Любая крайность родная сестра ограниченности, как утверждает Белинский, и разве можно не согласиться с ним в этом?

- В конце концов никто ни над кем и ни над чем не властен. Суть клятвы Гиппократов «Не повреди!» имеет равную силу, думаю, как в медицине, так и в политике, если в последней не большую, так как в ней масштабы повреждений значительно больше, чем в медицине.

- Абсурд не конечная, а начальная точка отправления наших рассуждений, утверждает Камю,- вспомнил он.

- Вот именно! Но и у абсурда, видимо, как и у палки,- минимум два конца,- парировала она.- Но одного положительного явления во всем происходящем в нашей стране, пожалуй, нельзя не заметить. Раскрыть истинную сущность человека можно лишь в экстремальных ситуациях, которых в нашей стране было, как говорится, хоть отбавляй, и почти с каждого сорвана маска и каждый предстал перед обществом и страной в своем истинном виде. Только, видимо, не надо за это порицать и бранить друг друга. Ведь мы, всякий из нас, пришел в этот мир, родился в этой стране, со своей определенной миссией, и, кроме того, мы призваны дополнять и оказывать поддержку друг другу, но только в добрых делах и начинаниях, а не в злодеяниях.

- Реальность, доведенная до абсурда,- фантастика,- подметил Авто, напомнил и пушкинское: - Опыт, сын ошибок трудных.

- Есть множество способов разбить и обустроить свой сад,- полагал Чехов, но самый лучший из них пригласить хорошего садовника... Да ну ее... да и Бог с ней, с этой политикой, довольно о ней, лучше-ка помажьте мне и руки,- попросила она, закинув их за шею.

Он подтянулся поближе, смазал руки по всей длине.

Она, откинув набок голову и смежив глаза, смиренно и послушно полулежала и почти мурлыкала от удовольствия. Мерные движения убаюкивали, по телу растекалась истома, и она понемногу погружалась в дремоту. Участившееся дыхание ритмично колебало ей грудь.

Беседа на политические и спонтанные общесоциальные и философские темы как-то разом увяла.

Он продолжал методично втирать ей мазь и почувствовал вдруг поднимающийся в крови жар. Взгляд от ее тела отвести удалось, но с руками было сложнее.

Завершив процедуру у шеи, он сосредоточил внимание на уже приближавшемся к берегу катере, но непокорные ладони непроизвольно скользнули с предплечий вниз, и он с изумлением, граничащим с ужасом, ощутил под ними небольшую упругую грудь с твердой прохладной оконечностью. Прикосновению сопутствовал ее негромкий протяжный стон.

Он замер. Она в мгновение ока опамятовалась, и их взоры встретились. Лифчик с развязанными тесемками сполз на живот, и на него смотрели не два, а четыре глаза.

- Что вы себе позволяете?- оцепенев, прошептала она.

Он в испуге отвел руки, и открылось то, что они давеча ощутили.

Она подскочила, как ужаленная, подалась вперед, прикрылась руками, кое-как нацепила на себя лифчик и попросила завязать его сзади.

- Какое неслыханное хамство!- задыхалась она.

- Но ведь и это часть вашего тела?- неудачно пошутил он и покраснел.

- Да, но прикрытого! Интересно! Значит, если бы я не проснулась, вы бы могли... Хам! Сейчас же уходите!

Он тяжело поднялся, понурясь, как мальчик, принялся собирать свои вещи.

Она продолжала возмущаться, что-то бубня себе под нос, наделяла обидчика унижительными эпитетами, пока не подбежали с радостными улыбками на лицах веселые и довольные Эка и Леван.

- Что случилось?- вопросительно и слегка озадаченно взглянула Эка на возмущенную Натали и растерянного Авто.- Вы поссорились?

- Да нет! Просто я слишком задержался здесь,- уныло пояснил Авто.- Мне нужно идти, Рубен уже заждался меня там.

Авто собрал наконец свои вещи и, попрощавшись со всеми, а Левану еще и пожав руку, направился к чуть не потерявшему терпение и почти наполовину набившему садок рыбешками разной величины Рубену.

- И нам, наверно, пора, Эка,- встала Натали, и принялась за сборы.- Поздно... видишь, солнце уже в зените.

- Да, пожалуйста, как скажешь!- не возражала Эка, недоуменно переглядываясь с Леваном.

Ветер на море к полудню обычно усиливался и стихал, как правило, под вечер.

Рыболовы в основном не расходились, дожидались вечернего клева, загорающие и купающиеся горожане и гости спешили по своим делам, тем более, что вода под палящим солнцем заметно убывала, оголяя обширную территорию вокруг водохранилища.

II

*Четырнадцатого июля тысяча
семьсот восемьдесят девятого года
король Франции Людовик XVI записал в
своем дневнике одно слово: «Ничего».
Однако в этот день французы взяли
Бастилию и началась Великая
французская революция.*

(Из истории)

«Революция, о необходимости которой так давно твердили большевики, наконец свершилась».

В.И. Ленин

Многочисленные и напряженные предвыборные парламентские баталии между множеством старых и новых партий и национальных и других движений за месяц до выборов в парламент страны получили некоторое, трех-четырёхнедельное затишье в ожидании голосования и объявления его результатов.

Но этим противоборство и борьба за торжество справедливости в стране не только не закончилась, а, наоборот, разгорелась с новой силой.

Среди партий, оспаривающих мандаты в парламент, с обвинениями существующих властей в фальсификации выборов, наиболее рьяно выступали активисты «кмара», национального движения страны, выступления и манифестации которых с каждым днем набирали все большую и большую силу, привлекая все новые слои населения и охватывая все новые районы и регионы страны.

Все шло и двигалось к неотвратимой развязке со всеми признаками революции.

Обстановка накалялась и вела к неминуемому взрыву, которого остерегались обе стороны, памятуя, что страна по горло была сыта кровопролитиями все предыдущие двенадцать лет.

Так или иначе, это общее желание обеих сторон реализовалось в пользу будущего, в пользу не желавших доживать при старых устоях и условиях жизни.

Свершилась наконец революция, к счастью для страны - мирная, названная впоследствии бархатной или революцией роз, которая наполнила проблесками надежды многих людей, многие слои населения страны, и, что знаменательно, свершилась в день святого великомученика Георгия.

Инерция прошлого была еще слишком велика, многое не сразу поддавалось исправлению и в некоторых случаях даже оказывало новому упорное сопротивление.

Как говорится, «ломать не строить», и то, что строится многими десятилетиями, легко разрушается за считанные часы.

Людям подчас бывает трудно отказаться от бывшего полезным и нужным в прошлом. Напротив, свергая то из старого, что когда-то приходилось не по душе, сметают пути, разрушают и уничтожают и многое, что могло бы согдиться, и даже очень, в будущем.

Так или иначе, начало было заложено. Страна напрочь отказалась жить по-старому. Выбрав в начале следующего, нового, года нового президента - перевернула новую страницу в истории своего развития и по-новому, с новыми надеждами на нового президента принялась понемногу набирать темп движения. К решению каждого вопроса нужно было подходить по-новому, а, как известно, сразу за все не возьмешься и всего не исправишь.

Миряне неверующие по обыкновению встретили новый год первого января, позволив себе нарушить в этот день пост, верующие же отметили его в ночь на четырнадцатое января, после Рождества Христова, когда пост завершается.

Религиозный этот праздник любят и отмечают и молодые и готовятся к нему ничуть не меньше, чем к встрече Нового года по новому стилю.

III

Горнолыжная трасса средней сложности была означена флажками, так, что участникам неофициальных, любительских соревнований приходилось сталкиваться с множеством задач, головоломок и требовалось проявить особое мастерство для ее полноценного и полного прохождения.

«Нет, для женщин излишне усложнена»,- думала раздосадованная горнолыжница, подъезжая к финишу и оглядываясь назад, на пройденный путь и по трассе, и по жизни вообще.

Как минимум два флажка поставлены слишком близко друг к другу.

- Не нравится, не ешь,- словно угадывая ее мысли, посоветовала объехавшая ее другая горнолыжница.

«Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала»,- мысленно упрекнула первая свою советчицу, за спуском которой она наблюдала сверху.

Она чувствовала, но не хотела признаваться даже себе, что скорости, маневренность, класс и, наконец, мастерство со времен прошлогодних катаний у нее резко снизились и упали.

«Нет,- упрямылась она в душе,- я все равно должна пройти эту трассу, ведь в прошлом году проходила и посложнее».

Она медленно поднималась на вершину, в очередной раз пользуясь услугами ленточного канатного подъемника, глубоко погружившись в размышления и лишней раз мысленно проходя всю трассу целиком, мимо каждого флажка, словно мимо каждого жизненного испытания.

Она анализировала свои ошибки, ругала себя за них, и пыталась пройти «несданные экзамены», то есть непройденные или плохо пройденные флажки снова и снова, до получения хотя бы относительного чувства удовлетворения. С радостью ощущала и отмечала найденные и открытые именно сейчас параллели, несходства и сходства, соотнося их с жизненными ситуациями, и убеждалась, что страшнее пропуска флажков могли быть неожиданные падения на трассе с ушибами или травмами, а то и, кто его знает, с летальным исходом. Но кто же принуждал горнолыжников проходить трассу вообще?

Конечно же, в данном случае, никто. Подгоняло личное, субъективное желание, подпитываемое ощущениями и удовольствием, которые дарит головокружительный спуск по трассе.

Взлетая на вершину, горнолыжница в спецэкипировке почему-то думала и о том, как человек, взрослея, с нарастающими годами начинает улавливать жизненные проблемы, аспекты и актуальность задач, стоящих перед современным человеком и обществом, прилагать немало труда и усилий, чтоб догонять, не упускать время и идти в ногу с ним.

Наиболее удачливым, трудолюбивым и везучим это удастся через кропотливый, в некоторых случаях и каторжный труд, и, к счастью, они настигают в конце концов время и «переднюю линию» научно-технического процесса и долгое время им даже удастся идти в ногу с ним.

Но рано или поздно наступает время, когда даже незаурядные счастливики все-таки осознают, что начинают понемногу отставать от жизни. И это неумолимо нарастает вопреки их желанию и стараниям, и в конце концов становится очевидным, что время и жизнь сильно их перегнали и настичь и ухватиться ни за что невозможно, а можно лишь бросить взгляд вдогонку, махнуть на щету своих потуг и продолжить движение сначала по инерции, а потом по мере своих возможностей и сил.

Еще не одна попытка молодой горнолыжницы увенчалась далеко не абсолютным успехом.

И вот она идет медленной тяжелой походкой по снежной дороге, к пансионату, одна, одинокая, побежденная, раздавленная, переминаясь с одной на другую лыжу, опираясь на палки. Идет, глотая слезы и упрекая себя: «Меньше надо сладкого трескать, кофе попивать да баловаться сигаретами... тогда и неудач таких не будет». С ужасом думает о том, что будет с ее результатами на будущий год, если ей повезет снова приехать сюда, и из-за спины к ней доносился звон колокольчиков запряженной в сани тройки коней. Вот уже совсем близко раздался знакомый мужской голос:

- Не горюй, красавица! Когда жизнь закрывает перед тобой двери на каком-то одном поприще, это означает, что она откроет ее на другом. Вопрос за малым - отыскать эту дверь.

«Он дверь нашел, и все в нем изменилось!»- вспомнила она и, не дожидаясь, пока сани объедут ее, обернулась на ходу, опешила и упала.

Сани тотчас остановились.

Не в силах приподняться на ноги, которые сплелись от неудачного и неожиданного падения, она машинально ухватилась за сильные мужские руки, мгновенно поднявшие ее.

С изумлением узнав своего помощника, уже стоя на ногах и отряхивая прилепившийся снег, запальчиво вскрикнула:

- Я в вашей помощи не нуждаюсь!

- Полно вам, Натали, дуться, я и вправду не хотел тогда обижать вас, просто так получилось,- улыбаясь, просил пощады увернутый в теплую телогрейку мужчина,- ну, простите же хотя бы по истечении времени.

Натали долго шла огорченная, досадуя на своего «спасителя», обгоняя сани одна, непокорная, непоколебимая, но к пансионату подъезжала уже в объятиях и в телогрейке.

- Спасибо вам,- нехотя пробормотала она,- за то, что подвезли. Но ни на что больше не рассчитывайте.

- Кроме одного вечера, сегодняшнего, в уютном ресторанчике,- улыбаясь приглашал Натали «спаситель».

- Не в коем случае!- возражала она.- Спасибо, и на этом все кончено.

- О кей! Значит, договорились. Я жду вас в «Натали»^ в семь вечера,- галантно уточнял спаситель, направляясь к саням.

«Интересно,- почувствовала она себя заинтригованной,- видно, и вправду новый ресторанчик открыли, надо же, как-никак моя тезка, но все равно с этим хамом я никуда идти не собираюсь»,- воспротивилась себе, поспешно снимая с себя телогрейку, бросая ее в сани и уставляясь в глаза «спасителя».

«Они у него добрые и красивые»,- подумалось ей произвольно.

«Спаситель» сперва замешкался, но тут же опаматовался, ухватил ее за локти, притянул к себе и склонился к губам. Почувствовал частые удары и натиск в грудь, но в поцелуе некий отзыв и протяженность.

«Зачем ей эта игра» Кому ей не хочется признаваться? Себе? Мне?.. Кому?!»

Его протрезвила сильная пощечина, такая, что она даже вскрикнула.

- Не знал, что у тебя такие сладкие губы и такая сильная рука!- невольно вырвалось у «спасителя», искривившегося от боли и схватившегося рукой за щеку.

- Поехали!- бросил он и, оглянувшись, успел заметить, как она в изнеможении провожает его взглядом.

«Придет, непременно придет»,- подумал с радостью, уже теряя ее из виду.

Вечером они сидели за небольшим столиком в ресторанчике, с шампанским в бокалах, друг против друга и говорили обо всем том, с чего следовало бы начать знакомство, и, что самое главное, пополняли информацию о жизни той и другого в прошлом, об интересных ее событиях и о взглядах на будущее.

Вечер выдался теплым, уютным, было много шампанского, красного вина, закусок, сладостей, музыки, танцев.

Натали, чтобы сделать ему небольшой сюрприз, слегка подкрасила себе левую щеку в пандан к его пострадавшей.

Это не осталось незамеченным и для нескольких глаз с соседних столиков, воспринявших пятно как очередную моду.

Натали же гладила взглядом след своей вспыльчивости, часто повторяла слово «спаситель», раз даже проронила «милый», уже к концу вечера, перед расставанием, когда он выяснял, какими судьбами она попала сюда.

- Приехала с коллегами. Директор организовал нам, через профсоюз, почти недельный уикэнд во время зимних каникул.

- Профсоюзы еще существуют?- удивился Авто.

- Как видишь! Я ведь здесь. А как ты сюда попал»

- У меня только одна возможность попадать туда, где я оказываюсь. В связи с работой. Я тоже здесь не один, приехал на региональную конференцию орнитологов.

- Ах, вот оно что? А я-то думала...

- И правильно думала. Двигатель работы...

Ната рассмеялась.

- Хотя, признаюсь тебе, такого со мной еще не бывало.

- Так что же мы делаем сейчас в этом ресторанчике»

- Я пытаюсь нащупать шанс...

- А-а, ну, тогда пошли танцевать, я тебя приглашаю.

- Цена ошибки порою слишком велика,- разоткровенничался Авто в медленном танце с Натали,- существуют две дилеммы: как удержать того, кто хочет уйти от тебя...

- И как прогнать того, кто уходит не желает!

- Откуда тебе это известно?

- Кто завязывает узел, тому его и развязывать. Ничего не дается легко! Я не играю, нет. Это судьба и жизнь играют мною и всеми. Трагедия изначально не в человеке, а вне его, во всем, что его окружает.

- Я не могу с этим согласиться. Ничто так не мешает истинному чувству, как разум, и ничто так не мешает настоящему разуму, как эмоции.

- Это что, басня Крылова - о лебедь, раке и щуке?- скользнула рука Натали по его руке.

- В борьбе между разумом и чувством рано или поздно побеждает либо одно, либо другое. Как может быть иначе»

- Да,- согласилась Натали,- встречается логика с очень сильной эмоциональной сферой, но она при этом играет подчиненную роль, чувства выступают слугами разума. Но немало и людей-этихов, с сильным, но подчиненным чувствам рассудком. А к какому типу относитесь вы»

- Я орнитолог. Всего лишь. И предпочитаю чувства, дух, плоть и разум направлять в одну сторону.

- О-о, и как вам это удастся?

- Мне помогает в этом небо.

- Забавно. А что же делать нам, не птицам?

- Стремиться к небу. Тоже!

- Но как, у нас ведь нет крыльев?

- Довольно для этого одного желания и чистого сердца, от коего и разум становится чистым.

- Ну, допустим, мне хочется взлететь вот сейчас. И как это сделать?

Натали отвела руки с его шеи и взмахнула ими в такт мелодичной музыке, что привлекло внимание окружающих.

- В этом должна участвовать головка,- улыбнулся Авто,-могу устроить желающим полет, который запомнится на всю жизнь.

- Любопытно!- задумалась Натали.- Желаю. А когда?

- Завтра, утром. Воскресенье, и наша секция не работает.

- Договорились. Но это не будут прыжки с трамплина вниз головой»

- Не совсем. Завтра все будет ясно.

- Отвори дверь, и узнаешь все.

Грустная музыка, и грустное время. Оно идет, и все меняется. Неудержимое и неуловимое... Почему Авто так скучно жить на этом свете? Мысли, и те невероятно стареют. Устаешь и тупеешь от работы, от суеты, от толпы... что же делать?

- Избегать толпы, как призывал Платон. А святые отцы вообще советуют лишь трудиться, избегать людей и безмолвствовать, и сим можно спастись.

- Но ведь это не всем под силу?! Каждому ведь свое...

- Смена состояний по методу перемен тоже иногда дает небольшую передышку.

- Да, пожалуй. Это то простое средство, к которому мы все прибегаем. Что будет, если вскипяченной воде не дать выйти наружу паром.

- Следующий танец слишком уж энергичный. Я не люблю его. Вернемся за столик?

- И все-таки, что ни говори, худой мир лучше любой ссоры. Не правда ли?- спросила она, усаживаясь.

- А там, глядишь, и, может быть...- с надеждой отозвался Авто.

- Умение в ожидании.

- Или в любви?- посмотрел он ей в глаза.

- Нетерпением делу не поможешь. Отчаянная любовь видит лишь внешнее и не проникает в суть вещей,- отвела она взгляд, пригубив из изящного хрустального бокала шампанского.

- Нужно все-таки идти на взаимные уступки,- настаивал он.

- В любом случае, даже если хочешь выйти из игры, начатую партию нужно доиграть до конца.

- Силу узнает сила, сердце - сердце.

- А боль узнает боль. В жизни порой приходится идти не только на взаимные, но и на полные уступки.

- Самопожертвование?- с грустью произнес Авто.

- Да! Но не волнуйтесь, я не склонна к этому и без взаимного чувства могу быть некоторое время покладистой, покорной, но бессердечной.

- Сердцу не прикажешь?

- Да, безусловно. Хотя порой из-за этого мы многое и теряем. Любят глаза, и это заметно,- утешила она его взглядом.

- Ученые говорят еще о некотором опосредованном лечении, которое происходит через общение и присутствие близкого, желанного человека,- поймал он этот взгляд.- Если честно, Ната, мое чувство существует в моем воображении. Я привязался к вам, и, как ни странно, мне очень хочется окольцевать вас.

- Так же, как и птиц?

- Да! Чтобы, куда бы вы ни полетели, на память обо мне у вас оставалось мое кольцо, а вернее мои кольца.

Он вынул из кармана два небольших футлярчика.

Она с любопытством взяла в руки оба.

Он говорил, она не отвечала, примеряла кольца, одно из которых было дорогим ювелирным, а второе простым, для кольцевания птиц, с выгравированными ее полным именем с фамилией, датами.

Ей понравились, одно пришлось ближе к душе, другое к разуму.

- Мне бы наверняка сейчас очень помог граф Калиостро,- предположил вполголоса Авто,- великий маг реализации и материализации чувств.

- Истинный художник копирует не натуру, а свои воображение и чувство, и ты во многом превзошел сейчас великого мага,- покатила по ее щеке слезинка.

Она приподнялась с места и через столик легко коснулась его губ.

- Я люблю, мой граф Калиостро,- затянула она прикосновение, чем снова привлекла к себе внимание соседних столиков.

- Золото возникает из ртуты на десятые сутки, а любовь возникает из неприязни на пятнадцатые. Мне же понадобилось гораздо больше времени, так что я сильно отстаю от графа.

Натали с радостью и сдержанной улыбкой надела на палец правой руки колечко кольцевания.

Помедлив, несмело потянулась и ко второму, надела на палец другой руки:

- Спасибо! Очень, очень красиво!- взмахнув в воздухе руками, снова через стол потянулась она к нему.

Позвонил мобильный телефон Авто.

- Михайлович, где вы и как, мы тут волнуемся за вас,- послышался голос.

- Нормально, все хорошо, Рубен. Окольцовываю главную в своей жизни птицу.

- Вау! Ну, и прекрасно!- возликовал голос.

- Птицу на водохранилище помнишь?

- Ну! А моя помощь там вам не нужна?

- Нет. А моя?- поинтересовался Авто.- Короче, смотри у меня, приглядывай как следует.

- Хорошо, хорошо! Все будет о кей.

Связь неожиданно прервалась.

Авто и Натали еще долго, чуть не до полуночи беседовали в уютном небольшом, недавно открытом ресторанчике.

Авто проводил оживившуюся Натали до самой двери ее комнаты в пансионате, впрочем расположенном неподалеку от ресторанчика.

Шли пешком, медленно, неторопливо. Авто рассказывал забавные случаи из своей кочевой орнитологической жизни. Старался выбирать посмешнее, потому что ему больше нравился ее смех, чем ее разговоры.

- Ну, так до завтра?!- полувопросительно обратился он к ней уже у самой двери.

- До завтра!- звонко отозвалась она, пронзая его пристальным, каким-то магическим взглядом.

Он коснулся ее губ и, словно сорвав с них поцелуй, уже было отошел, как вдруг она слегка подтянула его за галстук к себе.

- Не уходи,- выдохнула почти шепотом,- останься сегодня. Я попрошу подругу перебраться вниз, а ты останься.

- Не знаю, Ната,- смущенно помялся он,- завтра предстоит очень интересный, но трудный день.

- Не завтра, сегодня,- шепнула она ему прямо в ухо. Выпитое будоражило ее, между тем как он, пару раз по пути отерев лицо снегом, отчасти вышел из-под его действия.

- Сегодня... сегодня,- протянул ей Авто брошюру.

- Что это такое?- отшатнулась она.

- Прочитай.

- Что это?! Учись летать на... Не вижу, здесь темно,- капризным тоном бормотала Натали, опуская брошюру в просторный карман утепленной куртки.

- Завтра!

- Да?

- Да.

- Ну, смотри,- погрозила она указательным пальцем, оттолкнула его и с шумом прошла к себе в комнату.

IV

Утром Натали разбудил призывный глас Авто, подкатившего под ее окно на тройке с санями в компании с какой-то парочкой.

- Так быстро рассвело?- удивилась Натали, поглядывая в окно, поеживаясь и не рашаясь выйти на небольшой балкончик.- Но я не выпалась!- показала она рукой на часы и объяснила жестами, что может быть готова не ранее, чем через полчаса.

Авто покорно кивнул головой.

«Да, надо порядком прихороситься,- думала Натали, оглядывая себя в зеркале ванной комнаты.- Хорошо мужчинам: вскочил, оделся по-солдатски и пошел. Можно даже не причесаться и не умыться».

- Знакомься, это Рубен, а это Тамила,- представлял ей Авто через полчаса своих спутников.

- С Рубеном мы знакомы, а с Тамилей нет,- уточнила она, устраиваясь в санях и здороваясь.

Женщины очень скоро нашли общий язык.

- А куда мы, собственно говоря, направляемся?- спохватилась Ната на полпути.

- Сюрприз,- приложил указательный палец к губам Авто.

Тройка подкатила к двум длинным складским помещениям на гребне невысокого пригорка у околицы небольшого городка-зимнего курорта.

Ната вспомнила о вчерашней книжонке, которую Авто вручил ей в полупотемках, в коридоре пансионата.

Нашарив ее в кармане куртки, прочла заглавие.

- Учись летать на дельтоплане!- повторила она вслух.- С ума сошел»

- Ты что, прочла?

- Когда бы я успела?

- Жаль, пригодилась бы в небе,- поднял взгляд Авто.

- А я не собираюсь лететь!

Вскоре Рубен с Тамилей, а потом и подоспевший на подмогу Авто подготовили к полету два небольших двухместных дельтаплана.

- Да, но я ведь совсем не умею,- со страхом пролепетала Ната, теоретически оценив в уме возможности полета.

- Главное не умение, а желание,- пояснил Рубен.

- Если отважишься, не пожалеешь,- посверкивая глазами, принялась уговаривать Тамилу,- слушайся его в воздухе, если хочешь, чтоб он слушался тебя на земле. С ним не страшно. Это ведь он научил нас.

Натали устремила вопросительный взгляд на Авто.

«И вправду сумасшедший! Ну, хорошо, но я ведь забыла каску и лыжи»,- пыталась уцепиться за «откопанную» спонтанно причину отказа Натали.

- Хочешь, я тебе дам свою?- предложила Тамилу.

- А тебе она не нужна?

- У меня их две, одна запасная. Пройди на склад, примерь, выбери одну. Заодно подбери очки, лыжи и все, что пригодится в полете и при посадке. Там есть полный комплект экипировки.

Два чувства боролись сейчас в Натали.

С одной стороны, она хотела испытать ощущение открытого полета, сравнить с полетом на лыжах, когда прыгаешь с небольших трамплинных вышек, с другой,- опасение от своей неопытности и первичности полета все-таки одолевало.

- Поверь мне, прыгать на лыжах с трамплина куда опаснее и сложнее, чем летать, как птица, на дельтоплане,- убеждал ее Авто.

- Да, но я даже не застрахована,- выдвинула новую причину Натали, но тут же сосредоточилась: «Хорошая идея, нужно будет застраховаться. Хотя бы на случай, если посчастливится попасть сюда еще раз».

- Не настаивайте, Михайлович. Она ведь явно выискивает причины, чтобы не полететь,- обиделся Рубен.

- Надо было взять с собой Гелу,- с досадой проговорил Авто.

- Да, но ему и вправду нездоровилось,- воскликнула в недоуменье Тамилу.

- Ну, ладно, ребята, вы летите, а мы с Натой вернемся в пансионат,- приуныл Авто.

Некоторое время подавленно помолчали.

- Летать, как птицы,- давняя и извечная мечта человека,- обронил вдруг Рубен.
- Ну, хорошо, я рискну,- с ужасом решила Натали.
- Вот и молодчина,- подбодрила ее Тамилла,- вот увидишь, ничего страшного нет, а удовольствие неопишное. Когда еще подвернется такой случай.

- Вольному воля,- подбодрил и Рубен,- большому кораблю большое плавание.
Пардон, воздухоплавание!

- Кто хочет, тот может!- так говорил, кажется, Высоцкий,- вспомнил Авто,- однако небольшую консультацию по этой книжечке, ну, так называемый экскурс, я с тобой все-таки проведу. А Тамиллу я попрошу подобрать для Наты полную экипировку.

Рубен продолжал возиться с дельтапланами.

Авто и Ната просматривали брошюру. Трудней всего оказалось воспринять и объяснить случаи и характер возможных при дельтапланировании травм.

Ната недоумевала, не все понимала с полунамеков.

- Ты ведь не прочь...- окольными путями приступал Авто.

Натали безотчетно кивала.

- Так вот, в воздухе...

- А-а...

Чуть больше, чем через полчаса, дельтапланеристы были почти готовы к старту с не очень высокого склона. От точности выполнения самого сложного этапа во многом зависел успех их предстоящего полета.

Командирами «лайнеров» стали, что и говорить, мужчины. Вскоре они уже проверяли направление ветра по ленточкам на передних растяжках и мысленно проигрывали весь полет и свои действия в возможных ситуациях.

- Рубен, первыми взлетим мы, а вы следуйте за нами. Летите, не отдаляясь,- распоряжался Авто.- Будь предельно собран, внимателен к Тамилле и готов к любой неожиданной ситуации.

Тамилла улыбнулась, а Авто активизировался в наставлениях:

- Чутко фиксируй изменение углов атаки воздушных потоков, вовремя передавай управляющие воздействия на рулевую трапецию.

Сказывалось опасение подвергнуть участников полета каким-либо проблемам или травмам.

- Авто, я боюсь,- в ужасе пролепетала Ната.

- Да? А я-то думал, что...

- И то, и другое,- с нарастающим испугом призналась Натали.

- Так что же больше?

- На всякий случай,- коснулась она губами щеки Авто,- кто его знает, вдруг там такой возможности не окажется.

Только сейчас они почувствовали всю остроту и глубину своих чувств, осознали, что созданы друг для друга, и чуть позже поняли, что и для неба.

- Ну, с Богом, поехали!- взмахнул рукою Авто, как некогда предводитель восставших Спартак, двинувший их за собою вперед.

С крутой заснеженной горки спускались на лыжах против ветра, в необходимой полной экипировке, постепенно наращивая скорость спуска, пока наконец не оторвались от склона и не взметнулись в воздушную высь.

Летели долго и красиво, в режиме планирования над окрестностями курортного городка, и у каждого было, как поется в известной песенке, «...огромное небо, огромное небо, одно на двоих».

К счастью, полет для обеих пар проходил удачно и благополучно.

Натали испытывала подлинное блаженство. Мурашки пробегали по ее телу. Она внутренне визжала от удовольствия и счастья. Полет в небе с любимым человеком. Каково?

В голове проносились лучшие события и моменты прошлой жизни и казались сейчас ничтожно малыми и бесцветными по сравнению с испытываемым сейчас наслаждением от полета.

Авто то и дело жестами и мимикой показывал на пробегающие внизу полянки, озерца и перелески, деревни и городок с рассеянными купами садов, дворов и строений. Прелестная несущаяся мозаика!

«А я боялась!»- попрекала себя Натали.

Начали понемногу снижаться. Метрах в пятнадцати от Земли, завершив повороты, зашли против ветра, выравнивая крены и выдерживая дельтапланы, приземлились на белоснежную гладь на лыжах, прокатившись на них еще несколько десятков метров.

- С благополучным приземлением, Натали,- поздравил Авто.

- Это было чудесно, фантастически,- восклицала она в восторге,- спасибо тебе!

- Ну, Тамилочка, с очередным успешным полетом и приземлением!- поздравил свою пару и Рубен,- можешь отстегнуть ремни. Еще парочка таких полетов, и, думаю, можно будет пробовать себя в совместных полетах на Шатлах, по программе американских астронавтов «NASA»,- предположил он.

Тамила в ответ улыбалась и жмурилась от удовольствия.

Откатив дельтапланы на ровное место неподалеку, принялись их складывать и заталкивать в специальные чехлы.

До ближайшего строения было до часу пробежки на лыжах, так что к нему подошли уже изрядно подуставшими.

Хозяева небольшого деревянного домика оказались людьми радушными и встретили прибывших если не с восторгом, то вполне приветливо.

Пригласили путников к камину, где трещали в огне сучья деревьев, самими имизагодя припасенные в лесу.

- Есть и квота на вырубку, за что мы платим определенную сумму,- пояснил хозяин, старичок лет семидесяти.

Предложили парного молока и хачапури. Путники отказывались, просили несколько минут передохнуть и согреться, а там дальше в путь, чтоб добраться дотемна.

- Успеется, успеется,- возражал хозяин,- мне вас сам Бог послал.- У нас вот такие же дети, как вы. Позабыли они что-то нас, раньше чаще навевались из города, а теперь куда реже, так что живем мы с женщиной от приезда до приезда.

- Не держат обещания?- рассмеялась Тамила.

- Да ладно, лишь бы живы были, здоровы, а мы тут продержимся.

- Как, совсем не помогают?- оторопел Рубен.

- Помогают маленько, по возможности,- вмешалась подоспевшая с кувшином молока и хачапури хозяйка,- да разве дело в деньгах. Угощайтесь, пока молоко теплое, а хачапури сейчас согреем на кецах!

- Спасибо, спасибо, не надо беспокоиться,- противился Авто.

- Выпивку не предлагаю,- заглушал его хозяин,- дорога еще не малая, к тому же вы с дамами.

- Ну, что вы, отец,- благодарил Рубен,- и этого слишком.

- Ну, такого молока вы в городе не попробуете,- уверял хозяин.

- Куда там!- соглашались с ним.- Там все порошковое, канцерогенное, кодированное буквой «Е». И другие продукты тоже. А разные консерванты вызывают разные серьезные, порой смертельные заболевания.

- Рвемся к легкой, беззаботной жизни ценой своего здоровья.

- У нас в деревне и воздух чище, и продукты лучше.

- Зато пенсия стала меньше,- с улыбкой возражала мужу хозяйка.

- Какая жирная пенка у вашего молока,- изумлялась Натали,- чем вы кормите коров зимой?

- Соломой, чем же еще,- отзывался хозяин,- ну, и тем, что у нас остается.

- А откуда солома?- интересовалась Тамила.

- Немного заготавливаем сами, немного докупаем,- объяснял хозяин.

- Ну, хоть в этом дети вам помогают?- добивался Авто.

- Помогают! Приезжают летом отдыхать со своими семьями и заодно помогают... немного.

Просидели, согреваясь, около часа и снова двинулись в путь «на своих на двоих»- на лыжах.

Путь предстоял нелегкий и долгий.

Заметнее всех подустала Натали. Она плелась позади группы, и Авто пришлось перейти с ведущей, передней позиции в замыкающую, заднюю, подбадривая утомленную то словами, то лыжными палками.

- Двигайся, Ната, не останавливайся, если хочешь жить. Движение - способ существования материи!- хохотал он.

Натали жаловалась, молила сделать недолгий привал, на что все и согласились-таки почти на подступах к курортному городку.

Еще издали Натали заметила, как несколько жителей прямо на дороге жгут изношенные огромные тракторные покрышки и греются у огня. Она собралась с последними силами и на одном из отрезков пути даже вырвалась вперед.

- Не отбивайся от группы,- предостерегла ее Тамила.

- Пусть, пусть! Оставь ее,- перебил ее Рубен спокойным тоном,- там у деревенских такие большущие собаки на воле бегают и они так любят женщин с палками, что ради такой поживы готовы на многое!

Натали в испуге притормозила и вернулась на прежнюю позицию.

- Интересно!- возмущалась она.- Вам, мужикам, не угодишь. Идешь впереди - не беги, отстаешь - не ползи. А как же, как же идти?!

- Ровно и в ногу со всеми,- улыбаясь предложил свой вариант Авто.

У самых подступов к пансионату Ната совсем выбилась из сил.

- Правое колено заклинило!- пожаловалась она. Попрошавшись с Рубеном и Тамилой, не без помощи Авто доковыляла до номера, опираясь и полуобняв его за шею и плечи.

- Понакомься, Верико, это мой друг Авто,- бросила она, входя, сидящей на постели и читающей книгу женщине, которая встретила ее удивленным взглядом.- А это моя

коллега Верико,- обернулась к своему спутнику. Почти на одной ноге, вприпрыжку добралась до своей застланной одеялом кровати и чуть ли не упала на нее.

- Что вы с ней такое сделали?- вскричала в изумлении Верико.

- Ничего, небольшая перегрузка, пройдет,- успокоила ее Ната.- Помоги мне снять куртку.

- С удовольствием,- вызвался Авто.

- Не буду вам мешать,- буркнула Верико,- пойду вниз.

- Ты нам не мешаешь,- попыталась удержать ее Ната, освобождаясь от порядком влажной верхней одежды.

Верико все же ушла, хлопнув за собой дверь.

Натали прямо в комбинезоне юркнула под одеяло и в изнеможении смежила веки:

- Слава Богу, я было подумала, что мы никогда не дойдем.

- Прости меня,- оправдывался Авто,- надо было обдумать другой план возвращения. Но я не предполагал таких трудностей.

- Колено ноет,- пожаловалась Ната,- помассируй, пожалуйста.

Авто опешил, но мгновенно нащупал под одеялом колени и провел по нему сильной рукой.

- И все равно сегодня все было чудесно,- настойчиво повторяла она.- Пожалуйста, чуть-чуть ниже, а?- попросила она, поднимаясь и усаживаясь в постели.

- Как здесь хорошо топят,- подметил Авто,- что, и горячая вода идет?

- Ну, а как же? За такие-то деньги! На улице холодно, трещит крещенский мороз, хоть его и не чувствуешь, когда двигаешься. Осознаешь, только когда примешь горячий душ и в постель в теплой комнате. Это чудо, вот бы и у нас дома в городе было отопление.

- Центральное?

- Конечно, центральное! У нас-то благодаря папе проблем с этим нет. Индивидуальное отопление! А у других? Не приемлешь до конца ни вкуса еды, ни света и тепла, когда рядом с тобой множество близких этим обделены.

- Не хотели Советской власти, и вот...

- Да, но и без нее в мире умудряются не голодать и не холодать. Просто, когда что-то делаешь, а тем более разрушаешь, надо думать и действовать с умом.

- У разрушения ума быть не может,- пояснил Авто.

- Ты имеешь в виду «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим»?

- С тобой трудно спорить.

- А ты не спорь, а делай, как нужно. И не переходи границ,- предостерегла она.

- Как вам удалось достать путевки? Ведь у профсоюзов их нет.

- Как?- усмехнулась Ната.- Наш Гиви Досифеевич - наш профсоюз.

- Это который тогда приезжал за вами в зоопарк»

- Да. А что?

- Да ничего. Чтобы не переходить границ дозволенного, я закончил.

- Что это вдруг с тобой?- растерялась Ната.

- Так,- уныло произнес Авто.

- Ты ревнуешь?- немного помолчала Ната.

- Он увивается за тобой,- отрывисто бросил Авто.

- Ну, и пусть! Что в этом плохого? Мало ли сколько поклонников может быть у девушки.

- Я, пожалуй, пойду,- засобирався Авто.

Ната удержала его за руку и посмотрела в глаза.

- Нельзя же человеку запретить желать и добиваться своего?

- Нет, конечно,- согласился Авто.

- Его желания и стремления понятны, но это его проблемы. А мои - мои. Я уже не раз отказывала ему и заявляла, что между нами ничего, кроме дружбы, быть не может. Вот и все! Как говорится, «красная линия» проведена. Я не люблю двойной игры и тем более не собираюсь вести ее с тобой. И очень надеюсь на то же с твоей стороны.

Авто пристально взглянул на нее.

- Хотя в чем-то сходимся,- произнес с облегчением, полусогнутой кистью погладив ее щеку.

Ната уловила его недоумение и колебание:

- Останься ненадолго.

- Нет. Не буду мешать,- решительно отверг Авто ее предложение,- тебе надо принять теплый душ, привести в порядок себя и успеть к ужину.

- Успею!

- Я уже не приглашаю тебя никуда этим вечером.

- О, да! Право, на сегодня достаточно.

- А завтра?

- Завтра! Завтра у вас вроде рабочий день.

- Завтра я выступаю с докладом. Если хочешь, приходи. Я к этому дню долго готовился.

- А нога?- поморщилась Ната.- Сомневаюсь.

- Ну, как хочешь!

- А вечером? Лучше вечером.

- Во второй половине дня. Хочешь?! Если хочешь...

- Хочу.

- Ну, ладно, договорились. Стало быть, пополудни.

- Идет. Да!- с радостью и кокетливо согласилась Ната.

Авто повернулся и направился было к двери.

- Ну-ка на прощанье!- слегка удивленный вернулся Авто к ее изголовью и, наклонившись, коснулся губ.

- После душа наложи на колено терпимо тугую повязку и не снимай подольше.

Он как-то отстраненно затворил за собою дверь и направился по коридору к лестничной клетке. Дорогой ощутил, что тоже порядком устал.

«С женщинами все же морока!»

На лестничной клетке встретил возвращающуюся Верико и вежливо попрощался с ней.

«Хорошо, будет под присмотром».

Утром случилось совершенно непредвиденное. Он не выступил на конференции с докладом, к которому готовился все последнее время и весь вчерашний вечер. Даже выпроводил Рубена из номера, чтоб не мешал.

Поручив прочесть свой доклад Рубену, а проконтролировать его Тамиле и Геле, с утра двинулся к Нате. Впервые в жизни послушался разума и поступил по велению сердца.

То, ради чего в последнее время жил, творил, готовился и ждал, нес сейчас к ногам своей избранницы: «Что ж, для каждого мужчины наступает такой счастливый день»,- думал в пути.

На стук в дверь Ната спросонья отозвалась неохотно.

- Так рано?- удивилась, увидев его на пороге.- И с цветами! Но ведь я еще сплю! Впрочем, можешь поставить цветы в вазу,- вприпрыжку вернулась она к кровати.

- А где Верико?- любопытствовал Авто.

- Завтракать, наверно, пошла.

- А ты?- вспомнил Авто шутку из кинофильма «Афоня».- Верблюд, что ли»

- Сам верблюд!- со смехом бросила в него Ната подушку.

Между ними завязалась шутивная недолгая борьба.

- Лежачего не бьют!- визжала она.

- Смотря кто лежачий,- сдерживал ее натиск Авто.

- Ну, погоди у меня!- и впрямь озлилась Натали.- Отпусти, не то укушу!

«А она сильная!»- подумалось Авто. Схватив и соединив обе ее руки в своих, он «пригвоздил» ее наконец к кровати, как одолевающий борец укладывает противника на обе лопатки.

- Все, сдаюсь!- признала она наконец поражение, окончательно выбиваясь из сил, и пристыдила его:- Победил! Полусонную женщину! Молодец! Настоящий мужчина!

- А ей нечего бороться с мужчинами, все равно их не победишь!- освободил победитель соперницу из плена.

- Что это ты в такую рань?- поинтересовалась та, приводя себя в порядок.

- А ты не рада?

- Нет, конечно же!

- Ага, ну, хорошо, тогда я пошел.

- Ну и иди!

- И не приходишь больше?

- Не приходи!

- Хорошо,- направился он к двери и только было взялся за ручку выходной двери, как перед ним во всей красе предстала взлохмоченная красавица в ночном пижамном костюме:

- Подожди внизу, в вестибюле, я мигом.

- Ага-а, хорошо!

- Только учти, я тебе этого нарушенного утра никогда не прощу.

- Идет!

Авто сквозь большие окна вестибюля пансионата следил взглядом за падающими с неба снежинками.

«Надо же! Ученые подсчитали, что в течение всей жизни человек бывает счастлив в сумме всего несколько часов,- вспоминалось ему,- кто его знает, может, это минуты, из которых и складываются счастливые часы»?

Ната подошла крадучись сзади, и закрыла ему руками глаза.

- Тамила, Рубен,- нарочито напрягаясь, перечислял Авто и остановился на Верико.

- Тоже мне, угадчик!- насмешливо воскликнула Ната.- Кошмар, какая погода! И куда это ты собрался?- неуверенным тоном спросила она.

- Увидишь!- загадочно понизил голос он.

Во дворе они постояли, с любопытством наблюдая, как дети скатывали большой снежный ком. Неожиданно они пустили ком с горки. На нарастающей скорости он обволакивался по пути снегом и на глазах увеличивался в размере.

- О чем задумался?- подтолкнула Ната под локоть Авто.

- Совсем как падение человека... Чем дальше, тем хуже. И только большой преграде под силу остановить его...

- А зачем останавливать? Разве не интереснее наблюдать, как и куда он катится?- удивилась Ната.

- Даже если к гибели?

- Ну, ладно! Нельзя же все время философствовать. Можно и поразвлечься на отдыхе!

- В твои годы, возможно, еще да,- неуверенно отозвался он.

- Тоже мне, старик нашелся!

- Знаешь, я никогда раньше не чувствовал, что время бежит так быстро. Дальше, должно быть, это чувство со временем будет ощущаться больше, расти, как этот снежный ком.

- А что ты предлагаешь? Можно время, если не приостановить, то хоть замедлить.

Авто взглянул на облачное небо, заметил небольшую стаю мелких перелетных птиц.

- Пытаюсь узнать у них.

- У кого это у них?

- У перелетных птиц, которые с такой легкостью пересекают все часовые пояса.

- Пожалуй, ты прав, в полете выигрывает время и человек. Вот возьми космонавтов, отправляющихся в долгие полеты к далеким цивилизациям.

- Как хочется успеть познать не вселенную, нет, а хотя бы самого себя, полностью...

- А зачем?

- Ну-у,- Авто помялся,- возможно, чтоб получше и побольше узнать о создателе, который сотворил нас и вселенную.

- Разве это возможно?

- Думаю, отчасти да.

- Сомневаюсь. не пытайся объять необъятное,- советует Козьма Прутков.

Спор и беседа продолжались вплоть до катанья на тройке с бубенцами, прогулки и скачек на белых одиночных лошадях, полета на моторных санях, на простых санях с горки и с трамплинами по пути, торопливого обеда в небольшом, стилизованном под сказочный, ресторанчике, вечерней посиделки в кафе-баре пансионата с музыкой, светомузыкой, беседы полушепотом за укромным, уютным, уединенным столиком.

Авто медленно, полунамеками как бы готовил Нату к самому важному событию в жизни, между тем как она чувствовала, что он медлит, затягивает, что она давно решила, и что все остальное уже лишнее, хоть и приятное. Ей было хорошо рядом с ним, она чувствовала себя свободно, раскрепощенно, и, что самое главное, нарастала уверенность, что в дальнейших отношениях он легко уступит ей первенство и готов ради нее на многое. Безусловно, она может стать самой важной, а может, и жар-птицей, в свою очередь готовой осыпать его золотыми перьями счастья.

Она не понимала, почему он медлит, для чего эти проволочки, когда выбор с обеих сторон сделан и очевиден.

Она добилаь того, чего не удавалось ни одной женщине в его жизни. Он поставил ее впереди даже своих любимейших перелетных птиц, которые разносили по всему миру в беспредельном воздухоплавании по кругу частички его сердца, души и любви к ним.

«Что такое»? Чего он тянет»?- недоумевала она после очередной неудачной попытки сблизиться и объясниться.

Она не без страха готова была переступить даже через черту стыда и возможных сплетен.

- Не будем опережать события, Ната,- вновь обескуражил он ее после прощального поцелуя у ее двери,- всему свое время.

- Но ведь так хочется быть вместе,- изумленно запротестовала она.

- Моя любовь к тебе куда больше желания быть с тобой. Хорошо бы, чтоб ты поняла и прочувствовала это поглубже.

- И ради этого ты решаешься на такую жестокость?

- Мы, люди, не имеем права, ради нашей любви и дружбы, предавать любовь и дружбу с Ним.

- С кем это с ним?- вздрогнула Ната.

Авто поднял глаза к небу.

- Ты и вправду сумасшедший!- заключила она, и ее легкое веселье сменилось легкой же грустью.

- Ладно, Ната,- успокоил ее Авто,- скоро новый год по старому стилю, не стоит расстраиваться...

- Завтра мы опять будем вместе?- спросила она в надежде.

- Завтра и отныне всегда. Правда?

- Правда!

Она прильнула к его груди.

- Значит, правда?

- Правда!

- Никогда ни на кого не променяешь»

- Никогда! Ни на кого!

Он встряхнулся, почему-то вспомнив старую, но не забытую песню о том, что не след обещать «деве юной любви вечной на земле».

Они расстались у двери, сквозь которую она прошла несколько опечаленная, но все же радостная и счастливая, и почти всю ночь напролет делилась своими чувствами с Верико.

Утром она, не сходя с места, с нетерпением ждала его появления.

Он не появился даже к обеду.

Приуныв, она в смятении отправилась искать его сама. Тамила с Гелой рассказали, что ранним утром он получил неожиданный звонок, вместе с Рубеном срочно уехал в город и просил их извиниться перед ней за него, что они и намеревались вскорости сделать.

Натали почувствовала, как это известие словно изнутри сломало ее, как тонкую ветку дерева, без малейшей перспективы восстановить ее изначальную цельность.

Она обомлела от неожиданности. Понурившись, направилась обратно, назад, к себе в пансионат, недоумевая и не умея оценить его поступок.

«Что бы на минутку заехать и попрощаться?»

Шок продолжался долго, несколько дней.

V

Вечером, накануне старого нового года, неожиданно для всех, в пансионат приехал Гиви Досифеевич с сыном.

- Тетя Ната,- с радостью кинулся к ней ребенок.
- Тимошка, не забыл меня?- опустившись на корточки, обняла она его.
- Нет, нет... что вы? Ведь вы мне как мамочка.
- Лучше расскажи, как ты, как твои дела дома и в школе»

Ребенок чуть-чуть растопил ее сердце.

С Гиви Досифеевичем она, в отличие от своих сотрудниц, поздоровалась крайне сухо и скоро удалилась к себе в комнату.

- Что с ней?- поинтересовался тот.
- Возлюбленный ее бросил,- пояснила Верико.
- Как это бросил?
- А вот так, взял и бросил. Ходил, гулял, развлекался с ней все эти дни, а в одно прекрасное утро взял и уехал, даже не попрощавшись.
- Сволочь!- возмутился Гиви Досифеевич.- Замучил! Я ведь предупреждал!
- Разве мало таких?!- поддержала его Верико.
- Ладно тебе, не заводись,- остановила ее Мери,- Гиви Досифеевич только что приехал, нужно дать ему отдохнуть.

- По какому праву вы оскорбляете человека?- вернулась к собравшимся Ната.

Гиви Досифеевич замер и слегка даже побледнел.

- Не быть любимым это всего лишь неудача, не любить - вот несчастье,- процитировала Верико из Альбера Камю,- не стоит ссориться и портить радость встречи,- попыталась она смягчить ситуацию.

- Тетя Ната, а где вы живете?- подбежал к Нате Темо.
- Пойдем, покажу,- Ната взглядом попросила разрешения у Гиви Досифеевича.
- А Анна тоже с вами?- расспрашивал мальчик.
- Смотри, помнит ее,- подхватив на руки, унесла Ната его к себе в комнату.
- Ну, что, девочки, вам и вправду здесь так нехорошо?- рассмеялся Гиви Досифеевич, направляясь с сумкой через плечо к администратору.
- Ну, что вы, Гиви Досифеевич!- перебивала друг дружку стайка следовавших за ним сотрудниц, наперебой рассказывавших о прелестях их недолгого, но такого веселого зимнего отдыха.

Гиви Досифеевичу достался номер во втором этаже, на котором жила Мери с одной сельской учительницей, а этажом выше Ната и Верико.

Устроившись и отдохнув немного с дороги, он спустился вниз посмотреть телевизор, а заодно пригласил всех своих сотрудниц в двенадцать часов ночи вместе встретить старый Новый год в столовую пансионата, где уже пестрела и переливалась разубранная елка.

Сотрудницы прихорашивались и наряжались в комнате Наты и Верико.

Ната не принимала участия в общей суматохе и идти на встречу отказалась.

- Как так можно?- протестовала Верико.- Человек обеспокоился, приехал, а мы вместо благодарности капризничаем и огорчаем его?
- Он прекрасно мог встретить этот праздник, где угодно и с кем угодно,- поддержала ее Мери,- но поехал в такую даль...

Растерялся и Тимошка.

Препирательства продолжались и ни к чему не привели.

Мери одни за другими примеряла перед зеркалом сережки.

Верико подправляла прическу цилиндрической расческой.

Ната, сидящая в позе «лотоса» на постели перебирала вместе с Темо карточки из детской игры «Собери меня» и складывала с ним зимний пейзаж.

Незадолго до двенадцати часов ночи удалая тройка - Верико, Мери и Темо - почти насильно тащили за собой упирающуюся Натали.

- Ну, что, думаю, новый год на нас не обидится, если мы подкрепимся чуть пораньше,- заявил, должно быть, проголодавшийся за хлопотливый день Гиви Досифеевич.

- Нет, конечно!- дружно согласилось с ним все застолье.

.....

В кромешной тьме и тишине послышалось, как по серной дорожке коробка прошла и зажглась ярким пламенем спичка, поднесенная к удерживаемому рукой длинному позолоченному стержню.

Стержень вспыхнул с шипением и стал вдруг разбрасывать по сторонам разноцветные искры.

- Красиво как!- вскрикнул женский голос.

- Здорово, ничего не скажешь,- согласился с ним мужской.

Сгорающий с катастрофической быстротой штырь от цветных бенгальских огней завис над небольшим накрытым столом, осветив сидящих за ним четырех человек.

Горящие штыри сменяли друг друга, проходя через руки каждого, и, наконец, снова сосредоточились у одного.

- Мака, ну, хватит! Побаловались немного, полно,- урезонивал мужской голос.

Но подпаленный штырь все ближе и ближе придвигался к небольшой искусственной елке невдалеке от стола, словно любопытствуя, каковы могут быть последствия его проделок.

- Не бойся, Владик, от бенгальских огней она не загорится,- уверяла Мака.

- Да кто тебе это сказал?!- вспыхнула одновременно с возражением Владика ярким пламенем от поднесенного к ветке горящего штыря бенгальских огней елка.

- Леван, быстрее, горим!- вскрикнул Владик.

- Эка, отойди от стола и включи свет!- бросил в темноту Леван.

Владик подхватил бутылку от пепси-колы и облил горящую елку.

Мака и Эка взвизгнули.

Леван, прикинув, что огонь может добраться и до гардин на дверях в соседнюю комнату, скинул с себя пиджак и накрыл им полыхающую красавицу.

- Пойдем! Скорей уйдем, дорогая, нам здесь делать нечего,- как бы уговаривая, вынес он горящую елку на лестничную площадку собственного дома.

Все разом вздохнули с облегчением, но совсем из охватившего их состояния выйти не могли и в шоке представляли себе, что могло бы произойти.

- Вот, непослушная такая,- поругивал Владик примолкшую от испуга и почувствовавшую за собой вину Маку,- дом бы сгорел в два счета. Твои родители еще, может быть, и успели бы выбежать из первого этажа, но старшая сестра сгорела бы точно.

- Ну, ладно тебе, Влад, хватит, довольно пугать ее. Обошлось, и слава Богу. Видишь, и так на ней лица нет, да и все мы перетрухнули,- примирительно убеждала Эка,- больше так никогда и не будет. Правда, Мака?

Мака все ниже склоняла голову и отмалчивалась.

Леван тем временем отряхивал свой пиджак и с расстояния вытянутой руки вглядывался в следы от недавнего пламени.

- Да-а, костюм, конечно, накрылся,- констатировал он с сожалением.

- Ничего, Леван, купим тебе получше,- не поспешил на обещание Владик.

- Да обойдусь как-нибудь, дома и другой найдется, главное, что справились с огнем,- с облегчением отмахнулся Леван.

- Тебе, брат, надо было в пожарные идти, а не в компьютерщики,- с улыбкой подбодрил его Владик.

- Да уж!

Девочки быстро убрали следы пожара.

- Ну, довольно! Мака, включи телевизор, уже, наверное, и старый Новый год прозевали,- хватился Владик.

- Длинная цепь злодеяний вела Черного Ларсена к неминуемой гибели,- послышалось из телевизора.

- Мака, это про тебя,- усмехнулся Леван.

- Так это же фильм с участием Чарли Чаплина.

- Ну! «Золотая лихорадка»,- подтвердила Мака.

«Хорошо, что родители ничего не слышали и сестра спит, не то не миновать было бы хорошего нагоняя»,- с тревогой думала Эка.

- Ну, ладно! Фильм уже старый, а год новый. Переключайтесь на другую программу и давайте к столу.

Канонаду современной пиротехники кое-где поддерживали и ружейные выстрелы, ну и за новогодними столами, конечно же, у тех, кому выпала такая возможность, дополняли залпы пробок из-под шампанского.

- Ну, ребята, с настоящим, окончательным Новым годом!- торжественно провозгласил Владик, чокаясь с дружно поднятыми бокалами.

- За всех нас и за наших родных и близких,- поддержал тост Леван.

- Да! За тех, кто сейчас спит и кто сейчас бодрствует, кто на первом этаже и кто на последнем, кто в городе и кто за городом... - детализировала его Эка.

- За всех, за всех,- вышла из оцепенения и Мака.

.....

- Ну, мои дорогие, за всех вас,- провозгласил Гиви Досифеевич, чокаясь сначала со стаканчиком сына, наполненным современным лимонадом «спрайт», а потом со сбежавшимися над центром стола бокалами коллег, в один голос воскликнувших:

- И за вас с Тимошкой!

- Всех благ на весь год, и чтоб старые беды, горести, заботы и проблемы остались позади,- звучало из-за всех столов.

Понемногу тосты сменялись танцами, песнями и даже легкими спорами.

.....

К часу ночи ребенок заклевал и запросился спать.

- Я пойду с тетей Натой, а не с папой,- упрямылся он в ответ на строгие возражения отца.

- Пойдем, Тимошка, ладно. Я тоже устала,- согласилась Ната.

- Гиви Досифеевич, не ругайте ребенка, пускай поспит сегодня у нас,- обрадовалась Верико.

- Что ж, пусть будет по-вашему,- пришлось отцу уступить.

- Ты тоже с нами,- капризничал Темо.

- Ну, пойдем! А вы,- обратился он к оставшимся за столом Верико и Мери,- подождите меня. Я скоро вернусь.

- Ступайте, а мы, если пригласят, потанцуем!

- Ты гляди! Ну, раз так, я остаюсь!

Темо закапризничал снова.

- Идите, Ната, мы с Мери тоже скоро поднимемся,- пообещала Верико,- двери оставь открытыми.

Гиви и вправду на удивление скоро вернулся, но Мери тем временем успела принять приглашение к танцу.

- Вот видите, Гиви Досифеевич, как вам подчиняются некоторые из ваших сотрудниц,- рассмеялась Верико.

- Да, вижу! За вами нужен глаз да глаз!- изобразил на лице свирепость директор.

Ната рассказывала Темо сказку за сказкой до тех пор, покамест он не уснул, а потом и сама прилегла.

Поворочавшись с боку на бок и не в силах смежить глаз от усталости, решила принять теплый душ, памятуя о том, как он благотворно действует на самочувствие, снимает утомление и поднимает настроение.

За душем последовало купанье, потом снова душ, сквозь шум которого она уловила стук захлопнувшейся входной двери. «Вот и Верико подросла!»

- Верико!- позвала она.- Дай-ка мне, пожалуйста, большое полотенце...

Раздался приглушенный скрип растворившейся двери, она потянула было руку за полотенцем, и вдруг почувствовала за спиной сильные мужские руки.

- Ай,- в ужасе вскрикнула она и различила сквозь пар уже неумолимого Гиви Досифеевича.

Она упрашивала его не трогать ее, уйти, противилась, но вынуждена была подчиниться.

Легкая, омытая, но разбитая и подавленная, она пролежала, не смыкая глаз, почти до утра, но к рассвету, изнемогая под грузом убийственного стресса, все же уснула.

Она могла ожидать всего, но что впервые это произойдет так неожиданно, так банально, второпях, с почти нежеланным мужчиной, предположить было невозможно.

От Верико происшедшее она скрыла.

Утром, когда Гиви Досифеевич пришел за ребенком, притворилась спящей.

- Не просыпалась еще?- шепотом спросил он у Верико.

- Нет еще! Всю ночь проворочалась, видимо, сейчас досыпает,- рассказала та.- Я помогу вам одеть ребенка. А вчера успели дать ему лекарство, когда поднялись во второй раз?

- Нет, он уже спал,- тяжело вздохнул он.- Ничего, дам сегодня...

Подождав, пока Верико оденет ребенка, он ушел с ним, не оглянувшись.

В пансионате он пробыл еще всего один день, хотя рассчитывал остаться на несколько.

Чтоб избежать возможных подозрений, сославшись на деловой звонок из города, а также возникшую у Мери необходимость отъезда, в спешке уехал с ней на машине утром следующего дня.

А через день покинули курортный городок и Ната с Верико.

.....

- Ну, а теперь выпьемте за новообрученных,- просиял Леван,- которые едва дотерпели до окончанья поста, и пожелаем им до великого поста успеть и обвенчаться.

Его поддержали негромким «ура».

Владик и Мака взглянули друг на друга, отрывисто и коротко поцеловались, а Мака добавила:

- И чтоб поздравили с тем же Левана и Эку.

- Вот бы,- протянул с грустью Леван,- я-то готов, а вот Эка...

- Что Эка?

- Чего затягивать?! Может, вместе сообразим свадебное путешествие?

- А ты готов просить моей руки у моих духовных родителей, Церкви-матери, Христа-Спасителя отца?- улыбнулась Эка Левану.

- Ну, почему же! Я ведь иногда бываю там с тобою,- оправдался Леван.

- Бывать иногда недостаточно.

- Да, но я не могу стать фанатично религиозным человеком,- растерялся Леван.

-Если бы ты знал, что такое фанатизм, то не говорил бы так.

- Почему ты все время переводишь разговор в эту плоскость? Хочешь ссоры или испытываешь мое терпение?- огорчился Леван.

- Мы с тобой, к сожалению, говорим на разных языках,- огорчилась и Эка.

- А что нам мешает говорить на одном?

- Твое упрямство! Помнишь: «Да воздастся каждому по вере его»?

- Не будем ссориться, правда?- подала голос Мака.

- Они не ссорятся, а спорят,- перебил ее Владик.- И правильно делают. Отношения лучше выяснять до того, как связывать судьбу. В споре, в конце концов, рождается истина.

- Истина давно уже рождена, еще до сотворения мира. Истина эта - Иисус Христос, как жизнь, как первоначальный свет, как путь, по которому следует идти тем, кто желает жизни, счастья и воскресенья.

- А что же делать верующим в меру?

- Отличить верующего от неверующего нетрудно. В первом много внутренней энергии, огня, или духа, а неверующий, как выжатый лимон.

- Эка, полно тебе, я знаю очень многих неверующих, которые живут очень даже ничего и даже припеваючи, с легкостью и весельем,- вмешалась Мака,- только не подумай, что я приветствую это, я лишь констатирую факт.

- Придет время, и смех их обратится в плач.

- Эка, к чему этот богословский спор в новогоднюю ночь?- приуныл Леван.

- К тому, что у всего есть свои законы и правила,- пояснила Эка.- Ты не желаешь участвовать в главных церковных таинствах, исповедоваться, причащаться, говорить с моим духовным батюшкой о своих серьезных намерениях на счет меня, а между тем,

если кому-то нравится какая-нибудь овца в стаде, то он идет и говорит об этом в первую очередь не с родителями овцы, хотя и без этого не обойтись, но с пастырем стада, и только последний вправе и волен отдать просимую овцу. А после переговоров мой духовный пастырь - мой батюшка.

- Но ты ведь не овца?

- А кто же, по-твоему?

- Птица!

- Перелетная? Летающая от одного избранника к другому?

- Ты курица, вот кто,- обиженно бросил ей Леван,- и желаю тебе в этом году наконец образумиться, не то терпение мое может оказаться бесконечным.

- Ну, и катись на все четыре стороны!

- И покачусь! Пошли, Мака, танцевать.

- Эка, может, не стоит так нагнетать отношения» Он ведь так тебя любит,- засомневался Владик.

Эка вконец расстроилась.

- Пошли,- чуть ли не силком увлек ее Владик потанцевать.

Он танцевал с лучшей подругой своей невесты, которая, в свою очередь, танцевала с его другом.

«Круг замкнулся,- подумал почему-то Владик,- в любом случае, как бы мы ни старались, не в той, так в иной комбинации, нам суждено быть вместе».

- Надолго ли?- словно читая его мысли, спросила Эка.

- Надолго, надолго! На оставшуюся жизнь,- утешил ее Владик.

- Но жизнь коротка.

- Но слова и любовь, равно как и слава, могут оказаться вечными.

- Марк Туллий Цицерон»

- Да.

- Древние греки снаряжали грандиозные круглосветные морские путешествия на кораблях лишь для того, чтоб услышать, усвоить хоть одну новую мысль, одно новое слово и привести их на Родину, а мы даже ленимся пойти пешком в ближайшую церковь, хотя бы в воскресенье, чтоб услышать, узнать, понять, принять и почувствовать что-то новое, полезное для души, плоти и разума.

- Да, Эка, ты права,- согласился Владик,- но ведь насильно туда никого не заманишь. Ведь ты сама говоришь, что никто не придет к Богу-Сыну, если на то не будет воли Бога-Отца.

- Ну, полно тебе препираться с Экой,- попеняла, между тем, Левану Мака,- ну, уступай ей немного, ну, хоть в чем-то. Помнишь слова Черчилля о том, что стоит несколько месяцев уступать женщине ради того, чтоб обладать ею всю жизнь?

- Не об уступках, во-первых, речь, а об ухаживании,- ловил ее на неточности Леван,- а во-вторых, стоит уступить лишь раз, и в дальнейшем будет...

- Не будет, не будет!- перебивала его Мака.- Обещаю!

- Вот это да! Она обещает за свою подругу! Люди за себя не всегда могут поручиться, а она...

За столом, вопреки урезониваниям, тема все же продолжилась.

Леван, несмотря на просьбы и уговоры Эки, больше, чем остальные, напирал на выпивку.

- И у нас,- огорченно заметила Мака,- эта зараза очень распространилась. Пьют без меры, по поводу и без повода.

- Основная причина это «с горя»,- пояснил Владик.

- Да,- протянула Мака,- горе происходит как раз от питания. Болезни и беды подкрадываются незаметно, змеей обвивают тело, сильней и сильней, опасность обнаруживается, как правило, запоздало, и змей уже не отпускает жертву.

- Не бойтесь, я меру знаю,- стоял на своем Леван.

- Апостол Павел еще когда призывал не напиваться даже вином, а возмещать его благодатью Святого Духа,- подключилась к беседе Эка.

- Слушай, Владик,- смеясь, защищался Леван,- твоя будущая жена ведет антиалкогольную пропаганду, а сколько выпивки выставила на стол?

- Разве это по-советски?- в тон ему пошутил Владик.

- Да,- обрадовался поддержке Леван,- совсем не по-советски,- и прикурил-таки сигарету, которую девушки давеча не без труда отняли у него.

- Каждый человек приходит в мир со своей определенной миссией, и следует выполнять ее, а не предаваться бессмысленному времяпрепровождению, за что придется держать ответ перед всевышним.

- А наша сегодняшняя встреча тоже бессмысленное времяпрепровождение?- запальчиво воскликнула Мака.

- Нет, просто нужно, чтоб Леван кое-что усвоил,- смягчилась Эка.

- Да? Я полагал, что у человека всего два воспитателя,- снова вспыхнул Леван,- его родители, кто-то еще - это уж слишком.

- Ну, будет, Эка,- взмолился Владик,- когда еще удастся побыть всем вместе.

- Тогда останови его,- заколебалась Эка,- гляди... ему нельзя больше пить.

- Ладно, Эка, сегодня же Новый год. Владик вас отвезет.

- За тех,- раздалось примирительно и даже грустно,- кто не дожил до Нового года, пусть им отворится царствие небесное.

- Да, их немало... не выдержавших разрухи и голодухи... да и сейчас пачками гибнут. Не далее, как вчера слышал по телевизору, что убиты два двадцатидвухлетних парня...

- Ну!

- Отец Парнаваз в проповеди заметил, что не проходит недели, чтоб не пришлось отпевать хотя бы одного молодого парня.

- Парни погибают, а их подружки высканивают замуж за иностранцев. Что же будет дальше?

К утру немножко приморосило.

- О!- воскликнул Леван, садясь за руль,- вот и первый новогодний сюрприз, вместо первого снега.

Эка в тревоге попыталась оторвать его от руля.

- Давай, Леван, слезай, будь человеком,- просил Владик,- я отвезу вас.

- Тоже мне, трезвый нашелся!- вмешалась Мака.- Повезу я, иначе на что же мне права.

- Кто тебе права дал, тому я душу мотал!- расхохотался Владик.

- Заткнись, дурак,- обиделась Мака, прибегнув и к помощи подзатыльника.

- Да у них потасовка похлеще нашей!- взглянул Леван в салонное зеркало.

Эка удивленно оглянулась.

- Леван, ты друг мне в конце концов или не друг?- в шутку отбивался Владик от Маки.- Пусть садится за руль, не то она вовсю взялась за меня.

- Чего не сделаешь ради друга!- вздохнул Леван, уступая место водителю Маке.

Мака поспешила занять его.

- Тогда и ты, Эка, ступай сюда, а я буду инструктировать,- целесообразно рассадил всех Владик.

- Только ты мне не мешай и не указывай,- предупредила Мака Владика, покорно воздевшего «руки вверх».

- Нет, что ты? Вот только музыку негромко включу.

Леван вскоре уронил голову на плечо Эки. Она попыталась от него отстраниться, на что тот пригрозил ей пойти пешком. Угроза сработала, и вскоре он несколько распоясался и слегка приобнял соседку.

Машина сдвинулась с места одновременно с поплывшей по салону музыкой.

- Нужно было немного больше прогреть ее, тогда бы она у тебя не клевала на ходу,- назидательно заметил Владик.

- Да ну, ничего!

- Мака, ради Бога, медленно,- попросила Эка.

- Не волнуйся, не больше шестидесяти километров в час.

- Да поезжай быстрее, не плетись только, за машину я отвечаю,- горячился Леван.

VII

- Мя...у... Ма...у... Ма... а... у... у...- затянули в сгущающихся вечерних сумерках дворовые кошки.

- Аав, гав, гав!- огрызались на них прижившиеся во дворе собаки. С недавних пор такие диалоги длились до самого утра.

- И чего это они, Лия? Март, что ли, сейчас или в конце концов январь?- удивлялся Рамаз.- Не пойму, с чего это все переладилось и переместилось.

Жучка не преминула подать голос, лаем опережая с ответом хозяйку.

- Подожди, Жучка,- пригрозил ей Рамаз,- я Лию спрашиваю, а не тебя.

- Пусть ее, Рамаз... пусть отвечает. Мне-то откуда знать? Что, я когда-нибудь кошкой была?

- Кошкой не кошкой, а на носу старый Новый год, январь месяц. Вроде не так холодно на дворе. Вот и воют по новому стилю, как волки.

Жучка подтвердила его соображение лаем.

- Да ну тебя,- отмахнулся от нее Рамаз.

- Папа, а на старый Новый год Дед-Мороз тоже придет?- вбежал с вопросом Акакий.

- Нетушки, ишь чего захотел! Разбежался! Дед-Мороз приходит раз в год. В Новый...

- А на старый кто?- не замедлила с вопросом и Анечка.

- А на старый Новый год по двору гуляет дог,- устрасяюще прорычал Рамаз,- как увидит его кот, цапнет лапкой дога тот...

- Папа, что-то в этом году Дед-Мороз подкачал, неважные подарки принес,- пожаловался вдруг Акакий.

- Это почему же?- насторожился Рамаз.

- Конфеты у нас есть и так. А вот бенгальские огни, хлопушки, салюты... Па, в следующий раз, когда будешь Дед-Морозом, лучше дай нам денег. Мы-то сами лучше знаем, что нам нужно.

- Мать, ты слышала, что они плетут?- оторопел от неожиданности Рамаз.

Лия улыбалась находчивости своих детей.

Вскоре родители слушали небольшой детский экспромт-концерт у освещенной, ярко украшенной небольшой искусственной елки.

Неожиданно раздался телефонный звонок.

- Алло, Рамаз Михайлович, это вы?- спросил знакомый голос.

- Добрый вечер, Роза Григорьевна, как поживаете?

- Я-то ничего, а вот вы как?

- Ну, и мы ничего, пыхтим с Лией понемногу.

- Стало быть, вы не знаете, что нужно делать в таких случаях?

- А что?

- Левой рукой добраться до правого плеча и двенадцать раз постучать по нему, а потом то же самое другой рукой. После этого выполнить небольшое дыхательное упражнение. Двенадцать медленных вдохов с поднятием обеих рук и столько же выдохов с опусканием. А вообще неплохо еще опустить обе ноги в ведро с теплой водой.

- Лия, на помощь, в чем я провинился?- вполголоса чуть слышно проскулил Рамаз, отодвигаясь от трубки.

Лия с удовольствием слушала детский концерт и вопросительно посмотрела на Рамаза.

- В таких случаях на сердце приходится большая нагрузка, и что, если мы его немного разгрузим, а? Правда, хорошо?

- Это хорошо, что ты зеленый и плоский,- раздалась по телевизору слова из известного мультфильма.

- Ну, почему, почему это хорошо?- вопрошал крокодил Гена, на сей раз в один голос с Рамазом.

- А потому, что когда лежишь в зеленых газонах, тебя никто не заметит... а берем сумочку и привязываем к ней веревочку...

- Роза Григорьевна, меня сердце не беспокоит...

- Для кого же я это так подробно рассказываю?

- Не знаю, ей-Богу!

- А что же вас тогда беспокоит? Голова?

- Нет, то есть да, то есть нет, да...

- Дело в том, что на солнце в эти дни взрывы, и это отразилось на здоровье почти каждого человека, многих холодный циклон даже прибрал, а теперь вильнул хвостом и приказал долго жить. А что же вас-то все-таки беспокоит?

- Глаза, немного,- подумав, решил остановиться Рамаз.

- О-оо,- радостно протянула Роза Григорьевна,- так у меня же на этот счет есть отличный йоговский прием: нужно в течение нескольких секунд в упор смотреть на солнце, и затем...

Рамаз приложил к трубке ладонь и вполголоса спросил у Лии:

- У Розы Григорьевны телефон не платный?

В ответ на что та пожала плечами, зато Анечка звонко повторила ответ:

- Платный, детка, платный, но сыновья позволяют мне говорить с интересными людьми столько, сколько мне вздумается.

У Рамаза волосы заметно вздымались дыбом, но он продолжал выслушивать поучительно-познавательные рассуждения соседки.

- И еще один, немаловажный, вопрос, Рамаз Михайлович. Во втором этаже по междуэтажному перекрытию просочилась вода. Течет откуда-то с верхнего этажа. Не от вас ли, случайно?

- Нет, Роза Григорьевна, не от нас!

- А откуда вы знаете, может быть...

- Как откуда? Я, что ж, не живу в своем доме? Или я слеп?- осекся он, вспомнив, что совсем недавно шуточно жаловался ей, что страдает глазами.

- Да, но утечка может произойти и в толще стены!

-Может... но я не уверен...

- Не вызвать ли нам милицию?

- Это еще зачем?

- Ну, как же зачем» У них очень широкие полномочия. Вот пусть и устанавливают место и причину утечки!

- Роза Григорьевна, да вы что» Они не справляются со своими прямыми обязанностями, воров не могут поймать, а вы хотите, чтобы они вам еще и функции жековских сантехников выполняли?

- Ну, хорошо, хорошо, извините, пожалуйста! Вы, может быть, и правы. Протекает-то не на моей стороне, а чего я волнуюсь? Просто хочется сделать людям добро. А вообще... сделаешь что-то хорошее раз или два, и тебе тут же вменяют это в обязанность... и со временем начисто забудут про добро, которое уже сделано.

- Роза Григорьевна, у меня молоко убежало на кухне... хотите, дам трубку Лие?!

Лия судорожно отмахнулась растопыренными пальцами вытянутых рук.

- Хорошо, хорошо, Рамаз Михайлович, не надо Лию, я тоже пойду,- согласилась Роза Григорьевна.

Под самый Новый год Рамазу позвонили с работы. Сообщили, что заболела его смена, и попросили выйти на ночное дежурство. Лия нехотя покорилась, и, когда удалось уложить детей, он отправился.

VII

Новенький автомобиль частной службы скорой помощи, оснащенный современным технологическим медицинским оборудованием, с бешеной скоростью мчался на рассвете по пустым улицам спящего города. Сидящие в нем готовились к столкновению с происшедшей трагедией.

- Михайлович, поглядите, что там творится,- показал водитель взглядом на признаки дорожно-транспортного происшествия.

«Жигули» врезались в ярко украшенный массивный кедр и теперь валялись колесами вверх у обочины дороги.

Вокруг толпились несколько зевак и сотрудники дорожной полиции, подоспевшие первыми.

Рамаз с бригадой выпрыгнули из почти остановившейся машины и подбежали к пострадавшим, которых уложили на газоне на попавшихся под руку подстилках.

Рамаз узнал знакомый голос прежде, чем увидел того, от кого он исходил, а увидев, в ужасе замер.

- Эка, что с вами?- вскрикнул он.

- В открытый люк угодили, дядя Рамаз,- вздрогнула и расплакалась Эка, размазывая грязь и кровь от ушибов и царапин на лице.

Он попытался было поднять ее и отнести в машину, но она, перепуганная, визжала, рыдала и умоляла оказать сначала срочную помощь своим друзьям, сидевшим до аварии на передних сиденьях:

- Мы с Леваном ничего, обойдемся как-нибудь. Спасайте Владика и Маку!

Рамаз при виде друзей, которых просила забрать Эка, ужаснулся.

Он быстро разобрался в ситуации, отозвавшись на просьбу Эки, бросился к Маке, которая за рулем пострадала больше всех и лежала теперь без сознания на газоне. Без чувств был и Владик, в отличие от чудом спасшихся пассажиров, сидевших на заднем сиденье и выпрыгнувших в распахнувшуюся заднюю дверь.

Рамаз быстро проверил пульс у обоих тяжело пострадавших.

- Слава Богу, живые,- немного отлегло у него от сердца,- быстро, носилки, и в машину!

- Да, но они оба у нас не поместятся?- испуганно возразили ему коллеги.

- Девчонку к нам, а парня в полицейскую машину. Быстро! Лейтенант, вам придется взять к себе его и одного из наших врачей. Езжайте за нами, в травматологическую клинику. Это вопрос жизни и смерти.

Лейтенант в специальной красивой черной штатской форме кивнул помощнику.

- А как же они?- удивился водитель полицейской машины, как и его начальник, молодой мужчина лет под тридцать.

- Они вне опасности, мы позвоним, и за ними приедут другие машины,- пояснил Рамаз,- хотя у нас впереди освобождается одно место,- спохватился он, решив взять с собой и Эку.

- Ну, девочка, держись,- уговаривал Рамаз лежавшую без сознания в реанимобиле Маку.- Смотри, не подмочи мою репутацию,- вводил он инъекции в вену и в мышцу плеча.

«Будешь жить, еще как будешь... будешь как миленькая, еще на свадьбе твоей погуляем. У меня ни одного летального случая, за всю врачебную практику».

- Спасите ее, дядя Рамаз, умоляю вас,- стонал Леван, сидевший вместо Эки на переднем сиденье.

Рамазу показалось, что у Маки слегка дрогнули, как бы пытаясь изобразить улыбку, губы.

- Ну, вот, видишь, какая ты у меня умница. Говорил же я, что все будет хорошо!- убеждал Рамаз ее и себя.- Доставайте пинцетом осколки стекла и начинайте очищать ей лицо.

Он разрезал часть ее верхней одежды, обнажив белоснежную грудь, и в ужасе зажмурился и приподнял ей голову.

«Проклятый руль, изрядно помял ее»,- подумал он.

Сдержаться не удалось. Слезы с новой силой прихлынули к глазам. Помогло усилие воли, и он почти выкрикнул какое-то поручение медсестре. Та бросилась выполнять.

- Еще укол! Еще,- украдкой отер он несколько просочившихся-таки слезинок.

Всю дорогу он потупливался, суетился, сбивался, порою терялся, но на вооружении оставались безотказные опыт работы, знания, новейшая медицинская техника, медикаменты...

Еще два дня и две ночи продолжалась схватка врачей, самых известных и именитых профессоров, медперсонала реанимации за жизнь столь жестоко пострадавших.

«Не-е-ет! Не-е-ет! Нет!»- разносились по клинике на третий день истошные выкрики подружки страдальцы, содрогавшейся в руках спутника: «Как могло такое случиться? Неужели ее жизнь не стоила тех пятнадцати ларей, которые выручили похитители крышки люка? Погибнуть должна была я,- заливалась она слезами, но она уступила мне свое место и я отделалась ушибами и царапинами!»

Ее с трудом увели друзья и родные.

Едва живая, осунувшаяся, бескровная, она забилась в свою комнату, не отзываясь ни на какие увещания.

Весть о кончине и Владика буквально добила ее.

Оказалось, что он писал стихи, публиковал их не под своей фамилией в журналах и газетах, и, что было поразительнее всего, предугадывал свою скорую и такую неожиданную кончину, правда, не вместе с Макой.

«Потому и спешил,- рыдала Эка,- чувствовал, торопил Маку, старался урвать хоть кусочек земного изменчивого счастья».

Порой, опамятававшись, она неслась в больницу к Левану, где он ждал заживления переломов руки и ноги. В душе винила его в происшедшем.

Тот в свою очередь винил прихоти и одержимость:

- Я бы за рулем, пусть слегка даже выпивший, ни за что бы не угодил передним водительским колесом в открытый люк,- утверждал он и убеждал в этом Эку,- а непременно объехал бы.

Эку для страховки тоже всесторонне обследовали, сделали рентгеноскопию и эхоскопию.

Рамазу запомнилась беседа с врачом-кардиологом и снимок сердца.

- Погляди-ка,- сосредоточивал его внимание кардиолог, профессор известной диагностической клиники,- вы ничего не замечаете?

- Нет, право,- признался Рамаз.

- У сердца пациентки необычная форма, не напоминает ли она вам очертания нашей церкви?

- В самом деле,- удивился Рамаз,- вы правы, профессор,- с легким колебанием согласился он,- как же такое могло запечатлеться?

- Но доказательство налицо, факт- упрямая вещь,- настаивал профессор.

- А каковы основные кардиологические характеристики?- поинтересовался Рамаз.

- Все в норме. Я даже думаю сделать хорошую работу на этом материале.

- Так вы думаете?.. - восторженно спросил Рамаз.

- Совершенно верно, коллега. Возможно, новое наблюдение в кардиологии, а то и в практике, наука ведь и практика неразрывны?

- Но прошу вас, профессор, не предавайте огласке имя пациентки. Сомневаюсь, что она встретит это с восторгом, тем более в нынешнем состоянии.

- А со временем?

- Думаю, лучше, чтоб она вообще не узнала. Да и все вообще тоже. Со стороны ведь не видно.

- Ну, это смотря кому...

- Прошу вас... до поры до времени...

- А что, если эта новость изменит ее жизнь коренным образом,- пристально взгляделся Рамаз в профессора,- и не известно еще, в каком направлении. А ответственность за нее будете нести вы, а не кто-нибудь другой,- попытался заронить в профессора сомнение Рамаз.

Профессор задумчиво ходил из угла в угол по кабинету.

- В конце-то концов важна ведь не форма сердца, а его духовное содержание,- пояснил Рамаз.

- Коллега, думаю вам из философии должна быть известна теснейшая связь формы и содержания.

- Да, но почему же нам, людям, порой трудно понять и даже допустить, что в жизни протекают процессы, воспринять которые наш разум еще не может. Ведь это амбициозность и самомнение.

- Факты, коллега, побуждают нас порой руководствоваться совершенно иными категориями. Открытие это, бесспорно, может в дальнейшем послужить многим больным, с надеждой ожидающим если не полного излечения, то хотя бы частичного облегчения.

- Но в любом случае, профессор, если этот факт, как вы утверждаете, единичный не только в вашей долгой врачебной практике, но и, возможно, в мире,- подошел Рамаз с другого угла зрения,-то в любом же случае вы должны быть заинтересованы в здравии и сохранении такого сердца. Не правда ли» И в увеличении количества таких сердец, которые могут появиться лишь у потомства первоначального?

- Возможно!- заинтересовался профессор ходом мыслей Рамаза.

- А что же получится, если вы обнаружением имени убьете его носительницу»

- Неплохо сказано. Попробуем сотрудничать не в ущерб нашим фундаментальным целям. Вот моя визитка,- извлек профессор белую карточку с эмблемами и надписями из кармана своего начисто отбеленного, открахмаленного и с блеском отглаженного белого халата.- Можете время от времени звонить мне. Мы нужны друг другу, как хранители тайны.

- Это что, сделка?

- Джентльменский договор! Согласитесь, коллега, что я мог вас не информировать, но не поступил нашей коллегиальностью. На то мы и коллеги, чтобы сотрудничать, а не препираться.

Рамаз весь напрягся от внутреннего протеста, что не ускользнуло от внимания профессора:

- Обещаю вам не просить у вас ничего сверх и выше ваших возможностей, исходя из того же принципа коллегиальности. А на первых порах я попрошу помочь мне, под любым предлогом, обследовать членов ее семьи, в особенности родителей, чтобы проверить, нет ли в них чего-либо схожего с тем, что наблюдается у нее.

- Н-ну, хорошо,- не без колебания согласился Рамаз,- но обследование должно быть бесплатным, а результаты его остаться между нами.

- Ну, вот, видите, как легко и просто мы с вами поладили,- произнес с довольной улыбкой профессор,- думаю и надеюсь, что и впредь наше сотрудничество пойдет в том же русле.

Расстались с дружеским рукопожатием.

«Сволочь,- думал Рамаз о недавнем собеседнике,- если со мной, с коллегой, он так говорит, то как же с пациентами и подчиненными».

С такими, далеко не упорядоченными мыслями о коллеге и людях вообще покидал Рамаз приемную профессора, бредя по длинному, устланному неширокой бурокрасной с белым ковровой дорожкой, коридору. Дорожка напоминала взлетную, а может быть, и посадочную полосу аэродрома.

VIII

Бегущий, то и дело спотыкаясь, придерживал, чтоб не сдуло ветром, фуражку. Умаявшись этим занятием, в нетерпении сорвал ее с головы, сунул в широкий карман спецовки. Бежал человек по направлению к птицеферме, и бежал сломя голову. Вот он выбежал наконец на гарь, по склону ведущую к цели его порыва. Сейчас он неся, уже руля обоими локтями, то ли пытаюсь сохранить равновесие, то ли опасаясь раскоординации движения. Уже почти задыхаясь, борясь с одышкой, последним рывком достиг деревянных ворот и приостановился перевести дыхание. Его встретил истошный протяжный лай собак.

- Да я вас!.. - в нетерпении пригрозил четвероногим обитателям заворотного пространства и громко позвал:

- Захарыч! Захарыч,- кричал он, подходя быстрым шагом к собравшимся под навесом. Тех было четверо, и они что-то горячо обсуждали.

- Что случилось?- удивленно вскрикнул человек в утепленном плаще, оборачиваясь к подбежавшему.

Стройная осанка, медленные и уверенные движения, строгий пронизательный взгляд свидетельствовали о его жизненном опыте, информированности и глубоком знании своего дела.

- Захарыч, хорошо, что я застал вас здесь,- выдохнул прибежавший.

- Что случилось?- нахмурился человек в плаще.

- На второй птицеферме утки поднялись в воздух.

- Что? Как это?

- Одичали, наверно, Захарыч!

- Да ты в своем уме?

- Да, Захарыч, сперва я тоже не верил, но как поглядел вслед, чуть не свихнулся сам.

Григорий велел сообщить вам о случившемся.

- Что за вздор?

- Поезжайте, все увидите сами.

- Что увижу? До сих пор они, что ли, взлетают? И сколько?

- Что сколько?- переспросил прибежавший, жадно припав к принесенному сторожем птицефермы стакану с водой.

- Сколько их, я спрашиваю, поднялось?- поднял голос человек в плаще.

- Все шестьдесят четыре крыла.

- Куда же они полетели? В какую сторону?- достал человек в плаще планшет с картой местности, сам, впрочем, удивившись нелепости собственного вопроса.

- На запад, должно быть, Захарыч, точно не знаю.

- Не знаешь! А что ты знаешь?

- Так вы позвоните на первую ферму тоже, пусть знают о случившемся, всем нашим наземным и береговым службам. Может, заманят в свои сети. Птицы-то должны свернуть на север? Так или иначе! И позаботьтесь о том, чтобы к послезавтра было сделано то, что я велел. Приду, проверю лично.

- Хорошо, Захарыч!

- Валера, поехали!

IX

Нестрогий клин одичавших уток, направляющийся вверх по течению реки, заметили в то утро и жители небольшого поселка у самой птицефермы.

Скованность и неестественность полета клина мог бы определить лишь глаз опытного орнитолога или охотника. Чудо, совершенное птицами, как бы оснащало каждую по двум дополнительным крыльям. А радость открытия сбивала их в строгую и четкую геометрическую фигуру полета. Радость, которую, по мнению вожака, должна была испытать хоть раз в жизни каждая птица.

Да, это он долго готовил стаю к полету. Но не всем удалось подняться в воздух. Взлетели лишь те, кто поверил в него. Вера, надежда и любовь к свободе придали им силу. Некоторые, набрав высоту, потеряли ориентацию и упали на землю, разбившись насмерть. Другие провожали взлетевших, зажигались верой и в свое будущее.

Да, радости летевших вверх по реке птиц не было сейчас предела. Лишь не решавшийся поверить в чудо вожак, летевший в голове клина, опасно прислушивался к шороху крыльев за своей спиной. Поверив в свои силы, не все птицы сочли нужным считаться с «вожаком» во всем.

Призываемая вожаком строго держать ряд стая плавно свернула от вдруг удалившегося русла реки на север, и вдруг раздался громкий перебор ружейных выстрелов.

Вожак вздрогнул, почуяв место, где охотники привычно ждали своей удачи. Не посадив стаю, повел ее в облет кормовок с сетями, решившись лететь, пока хватит сил.

Чутье подсказывало вожаку, что лететь до бесконечности птицы не смогут, что стая придет, но и что вкус свободы подстегнет ее, придаст сил, и рванется вперед, пренебрегая опасностью напороться на дула охотничьих ружей.

Птицы безоглядно отдаются самозабвению, готовы отдать свои жизни, как порой свойственно людям, за миг вольного полета и вождельной свободы.

X

- Михайлович, что вы думаете по этому поводу?- поинтересовался озадаченный директор птицефермы, возвратясь вместе с сотрудниками с места уникального события, где они дополнительно проверяли достоверность фактов, сообщенных Григорием, и принимаясь в кабинете за стакан горячего крепкого чая.

- Надо подумать, Захарыч,- неуверенно протянул Авто, склонясь над небольшой цветной рельефной картой района.- И чего это они от вас драпанули? Кормили их плохо, или поплавать не выводили, или друг с дружкой водиться мешали? А?

- Я ничего не скажу,- вздохнул директор,- пусть Григорий сам скажет.

- Да ну, что вы, Авто Михайлович! Все у нас было поставлено хорошо, по всем показателям... почти на европейском уровне, несмотря на сложности времени.

- Тогда почему же?- домогался Авто.

- Может, не хлебом единым жив не только человек, но и некоторые утки?- высказал предположение директор.

- Неплохую высказали мысль,- восторженно воскликнул Авто,- стало быть, им чего-то такого не доставало... Но чего же?

- Радости и счастья, может, душевного?- вмешался водитель.- По сто грамм-то им все-таки не выдавали!

- Подожди, Валера,- остановил его директор,- не до твоих сейчас шуток.

Валера, отставив стакан, вернулся к печке - поворошить дрова и оттуда слушать беседу двух своих сослуживцев и их гостя.

«Огонь! Чтоб огонь, как любовь, грел постоянно, его нужно лелеять и холить, следить, подкладывать дровишки, сметать золу... не то потухнет»,- размышлял про себя.

- Захарыч! Помнится, еще ваш предшественник говорил мне, что, когда он принимал птицеферму, друзья поднесли ему необычный подарок,- вспомнил Григорий.

- И что же?- в нетерпении воскликнул Захарыч.

- Несколько диких перелетных уток, отловленных в сети живьем и привезенных в нескольких портативных контейнерах.

- Ну, и?..

- Тогда он, помнится, подрезал им крылья и прислал нам в нашу вторую, экспериментальную, птицеферму, жить вместе с домашними... Для улучшения их биологических показателей. А в потомстве, видите, гены все-таки проявились.

- Вот это да! Так вот оно что?!- подхватил Авто,- это уже становится интересным,- выходит, рожденные летать ползать не могут?!

- Он ограничился экспериментом только на второй ферме»- с беспокойством поинтересовался Захарыч.

- Не уверен,- заколебался Григорий.

- То есть как это не уверен?- поднял голос Захарыч.

- Думаю, что опыт вольно или невольно впоследствии и сказался и на первой птицеферме. Дикуши могли попасть туда и случайно, и намеренно. Бывало, координировалась численность крыльев.

- А материалы или документы на этот счет, хоть какие, сохранились?- поинтересовался Авто у Григория.

- Кое-какие должны быть, надо их поискать,- немного подумав, ответил ему тот.

- Ну, вот и поищите,- предложил Авто,- и пришлите к нам в институт на имя директора или мое. Все равно эти материалы попадут к нам в отдел, мы изучим их и сообщим вам свое заключение, а заодно вышлем рекомендации. Идет?!

- Ну!- протянул Захарыч руку Авто.

На прощанье он признался, что принял почти разоренные фермы, поставил их на ноги в тяжелое для страны время, вырастил и выходил не одно поголовье птиц и уже почитает их родными.

Авто отозвался нараспев стихами:

Не вкладывай душу в птиц перелетных-
Рождают они лишь печаль...

Птенцов воспитают - большие заботы!-
И птицы уносятся в даль!

Они - только гости на наших просторах,
Их дом - где маршрута кольцо...
Любуясь же ими! Ошибкой жестокой,
Как сказкой со странным концом!

- О-о,- протянул Захарыч,- так вы еще и поэт?
- Ну, как сказать! Это минутный приступ меланхолии.
- Пожалуй, возможно,- на мгновение задумавшись, согласился Захарыч,- я бы отчасти отнес это и к своим детям, но... Есть большое но.

- Какое же?- живо заинтересовался Авто.
- Трудно что-то делать, не вкладывая душу. Посудите сами, Авто Михайлович, что получается даже тогда, когда душу вкладываешь, ну, а уж если не вложить...
- Да, приходится признать,- кивнул Авто,- но... опять это но... мы часто делаем это с подсознательной надеждой в будущем получить какую-то выгоду для себя. А доброе дело надобно творить безвозмездно, не ожидая за него благодарности. тогда не будет и разочарования, хотя...

Авто задумался.

- Без скорби, как сама жизнь, не обходится ничего. Скорбями выстлана дорога на небо, в Рай, и ничего тут не поделаешь.

- Я понимаю вас, Авто, хоть понимать и сопереживать порой далеко не одно и то же.

Обратно в город Авто подбросил Рубен, который все время недолгой командировки провозился с мини-ремонтom своей машины и дорогой жаловался, что без капитального ей дальних поездок не выдержать.

- Но до города-то мы доберемся?- всполошился Авто.

- Должны,- не совсем уверенно отозвался Рубен.

- Ну, машина машиной, а как там с Тамилочкой?- как бы спохватился Авто.

- Как? Только вы, пожалуйста, не горячитесь...

- А что?

- Объяснились мы...

- Ну-у?

- Да!

- И когда же?

- Там, на небе, на дельтаплане.

- А дальше?

- Не знаю,- помялся Рубен.

- Надеюсь, с Кариной ты разводиться не собираешься?

Рубен мялся и медлил.

- Ты что, спятил? Я что же, даром предостерегал тебя?

- Я ничего... Да я...- потупливался и оправдывался Рубен.

- Так кто же, она сама? Скажешь мне, тоже!

- Ну, я ж не могу...

- А сам?

- Что сам?

- С тобой как?
 - Если честно, то...
 - Смотри у меня, Рубен!
 - Смотри! Ну, а вы сами Тамилочку разве не любите?
 - Люблю, конечно, но как давнюю сотрудницу, друга.
 - Ну, вот и я тоже,- широкой улыбкой улыбнулся Рубен,- но не так, как вы эту учительницу... а кстати, как она? Давно, наверное, вернулась в город, каникулы-то кончились.
 - Да, надо будет ей позвонить,- смутился от напоминания Авто.
 - Так позвоните сейчас.
 - Нет, сейчас как-то неудобно.
 - Почему же, Михайлович?
 - Ты думаешь?
 - Ну, конечно же!
 - Она обижена, Рубен. По телефону всего не расскажешь, да и оправдываться нелегко. Нужно будет увидеться. Но когда? Завтра утром срочно лечу в Стокгольм, оттуда в Штаты. Сам знаешь, сколько дел. Придется после приезда...
 - А когда это будет?
 - Будет, когда будет,- вздохнул Авто.
 - Вот потому и позвоните прямо сейчас.
- Устоять под напоритостью Рубена было нелегко.
- Он несколько раз набрал мобильник Натали, но тот подозрительно обрывался.
- Зеленая «Нива» Рубена неслась по дорожной слякоти, разлившейся по новому асфальтированному покрытию автодороги.
- Авто строил планы на вечер перед утренним вылетом в Стокгольм, к Эрику.
- Приеду домой, «сяду в горячий ванна»,- вспомнил он восклицание одного из киногероев и добавил от себя,- а потом завалюсь спать. Шутка!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

В конце первого месяца Нового года в Западной Грузии состоялась торжественная церемония вступления в должность вновь избранного президента, показанная по телевидению не только в пределах страны.

Красочную церемонию завершил не менее красочный концерт народного творчества, призванный поднять дух населения.

Вскоре прокатилась волна разоблачения должностных лиц и деловых людей, погревших руки на незаконных присвоениях. Многим, правда, удалось официально откупиться, перечислив государству не один миллион. Столь решительная и бескомпромиссная мера была встречена восторженно и с надеждой не только внутри страны, но и за рубежом, откуда хлынули инвестиции и помощь, как материальная, так и моральная.

Казалось, страна вздохнула.

Первые решительные шаги и первые плоды бархатной революции. Молодой, как никогда и нигде, президент. Все в движении. Прокладывают новые дороги и восстанавливаются старые. Напоминают древнее изречение о том, что все великие державы становились таковыми за счет своих связей и связующих. Понемногу, но возрастают пенсии. Казна полнится и выкупами коррумпированных должностных лиц, торопящихся рассчитаться с государством и выйти на свободу. Улучшается снабжение основными энергоресурсами. На руководящие посты в отдельных регионах и в городах назначаются молодые руководители. Рассчитывают не на некоторую временную кампанию, а на дальнюю перспективу.

Волна воодушевления пробуждает уснувшие было потаенные силы народа.

II

Две молодые, одетые по последней, но местной моде, девушки неторопливым, раскованным шагом пробирались меж длинных, плотных рядов иномарок на огромном центральном авторынке. Подолгу задерживались у понравившихся моделей, присматривались, приценивались. Продавцы с готовностью отвечали на их вопросы, расхваливали машины, хлопали дверцами и капотами.

- Ната, ты что-нибудь помнишь по-немецки?- спрашивала одна девушка у другой.

- Пожалуй, нет,- отзывалась Ната,- именно немецкого и не помню. А ты, Эка, ты ведь дольше учила этот язык.

- Ну, и что, что учила? Как учила, так и разучила. Какие-то отдельные слова, пожалуй, вспомню, но этого слишком мало.

- Попробуй у них спросить, найдется ли переводчик хоть с какого на какой?

Продавцы уловили-таки вопрос, любезно откликнулись, созвонились с кем-то, объяснили, по большей части жестами, что нужный человек появится на месте не раньше, чем через час.

- Подождем?- заколебалась Натали.

- Пожалуй, да! Лучше дождаться,- с облегчением вздохнула Эка,- посидим в кафе, закусим, поговорим.

Ната как-то растолковывала собеседнику, где их искать, и скоро сестры уже сидели в небольшом уютном кафе-ресторанчике за чашечками кофе с пирожными.

- Может быть, попросишь и кружечку баварского?- предложила Натали.

- А если удастся купить машину, как ты сядешь за руль?

- Да ладно тебе! Тогда ты...

- Нет уж, это без меня!- резко бросила Эка.

- Нет, что ты! Я шучу,- вспомнив происшедшее, вспыхнула от смущения Ната.- Как у них, немцев, все организовано... не то, что у нас.

- Ну, и у нас неплохо.

- Что? Что неплохо?- запальчиво воскликнула Ната.

- Жизнь!- не растерялась Эка.

- Тебе нравится прозябать в свинарнике и нищете?

- Нет. Мне нравится быть на родине.

- А что с нею стало в последние годы?

- Все в наших руках!

- Ты бы не согласилась жить здесь или в Париже, которым мы так восхищались несколько дней тому назад? Конечно, если знать язык?

- Нет, не согласилась бы.

- Ну, хоть недолго?- удивилась Ната.

- Нет, даже немножко! На экскурсию, в турпоездку, это да, и как можно чаще! А жить нет.

- А я, Эка, честно говоря, устала жить, как живут у нас. Посмотри на этих людей. Знаю, им тяжело приходится на работе. она у них напряженная. Но после работы... Посмотри, какие они свободные, счастливые, вольные, и, главное, чувствуют себя людьми. Знают и свои права, и обязанности. От них и сам заряжаешься, ощущаешь себя такой, как любой европеец.

- Но все это не обязательно для счастья,- запротестовала Эка,- на Родине и пора испытаний отрадна, а на чужбине и рай земной в тягость.

- Я не согласна с тобой.

- Увы, но мы с тобой очень-очень разные люди,- вздохнула Эка,- хоть и произошли от одних и тех же родителей.

- А может, и к счастью!- усомнилась Натали.

- Может быть,- согласилась Эка,- и все же я не советую тебе покупать здесь машину и тащиться за рулем в такую даль. Тем более, что ты совсем недавно получила права. Я-то тебя заменять не смогу!

- Ничего, будем ехать медленно, проедемся по большей части Европы, поглядим Германию, Францию, Италию, прокатимся на пароме через Адриатическое море до Турции. Когда еще выпадет в жизни такое счастье! Да и выпадет ли вообще?

Эка немного задумалась, помялась, поняла, что в этом нельзя не согласиться с сестрой, хоть дорога на машине и пугала ее. Памятные трагические дни давали о себе знать, хоть после этого прошло уже почти полгода.

- Не бойся!- успокаивала Ната.- Доберемся до Сарпи и Батуми, а там нас встретят.

Эка поняла, кого имела в виду Ната.

- Но и до Сарпи дорога не коротка! Я бы предпочла и обратно, как и в Париж, лететь самолетом,- уже не очень настойчиво возразила сестре она.

- Эка, ты же знаешь, я уже не могу обходиться без машины,- пояснила Ната,- не хочу более быть зависимой от кого-то. В жизни за все приходится платить сторицей. У нас машины не купишь, слишком уж дорого. А с будущего года поднимаются пошлины на завезенные.

- Но ведь и растаможка обходится недешево,- цеплялась за соломинку Эка.

- Конечно! Но ты у меня не зря математичка- программистка. Составишь мне небольшую программу, прогоним ее, просчитаем, обмозгуем, и в путь. Даром, что ли, я тебя сюда с собой завлекла.

- Ах вот оно что?!- расплылась Эка в улыбке.

- Ну! Вспомни свою «любимую» математичку в институте, которая вам твердила на лекциях, что, если вы будете любить математику, она вас непременно отблагодарит.

- А я ее и не забывала!

Обсуждать свою проблему продолжали и на автомобильном рынке, где их, к несказанной радости, уже ждал переводчик, оказавшийся даже не русским, а грузином.

Сандро, парень лет тридцати, быстро ввел сестер в курс их дела и, посоветовав не торопиться, а отложить покупку на утро, очень помог им, подобрав по сходной цене немного подержанную, но на вид совсем новую, красивую четырехдверную «BMW».

- Хозяин ездил на ней новенькой всего год-полтора, а теперь она ему мала, купил «Мерседес»,- пояснил Сандро.

- Чудесно! Да еще такого же цвета, как отцовский «OPEL»,- обрадовалась Ната.

- Красота это еще не самое главное,- насторожилась Эка,- а как у нее с ходовой частью и вообще все внутри»

- Обижаете, сестрички! Зачем мне землячек обманывать? Вот наши визитки, моя и хозяина. К тому же нас тут все знают уже не один год!- оскорбился Сандро.

- Смотри, Сандро, у нас везде свои люди и большие связи. Обманешь, из-под земли достанем,- полушутливо-полусерьезно погрозила ему Эка.- Чтоб все без наших кидняков!

Ната удивилась столь неожиданной агрессивности сестры. Оформление заняло в бюро не так уж много времени, и под решительным напором Эки положили наутро отправиться в путь. Оставшиеся до вечера несколько часов гуляли, осматривали город, посидели в городском парке в кафе.

Ранним утром Ната с балкона номера взглянула на свою давешнюю покупку и ахнула. Некоторое время стояла, как заколдованная, потом кинулась в комнату и набросилась на сестру.

- Как он здесь оказался?!- строгим тоном бросила только что вспорхнувшей с постели Эке.

- Кто – он?

- Не притворяйся! Это ты ему сообщила, где мы находимся!

- Я думала сделать приятный сюрприз,- помявшись, чуть слышно пролепетала Эка.

- Индюк думал, думал...- резко вскрикивала Ната.- Ну, кто тебя просил?! Почему ты мне не сказала?! Почему?

- Как почему? Что случилось? Вы что, больше не друзья? Между вами пробежала черная кошка?

- Прекрати,- расплакалась вдруг Ната, уткнувшись лицом в ладони рук,- ты мне испортила всю поездку!

- Ну, что ты! Что я такого сделала?!- недоумевала Эка.- В первый же вечер, когда ты настояла на покупке автомашины, я сделала звонок по мобильнику, случайно застала его в Мюнхене, и сообщила, что мы во Франкфурте-на-Майне. Он очень обрадовался и сказал, что обязательно приедет за нами.

- Но откуда ты узнала номер его европейского мобильного?

- Ты что же, не знаешь, как легко это делается» В Париже, в интернет-кафе, через электронную почту!

- И теперь за моей спиной ведешь с ним переговоры?

- Ну, я же сказала: хотела сделать тебе приятное! К тому же он сможет помочь нам в дороге!

- Что-о?!- вскричала в ужасе Ната.- Он еще и собирается сопровождать нас до дому? Нет уж, пусть убегает обратно в Мюнхен! Тоже мне, приволокся!

Эка, ошарашенная и изумленная, смотрела на сестру, которая в ярости рвала и метала и никак не могла успокоиться.

- Ну, почему же, Ната?- в испуге прошептала Эка.

- Все! Баста! Он только и знал, что играл со мной, как кот с мышкой. Подловил, и тут же...- уже не сдерживаясь, рыдала Ната.

- Ну, дай ему еще один шанс,- предложила Эка.

Разбирательство продлилось недолго. Спускаясь к машине, Ната предупредила Эку:

- Сама его вызвала, сама и общайся! Понятно?

- Понятно, понятно!- задрожали у Эки губки и носик. Она с радостью кинулась к ожидавшему их мужчине в сером костюме:

- Привет, Авто, так быстро управился?

- Привет, синеглазая!- обрадовался и Авто и, крепко обняв ее, подумал, что это с ним впервые.

- Здравствуй, Ната,- виновато и оттого сухо поздоровался он с Натали.

- Здравствуй!- холодно полуотвернулась от него Ната.- Говори с той, что тебя сюда пригласила. Понятно?!

- Понятно!- уныло понурился Авто.- Ната, прости меня, но...

- Придержи свои извинения при себе! И если не пойдешь на мои условия, один из нас сойдет с машины по пути. На время поездки объявляю мораторий на временное общение, хоть ты этого не достоин.

- Со своей машины не сходят,- вполголоса пробормотал Авто.

- Вот именно! Какой догадливый! Дома мораторий отменим.

- Идем, Авто,- взяла Эка за руку Авто, потянула за собой и втокнула в машину, на заднее сидение.- Не обращай внимания, побурчит и успокоится. Куда же денется?

- Ты думаешь?- пожал плечом с перекинутой через него вещевой сумкой Авто.

- Уверена.

- Я и вправду перед ней виноват. Получилось так.

- Ну, ладно!- приложила Эка палец к губам.

Машина с большим трудом сдвинулась с места.

- Сними ручной тормоз,- осторожно напомнил Авто.

- Знаю и без тебя,- огрызнулась Ната, раздраженная собственной забывчивостью.

Вскоре автомобиль выехал из города на трассу Франкфурт- Маннгейм - Саарбрюккен, к границе Германии с Францией.

Вечером уже из Женевы путники любовались озером, а через день добрались до Милана.

Авто и Ната, между которыми установились чисто прагматические, деловые отношения, сменяли друг друга за рулем.

Ната понемногу смягчалась, и была уверена, что послабление возможно только до некоторой, красной линии, далее которой зайти она не допустит.

«Пусть себе! Мне от этого, как говорится, ни холодно, ни жарко, рабочий ослик нужен везде и во всем»,- думала она в душе, любуясь свободным общением находящихся в оппозиции к ней Авто и Эки.

Вели на разных участках пути по-разному, то быстро, то медленно, в зависимости от красочности и притягательности проезжаемых мест. К концу третьего дня достигли Флоренции, еще через день были уже в Риме. Проехали Неаполь, дорогой любуясь окрестностью Везувия, потом Салерно, свернули к Таранто и уже под вечер подъехали к знаменитому Бари в юго-восточной части Италии, так называемому Барграду, в котором решили остаться до утра, устроившись в небольшой уютной и тихой гостинице.

Утром поспешили к небольшой латинской базилике, где покоились и по сей день покоятся мощи святителя Николая-Чудотворца, поклониться им.

Всю дорогу, от Франкфурта-на-Майне до Бари, их сопровождала ясная, солнечная летняя погода.

Но под утро заморосил легкий дождик.

Эка, еще в утреннем длинном цветном халате, бесшумно подошла к широкому витражному окну и выглянула на улицу.

- Морозящий дождь, такой же, как и в то злополучное утро,- подумала она и зябко поежилась.

Невольно, словно заводя разговор с дождем, едва слышно пропела:

Дождь ночной,
Ведь ты поешь,
Когда, наверно,
Плакать надо!

Что в этой жизни
Ты возьмешь,
Коль проживешь
И не поймешь,
В чем высший смысл,
И не найдешь -
Свой верный путь...
Но в чем отрада?!

- Ты что там бубнишь?- сонным голосом спросила Ната, поднимая голову с подушки.

- Шепчусь с дождем!- вполголоса ответила Эка.

- Полежи. Еще рано,- пробормотала Ната, снова погружаясь в сон,- не то простудишься.

На фоне тускло мерцающего ночника Эка напоминала тоненькую, хрупкую фею, замершую у окна и вглядывающуюся в прошитую струями дождя загадочную даль.

- Во всем я виновата,- прослезилась она вдруг, стоя вполоборота к кроватям, на одной из которых уже спала ее сестра.

«Если бы я не раскапризничалась и не настояла, может быть, Леван и вправду объехал бы этот ужасный люк, и мы не угодили бы в него, и Мака с Владиком остались бы живы».

Из глаз Эки в такт каплям дождя заструились слезы::

«Наверно, и дождь винится перед нами и еще перед кем-то»?

- Ну, хватит тебе убиваться,- спросонья бросила ей Ната,- иди скорей в постель, простудишься.

- Да что ты! Так тепло. Душная, влажная летняя ночь,- неохотно повинувшись, направилась Эка к кровати, уткнулась лицом в подушку, плечом на руку Наты и почти разрыдалась.

- Хватит, Эка, хватит,- ошарашенно успокаивала ее Ната,- ну, кто мог такое предвидеть? Если знать, где упадешь, то запасешься подушкой или подстилкой.

- Но что же мне делать? Чувство вины перед ними не покидает меня, я, наверно, уйду в монастырь.

- Ой, не говори, пожалуйста, глупостей. Выйдешь замуж за Леванчика, будут дети и назовете их именами. И память, и радость, и польза для страны. И поговори дома со священником.

- Уже говорила!

- И что же?

- Сказал, что я не виновна.

- Ну, вот и все!

- И ты не достаточно знаешь Левана. Он упрям, своенравен и своеволен. С ним трудно. Такое чувство, будто он все время пытается зажать тебя в какие-то тиски,- грустно сказала Эка,- одно дело, когда отдаешь свою жизнь добровольно, а другое, когда толкают к этому силой.

- Что ж! Все мужчины одинаковые. Любят власть! А появятся дети, сама возьмешь его в свои тиски.

«Легко советовать,- подумала Эка,- а сама как обходится с Авто».

- Я не хочу посвящать жизнь ему,- вполголоса, но твердо заявила Эка, отирая рукавчиком своей ночной рубашки глаза.

- А кому же?

- Богу! Только Богу!

- Ну, ладно, ладно! Как тебе будет угодно. Не время разбирать столь важные вопросы. Отложим их, а сейчас немного поспим, чтоб не клевать завтра в дороге.

Эка покорно повиновалась, повернулась спиной к сестре, но еще долго не могла уснуть, отдаваясь воспоминаниям и планам на будущее.

Натали, в свою очередь повернувшись спиной к младшей сестре, усилием воли приказала себе и отдалась сну.

Наутро, в очередной раз поклонившись мощам святителя Николая-Чудотворца и прихватив, в небольших закупоренных сосудах, освященное масло из лампад над святыней, отправились дальше.

Парома, на котором предстояло плыть вместе с автомобилем в турецкий порт Чешме, пришлось ждать почти до вечера.

Ночью поднялся шторм, паром заметно сбился с курса, прервалась и связь с береговыми службами.

К счастью, хоть с большим опозданием, но на следующий день, ближе к вечеру, благополучно добрались.

За руль сел Авто, а две его добрые, прекрасные феи, изрядно подустав от ночной качки, у Измира уснули на заднем сиденье.

Авто с улыбкой прислушивался к их посапыванию и через салонное зеркало видел, как чуть заметно дышат их тела.

Ему доставляло огромное удовольствие чувство ответственности за каждую перед собой, перед их родителями и, главное, перед Всевышним. Две невинные красавицы добровольно и бесстрашно доверили свои жизни и свои судьбы ему одному.

Такого чувства испытывать ему еще не приходилось. Он молился в душе и мечтал, чтоб эти мгновенья длились как можно дольше. Сейчас он осознал, что любит их обеих, хоть по-разному, но одинаково сильно, и ради каждой из них готов в любую секунду отдать свою жизнь.

«Какие милые, красивые, нежные, любимые... Но, увы, в то же время и глупенькие...»

- Сам такой,- возразила во сне Эка, переворачиваясь с боку на бок.

«Она и вправду читает мысли на расстоянии,- вспомнил Авто ее давнее признание,- даже во сне».

- А что? Что случилось?- пробудилась на возглас Эки Ната.

- С-с,- протянул Авто,- ничего, ничего! Спите спокойно...

- Где мы?- протерла глаза Ната, приподымая голову и стараясь разглядеть в полутьме объезжающие их встречные автомашины с зажженными фарами.

- Подъезжаем к городу Ушак.

- А Измир уже проехали?

- Почти на двести километров отъехали.

- Что-о? Тормози!- резко потребовала вдруг Натали.- Почему ты меня не разбудил»

- Что случилось?- удивился Авто.

- Поворачивай обратно в Измир!

- Почему?- продолжал удивляться Авто.

- Там ждет нашего приезда один человек.

- Кто? Какой человек?- поинтересовался Авто.

- Какое тебе дело, и какая разница»- резко оборвала его Ната.- Делай то, что говорят. Поворачивай, и все! Его никак нельзя там оставлять!

- Где?

- В Измире, в гостинице, где он нас ждет.

- Но почему ты не предупредила меня?

- Не предвидела, что случайно усну. Неважно, поворачивай!

Ранним утром автомобиль автопутешественников подъехал к одной из недорогостоящих гостиниц в центральной части Измира.

- Подождите меня здесь, я скоро,- захлопнула за собой перед входом в нее дверь машины Ната.

- Только бы этот человек не оказался ее директором,- беспокоился всю обратную дорогу Авто и сейчас с трепетом опасался, что Ната вернется в сопровождении неизвестного ему еще мужчины.

Натали и впрямь показалась очень скоро. Она шла к автомашине быстрым и уверенным шагом, а за ней, на ходу завершая свой туалет, заправляя тельняшку в брюки, поспешал не кто иной, как Леван.

«С постели подняла,- с облегчением подумал Авто,- слава Богу, доукомплектовались и можно спокойно трогаться в дальнейший путь».

Левана посадили к его избраннице, которая спросонья свернулась клубочком в его объятиях, а Ната пересела вперед.

- Все, поехали! С миром!- бросила она Авто.-Хочу на сей раз ехать через Стамбул. Думаю, никто из нас возражать не будет.

- Как прикажете!- с улыбкой согласился Авто, плавно вырulingая на широкую главную автомагистраль Измира.

Примерно через час езды на заднем сиденье заерзала в объятиях Левана Эка.

Леван не упустил возможности погладить ее по головке, лобик, потрепать по орлиному носику.

«Как она прелестна, когда спит»,- думал он, улыбаясь под пристальным взглядом Авто в зеркало.

Эка, не раскрывая глаз, потянулась и бессознательно, но охотно приняла поцелуй Левана в полуоткрытые губы и скользнула рукой по склонившемуся к ней затылку.

- Ты-ы?!- приоткрыв глаза, подскочила она, как ужаленная, и отпрянула к окну.- Откуда?!

Леван закатил глаза к небу.

Эка в недоумении протирает глаза, пыталась как-то объяснить неожиданное появление Левана и, сообразив вдруг, в чем дело, налетела с кулачками на старшую сестру, сидевшую впереди.

- Изменница! Паршивка! Мстительная мегера!..- визжала она, подаваясь вперед и все более расходясь.

Авто ловко притормозил, отвел машину вправо от автотрассы и остановил ее на гравийной обочине.

Им с Леваном потребовалось немало времени, чтоб унять и утихомирить разъяренных тигриц.

- А ты вообще отстань!- вопила Эка, отталкивая Левана.- Близко ко мне не подходи и не притрагивайся, убийца!

Леван сник и понурился. Но, увидев, что Эка выскочила из машины, бросился вслед за ней, вынудив выйти и Натю с Авто.

Разборка продолжалась на обочине трассы, неподалеку от машины.

- Гурджи, чего это вы не поделили? Женщин, что ли?- любопытствовали проезжающие, сбавляя скорость и предлагая помощь.

- Ну, все, хватит,- поднял голос уже даже Авто.- Позоритесь тут на виду у местных людей! Стыдитесь! Вам объявляется мораторий на общение до приезда домой, а там... там дело покажет...

Обе и впрямь сразу умолкли, и воцарилось безмолвие.

- Заимствуешь мои методы воздействия?- вполголоса нарушила его Ната, искоса взглядывая на Левана.

- Во благо! Ради успешного возвращения домой. Все движениями рук согласились с ним. Безучастной оставалась только Эка.

- Я тебе никогда этого не прощу,- процедила она сквозь зубы в сторону Натали.

- Не делай другому того, чего не желаешь себе,- отгрызнулась чуть слышно Ната.

- Ну, разобрались, и довольно! В машину, по местам!- подвел итог Авто.

Эка первая скользнула на переднее сиденье, вынудив Натали устроиться позади, рядом с Леваном.

- Ну, что ж! Партнеры сменились!- констатировал Авто.

- Чего не сделаешь ради мира!- поддержал его Леван.

- Похоже, все довольны и рады. Уж не остановиться ли на таком варианте навсегда»- пошутил Авто, скользнув взглядом на заднее салонное зеркало.

- Я не против,- пролепетал Леван.

- Вы оба сумасшедшие,- заметила Натали.

- А по-моему, и мы тоже,- уточнила Эка.

Внешне мирный и солидный мерседес, кипя внутри, неторопливо тронулся с места.

- При такой атмосфере далеко не уедешь,- высказал предположение Авто,- предлагаю «отметить» примирение, пусть даже временное перемирие, в ближайшем ресторанчике.

- Прекрасное предложение!- запальчиво выкрикнула Эка.- Тяпнем там, возьмемся за руль, устроим аварию и отправимся вслед за Макой и Владиком. Прекрасное предложение! Замечательное!

- Не волнуйся, Эка! Никто не собирается напиваться, перекусим немного, выпьем горячего утреннего чая и двинемся дальше.

После раннего завтрака в Балыкесире подъехали к небольшой паромной переправе под Бурсой, где Авто немного отвел душу, понаблюдав за провожавшей их через всю переправу небольшой стаей чаек и подкинув им кусочки хлеба. Слушал и, казалось, слышал и понимал их отрывистые вскрики.

«Если б я родился не человеком, то наверняка был бы птицей», - мысленно улыбался он, то и дело смежал глаза, в мечтах полностью отключался от окружения, поднимался над паромом, зависая в воздухе, и парил вместе с чайками. Большой радости, чем видеть и быть с птицами, для него не существовало, и он с ужасом признавался себе, что предпочитает их даже Натали.

Натали, в свою очередь, с удивлением провожала его устремленный к птицам взгляд, пыталась уловить его мысли, угадать чувства и тоже жалела о том, что не птица.

«А может быть, сам он все же птица, но в человеческом облике?» - предполагала она.

Сейчас он, погруженный в созерцание клина и вздрагивавший после чуть ли не каждого вскрика, казался ей гораздо красивей и интересней, чем всегда.

Эка заметила его состояние и тоже сосредоточилась.

«Сколько в них тонкости, грации... Уникальные создания! Что уж говорить об абсолютности их создателя и творца», - погружался все глубже в свои мысли Авто.

Он еще долго после переправы не отключался от испытанного, стараясь удержать в себе сладость охватившего его чувства.

Машиной правил теперь Леван, повинуюсь указаниям осторожничавшей Натали.

Пришлось сделать небольшой крюк, чтоб попасть в упоительный Стамбул, проехать по знаменитому подвесному мосту через Босфор, по узким и широким улицам и проездам.

Начало лета выдалось не очень жарким, но солнечным. Если во Франкфурте еще чувствовалась легкая прохлада, то в Турции лето полностью вошло в свои права и, конечно же, южное побережье Черного моря оказалось куда более теплым, чем побережья морей, омывающих Италию.

В Самсуне автопутешественники, все, кроме Эки, отважились на открытие купального сезона.

Потом был любимый ими пляжный волейбол, воспоминания давних соперников о прошлогодней игре на берегу водохранилища их родного города.

Вся поездка в основном легла на плечи Авто и Наты.

Леван, промотав оставшиеся у него деньги, почти полностью подчинился Нате. Позднее Эка, по той же причине, пришвартовалась к Авто.

К тому же всю дорогу своего первого зарубежного турне у Левана разыгрывался большой аппетит и он с большим удовольствием, без малейшего смущения доедал то, что оставалось у его спутника и спутниц.

Мужская половина экипажа, памятуя о наложенном моратории, всячески пыталась продлить и затянуть турне, несмотря на то, что приходилось ночевать в машине, в отличие от девушек, которым снимали номера в небольших частных гостиницах проезжаемых городков.

Авто напоминал сестрам мудрое изречение о том, что разбирающиеся в жизни - никогда никуда не торопятся, на что ему девушки отвечали: успеть - значит выиграть.

Последним зарубежным пунктом поездки была двусторонняя таможня в Сарпи, которую удалось миновать почти безболезненно, зато в западной части их собственной страны машину то и дело останавливали всевозможные, неизвестно кем выставленные посты, от которых они отделялись, кроме долгих словесных и документальных препирательств, еще и пошлинами разного достоинства.

- Все хорошо, что хорошо кончается,- произнесла Ната с облегчением, когда они подъехали к столице.

- Да здравствует советский суд, самый гуманный и самый справедливый в мире,- ни к селу, ни к городу выкрикнул Леван.

- Ребята, может, не прерывать моратория?!- жалобно попросил Авто.

Ната и Эка вопросительно переглянулись.

- Надо, ребята, надо!- воскликнули, после недолгой заминки, в один голос.

- Ребята, давайте жить дружно?- растерянно протянул теперь уже Леван.

Девушки едва сдерживали смех, уже взволнованные и встревоженные предстоящими встречами с родителями, домом и работой.

III

Каждый человек виновен
перед каждым человеком...

Ф.Достоевский

и перед Богом и самим
собой.

Время неумолимо летело вперед и, увы, далеко не в пользу Авто. Его главному сопернику по отношениям с Натали, директору колледжа Гиви Досифеевичу удавалось встречаться и бывать с ней гораздо чаще и дольше, чем ему. К тому же тот куда более умело окутывал ее, словно щупальцами, втягивал в многочисленные проблемы и события своей жизни, связывал со своими близкими и родственниками. Неуклонно претворял в жизнь, хоть и постепенно, монотонно, незаметно, шаг за шагом, свои далеко идущие планы, словно стирая и вычеркивая всемогущей резинкой из ее жизни все, что было связано с Авто, сводя на нет все его усилия, устраняя любого, случайно оказавшегося на ее пути.

Натали все глубже увязала, как в омуте, в жизни и быту Гиви Досифеевича, отдавала себе в этом отчет, но ничего не могла поделать. Пыталась вначале сопротивляться, но неотвратимо осознавала, что чем упорней барахтается, с тем большей скоростью погружается в тину, точнее же - повинуется судьбе, мирится с ней и соглашается - пусть будет то, что будет.

Усилия, которые она предприняла накануне старого Нового года, при встрече с Авто в снежном курортном поселке были, пожалуй, самыми решительными и энергичными ее действиями, но, увы, они не увенчались ее высвобождением из жизни Гиви Досифеевича.

«Как изумительны и филигранны мастера, когда дело касается полного разрушения или отказа от своего земного счастья,- удивлялась она.- Ни одно живое существо, кроме людей, не владеет таким мастерством. Все, как правило, получают один, единственный, шанс на подлинное счастье, и, как правило, всегда его упускают».

Поражалась слепоте и наивности человеческого сознания. Уходить от счастья, даже впадая в грех, запирать и заколачивать перед ним двери, не впускать к себе, когда оно настойчиво стучится! А оно ждет недолго и ведет себя решительно.

«Ну, почему, почему мы так слепы,- изводила она себя.- Зато квазисчастью, представляющему перед человеком в облики счастья, очень быстро и решительно, радушно открываем настежь все двери и окна души. Ну, что, что еще было ему нужно, когда я уже целиком, окончательно, навсегда поднесла ему саму себя на подносе. оставалось лишь протянуть руку, по воле и желанию, без малейшего сопротивления», - анализировала она поведение Авто, учитывая его участвовавшие после турне попытки выйти с ней на какую-нибудь связь, по мобильному ли телефону, по электронной почте, случайным встречам в церкви...

- Все, глупый, все давно уже кончено,- ответила она ему во время недавней мимолетной беседы перед воскресным богослужением, когда он попытался в присутствии священника уточнить свои намерения.- Поезд давно уже ушел. все шло к тому, чтобы... мы... но ты бросил меня, а тот не зевал, неотступно и решительно следовал и шел за мной, везде и повсюду, против моего изначального желания и воли, словно выжидая, когда ты меня уронишь и уступишь, долго и терпеливо, как лиса ждет вожделенного кусочка сыра. Прости меня и прими это обратно,- возвратила она ему подаренные ей в те памятные дни кольца.

Авто опешил, попытался дождаться окончательного, потому что этот показался ему неокончательным, ответа, уклониться с помощью священнослужителя от разящего удара, выстоять начинающуюся воскресную службу до конца.

- Самым сладким и сладчайшим для нас всегда был и есть Господь-Бог, Иисус Христос, но у нас, у людей, настолько затемнены духовные очи, что мы не видим и не чувствуем этого,- начал проповедь отец Парнаваз.- Сильное земное чувство, образ любимого человека может заслонить собою Христа. Слепляя человека, влюбленность подчас становится жестокой мстительницей тем, кто угодил в ее объятия, потому что сердце человека живо лишь единением с Творцом и Создателем. К нему обращена наша подлинная любовь.

Не потому ли так часто, обретая желанного, достигая заветной цели, любящие причиняют друг другу боль, и те, что казались вчера идеалом, сегодня внушают лишь холодное отчуждение. И все потому, что нарушается заповедь - не сотвори себе кумира. Мы не должны приносить Господа в жертву чему бы то ни было, даже земной любви - самому прекрасному чувству людей.

В последнее время любовь отступает, и нам нужно внушить ее людям, чтоб они не стреляли и не убивали друг друга...

Авто дождался-таки окончания службы. Пока шла проповедь, время от времени посматривал в сторону непокоренной и непоколебимой Натали, стоявшей в черном облачении и строго и внимательно вслушивающейся в разливающийся голос батюшки.

«Вот еще крест,- мелькнуло у него в сознании,- который надо пронести».

Он ощущал явную непосильность ноши. На мгновение им овладело желание не дослушать проповедь, уйти, ускользнуть через боковую дверь. Но неведомая сила удерживала его.

- Господи, помоги!- взмолился он, устремляя взгляд на икону Спасителя, на каскад горящих перед ней свечей и воображая и самого себя большой горящей и тающей от любви свечой.

От привидевшегося почувствовал вдруг облегчение. Боль утихла и не впивалась наподобие шила. Огнем разгорелась душа, и из глаз непроизвольно потекли горячие, умиротворяющие слезы, словно капли тающего воска с горящих свечей. Внутри теплело. Сердцем овладела неведомая ранее сила, радость, лицо зарделось, жгучий огонек пробежал по всему телу. Он впал в непередаваемое словами блаженство.

«Ну, конечно же, все, как и должно быть,- приходило на ум,- все возвращается на круги своя. Любовь земная в который раз разбилась о мир и его нравы. Но откуда эта легкость» Спасибо, Господи, что услышал меня?.

Не в силах более сдерживать свои чувства, он выбежал-таки на склон горы, обросшей хвойными деревьями и манящей к своей высоте.

С радостью осознав свободу, озираясь вокруг, опасаясь, чтоб не заметили, раскинув руки, приник к стене храма. Блаженство разливалось по всему телу. Он сотрясался, но сдерживался. Успел опустить кольца, возвращенные Натали, на невысокий мраморный выступ в стене.

- Прими меня, Господи, введи в тело стены храма твоего,- воззвал он из самой глубины души.

Показавшаяся из-за угла храма Эка обомлела, заметила, как на выступ неподалеку от колец опустилась сорока, подхватила одно и улетела в сторону леса.

Авто не было видно. Ошалев, она бросилась обратно в храм, шепотом перебила священника:

- Батюшка, помогите!.. Там... один вошел в стену храма и остался в ней.

Отец Парнаваз и остававшиеся в церкви прихожане с удивлением смотрели на нее. В доказательство увиденного она показывала оставленный на выступе простой обруч для кольцевания птиц. Ее уговаривали, увещевали, уверяли, что ей все показалось, что Авто не вошел в стену, а просто-напросто ушел из церкви.

Она не унималась, сокрушалась, винила во всем случившемся себя. Упрямо твердила:

- Пройдет время, и вы убедитесь, что я говорю правду...

Домой шла вместе с Натали, с ужасом замечавшей, что рассудок ее сестры угасает.

Со своей стороны обида до глубины души уязвленной Эки разрасталась и обострялась.

- Нечего было морочить голову и водить за нос, если не думала выходить за него,- распалась она.

- Я живу с другим человеком,- потупилась Натали,- принадлежу ему, а с Авто у нас не получилось и не получится. Он найдет себе другую, а ему без меня хана.

- Кому ему?- запальчиво воскликнула Эка.

Натали молча отвела от нее взгляд.

- Неужели Гиви?- в ужасе прошептала она, изменяясь в лице.

Натали не отозвалась.

- Ты с ума сошла? Старый, с ребенком?!

- Так получилось,- выдохнула Ната.- Все имеет свой итог.

- Давно?

- Что давно?

- Давно это случилось?

- На старый Новый год.

- Перед аварией?

Натали кивнула.

- Что же будет дальше?

- Не знаю. Время покажет.

- Ты любишь его хоть немного?

- Скорее завишу.

- Но ты ведь можешь порвать с ним, если...

- Я же сказала...

- Ну и что? Разве ты этого желала?

- Какое это теперь имеет значение?! И вообще замнем этот разговор, кабы родители не узнали...

Эка, ошеломленная признаниями сестры, тщетно, но все же пыталась выйти на след Авто. Выяснила, однако, не без помощи Натали, лишь то, что брат Авто Рамаз с семьей отправился отдыхать на море и что Рубен с Тамиллой тоже уехали, прихватив с собой находившегося на бюллетене больного Гелу.

Далеко заходить в поисках Натали не желала и Эке не советовала:

- Думаю, не стоит беспокоить и волновать людей. Тем более доводить до сведения отца или сестры. А что, если он и вправду, как утверждают некоторые его знакомые, укатил в новую командировку? Это в его стиле, уходить и уезжать неожиданно, не попрощавшись, и исчезать...

- Да нет же! Почему вы мне не верите?- противилась Эка.- Если бы мне это просто рассказали, я бы не стала настаивать. Но ведь видела все своими глазами!

- Что видела, Эка? Какой абсурд! Ради Бога, не повторяй. Скажут, что ты свихнулась,- пыталась поугатать свою младшую сестру Натали.- Он просто вернулся в церковь и вышел через другую дверь. А тебе показалось...

- Да нет же! Нет! Все было так, как я говорю,- не сдавалась Эка и все больше уединялась.

V

Легкая пластмассовая четырехкрылая ракета с надписью «Бумеранг» по кривой, с нарастающей скоростью опускалась на прозрачную гладкую поверхность воды. Ткнулась в нее красным носиком и почти бесшумно, с мягким всплеском, легла.

- Гляди, Акакий, как здорово вышло! Несмотря на крылья и массивный резиновый нос, удалось направить ее на нужную траекторию полета. В отличие от тебя ракета послушная. А вообще запомни: как запустишь, так и полетит.

Акакий пристально, снизу вверх взглянул на отца. Тот одернул модные голубые плавки, стянул с головы матерчатую белую кепку с противосолнечным козырьком,

поскреб многозначительно затылок и резко, словно спохватившись, кинулся в море за ракетой.

- Опускай конец медленно и плавно,- предупредил его отец перед повторным запуском,- и чтобы вода полностью не накрыла отверстие снизу. Только частично, чтобы внутрь проникла вместе с воздухом и до определенной отметки.

- Хорошо, па,- радостно отвечал Акакий уже на плаву.

- Ну, молодец!- не замедлила прозвучать похвала.- Ставь теперь на насос и зажимай снизу держателем,- подошел отец к самой кромке берега.

- Рамаз, ради Бога, осторожно,- послышался с пляжа женский голос,- не хватите кого-нибудь этой вашей дурацкой ракетой.

- Не дурацкой, а крылатой,- огрызнулся Акакий.

- Не бойся, мать, ЦУП1 отвечает за безопасность!

- Рамаз, ты ведь не ребенок,- возмущалась Лия, которой и принадлежал прозвучавший давеча голос,- этим можно заниматься, когда на море почти никого нет, то есть ранним утром!

- Не бойся, ма, мы никого не заденем,- в тон отцу отозвался и Акакий.

- Ладно, в последний раз,- пообещал Рамаз.

- Неплохо, Акакий, неплохо! Умница!- подбадривал отец.- Подкачивай воздух насосом, осторожно. Не торопись! Следи за отметкой воды внутри.

Акакий кивнул, но, не в силах более преодолеть насосом гидростатическое сопротивление, медленно вытянул обе руки вперед, обернулся и вопросительно взглянул на отца.

- Давай! Ну!

Акакий медленно, с опаской, слегка прищурившись, нажал на рычаг удерживающего кронштейна, и игрушечная четырехкрылая ракета, раскрывшись и крутанувшись вокруг своей оси, взметнулась вдруг в голубую небесную высь, на ходу освобождаясь от лишнего земного груза в виде воздуха и морской соленой воды, попустительством коих все земное, живое и неживое, удерживается на земле.

- Па, смотри, как она красиво летит,- вскрикнул в восторге Акакий, провожая глазами взмывающую в небесную высь накету.

- Ага!- согласился с ним отец, с меньшим удовольствием наблюдая за полетом.

Ракета взлетела, ее уже едва было видно на вершине полета. Переливаясь и заигрывая с лучами не достигшего еще зенита летнего солнца, она словно не спешила возвращаться обратно домой, на землю.

Повинуясь, однако, непререкаемым законам гравитации, она медленно изменила траекторию полета, пошла носом вниз и с нарастающей скоростью начала опускаться на тихую морскую гладь.

Приземление прошло успешно. Не задев никого из плавающих в море людей, ракета удачно плюхнулась в воду в нескольких метрах от плавающего неподалеку красного буйка.

- Ну, вот! Плыви теперь за ней!- не замедлила отметить крохотный просчетик Лия.- Охота?

Рамаз медленно и неторопливо - ничего другого ему не оставалось- поплыл в очередной, счету не было, в какой, раз и вытащил аппарат из воды.

- Все, Акакий, больше не могу!- попенял он сыну.- На сегодня хватит!

- Еще разок, па, прошу тебя!

- Ну, все! Сказано, хватит! Смотри, сколько уже народу!- прикрикнула Лия.
- Акакий, ты хочешь, чтобы нас побили»- поддержал ее Рамаз.
- Ну, пожалуйста,- жалобно постанывал и конвульсивно подергивался Акакий.
Лия подошла к ребенку, подхватила его за руку и потащила вглубь пляжа, под навес.
Акакий упирался, волочился по золотистому песку пляжа, и все чаще и энергичнее дергался.

Решительные действия Лии неожиданно пресек, встав на ее пути, Рамаз:

- Пустим еще раз. Последний!
- Нет!
- Ну, пожалуйста!
- Нет, и все!
- Проси, о чем хочешь!- предложил с улыбкой Рамаз.
- Ничего мне на надо!
- Ничего-ничего?!- прищурился с сомнением Рамаз.
- Ничего!
- Акакий, ты слышал?!- обратился он к сыну, неожиданно прекратившему сопротивление.- Запомни! Пусть сейчас будет так, как она хочет, но она нас тоже о чем-то попросит.

Лия удивленно посмотрела на Рамаза.

- Таимз ар чеиндж,- предостерег тот.
- Что?
- Как что, мама? Времена меняются,- поспешил с переводом с английского Акакий.
- Почему ты портишь ребенка?- вскинулась на Рамаза Лия.
- Кто портит? Я?! Акакий, даешь слово мужчины, что на сегодня в последний раз»
Акакий резко подскочил и вытянулся в стойке:

- Конечно, па, даю!
- Ну, как?- осторожно переглянулся с Лией Рамаз.
По ее губам проплыла легкая улыбка, смягчив недавнюю агрессию.
- Ну, ладно,- согласилась она,- посмотрим на вас, какие вы мужчины.

Акакий, уже с немалым знанием дела, бросился повторять то, что уже неоднократно выполнил нынешним утром, с тем небольшим отличием, что добавил на сей раз в ракету немного золотистого пляжного песка, словно шепнул ей на ухо некое загадочное слово и поцеловал. Перед непосредственным стартом заметил вдруг, как внутри ее, в воде с песочком заиграли загадочные мерцающие огоньки. Не в силах отнять от них взгляд, зажмурился, заморгал, и вдруг увидел, как вся ракета в один миг занялась ярчайшим огнем, обратилась в пламенеющий шар, и мгновенно нажал на рычаг ракетодержателя.

Ракета с рокотом, в более медленном, чем при предыдущих запусках, темпе, взмывала вверх, ведомая пятью стихиями: воздухом, водой, землей, огнем и любовью, легко одолевая земное притяжение.

Акакий обомлел от явившейся взору красоты, пораженный и подавленный ею, с зашедшимся от опасения «она не вернется» сердцем.

- Что за чушь?- перебил его оцепенение удивленный голос отца, словно угадавшего его мысли.
- Па, ты видел?
- Что?

- Как она полетела?
- А как?
- Как-то странно...
- Как это странно?
- Как будто загорелась...
- Тебе показалось, сынок! Ты насмотрелся запусков настоящих ракет из Байконура по телевизору.

- Нет, не показалось! Я видел...
- Ну, ладно! Я пошутил. Лучше проследим, как и где она приземлится.
Он притенил ладонью глаза и напряг взгляд, пытаясь отыскать исчезнувшую из виду ракету.

- Да ладно тебе!- вывел его из сосредоточенной задумчивости Акакий.
- Чего это ладно?
- Отыскивать ее в небе.
- Это почему же?
- Да не вернется она все равно!
- Как это не вернется?
- А вот так!
- Ну, ты даешь, Акакий! А как же закон земного притяжения, о котором я тебе столько раз рассказывал?

- А метафизика?- сощурившись и поглядывая на отца снизу вверх, вопросом на вопрос отозвался Акакий.

- Откуда ты про нее знаешь?- оторопел Рамаз.
- Знаю,- отмахнулся Акакий и направился вглубь пляжа, к топчанам, где загорали его мама и сестрички Анечка и Теа.

Тщетные поиски по всему вероятному ареалу приводнения к результату не привели. Рамаз подключил к поискам даже спасательный катер.

- Все, больше не могу!- в полном изнеможении рухнул он на топчан.
- Да утонула, наверное, или залетела далеко и затерялась,- попыталась успокоить его Лия.

- Утонуть не могла, потому что пластмассовая и при скольжении вниз с большой высоты утыкается массивным резиновым носом в воду. А нижнее отверстие оказывается приподнятым над ее поверхностью.

- Говорила, ладно вам запускать. Не послушались, так терпите. Собирайтесь. Пора домой!

- Па, а знаешь, почему она не вернулась?- шепнул Акакий отцу перед тем, как ложиться спать.

- Нет,- покачал головой Рамаз.
- Потому, что я поцеловал ее и влил в ее пустую полость вместе с четырьмя стихиями еще и любовь и попросил вознести ее в небо и там укрыть и сохранить, потому что с возрастом она понемногу увядает и умирает. А я подумал, пусть уж лучше живет на небе и осеняет меня всю жизнь.

У Рамаза глаза на лоб полезли от удивления. На мгновение он замер и не знал, что ответить своему десятилетнему сыну.

На выручку пришла его старшая дочь.

- Я тоже, когда мы уезжали сюда, на море, поцеловала на прощание Жучку и шепнула ей на ухо, что я ее люблю. Неужели она тоже не вернется от тети Нино и останется у нее жить?

«А что будет, когда они вырастут?»- с ужасом и в то же время с гордостью подумал Рамаз.

Медленно погружаясь в сон, он не мог отмахнуться от мыслей о величайшей царице чувств человека, любви, в самом широком смысле этого слова, ради которой только и стоило приходить в этот мир, рождаться, жить и умереть... и вокруг которой вращаются,- нет, пожалуй, должны вращаться,- подправил он себя,- все отношения, все окружение человека, живая и неживая природа.

VI

Ноги человека ступали по земле с опаской и ненарочитой осторожностью.

«Дети советуют мне пользоваться палкой для большей уверенности и надежности,- размышлял он на ходу,- но пока еще я этого делать не буду, и дай Бог, чтобы явная необходимость в ней наступила не скоро. Ведь обходится без нее мой брат... а ведь старше меня на целых десять лет. Да-а, сумел, сумел себя сохранить! Удалось. Деревня лучше сохраняет здоровье и жизнь людей, хоть в ней и труднее и жить, и выживать. Выходит, чем трудней человеку живется, тем для него лучше? Все ли об этом знают? Порой да, знают, да все равно утверждают, что лучше прожить гораздо меньше, чем им отведено, но зато так, как им хочется, а то и лучше того. Ничего не скажешь, нет предела дерзости человека... Кто ты такой, человек, чтоб так возомнить о себе! Мы порой обидчивы и ранимы. Нас уязвляет, что наши собственные дети не всегда нам покорны и многое делают по-своему, а не по-нашему. Не очень уж часто навещают нас, хоть, может быть, и часто о нас думают. Так какую же боль и обиду наносим мы Создателю и Творцу, когда не приходим к нему по воскресеньям поклониться и возблагодарить его за то, что он дал нам во владение всю живую природу, чтоб мы обихаживали и берегли ее, как садовник свой сад».

Словно в подтверждение его мыслей на верхушке деревца, среди зеленых листьев и желтеющих плодов затянул грустную мелодию одинокий дрозд.

«Да,- посочувствовал ему человек,- если бы сейчас рядом со мной был мой любимый, младший сын, он бы подпел тебе, желтоклювик, в этом. Но кто знает, где он? А как бы хотелось видеть его, и дожидаться и от него внуков и и внучек.

Певчий дрозд ожил на ветке, взмахнул крыльями и унесся в соседний сад.

- Шалва, перекинь, пожалуйста, шланги туда, где дальние деревья у ограды вдоль дороги. Мы давно их не поливали,- послышался голос садовника.

- Хорошо, Давидович,- отозвались ему с не очень далекого, но невидимого расстояния.

«А может, все дело в том, как человек в старости ухожен,- продолжал свои размышления Давидович,- вон у моего брата жена еще жива и здорова, а моя... бедняжка... к концу жизни даже наносила обиды своим близким, которые за ней безотказно ухаживали. Ни болезнь, ни старость не радость. Но, как свидетельствует наша благословенная жизнь, мать семьи, пусть и немощная, ее главная мощная опора. Она притягивает к себе, объединяет и придает жизненные силы».

Из соседних дворов и участков доносились обрывки резких, а то и нервных перебранок.

- Из-за чего ссорятся, Шалва?

- А кто их знает, Давидович! Видать, не поделили чего-то.

- Мой отец, Шалва, был очень набожным и трудолюбивым человеком и пользовался большим уважением и любовью почти всех односельчан,- счел необходимым напомнить Давидович.- Так вот, он частенько говаривал, что все разборки и драки случаются, когда у людей нехватка работы и занятости. То есть, сам понимаешь, попросту от безделья. Время есть, отчего не подраться?! У тружеников тоже нет-нет, да и всплывают спорные вопросы, так вот они решают их мирно. Драка - дело дармоеда, внушал он нам. И уныние тоже. У рабочей пчелы для всего этого нет ни минуты. Без работы она быстро погибает. Да и для человека это пагубно.

- Это-то хорошо, Давидович, но работать насмарку тоже не очень-то по душе. Вон сколько помидоров посадили, а гад тарантул, или как его там, перегрыз все и загубил. Не поймешь, чего он подсекает колышки. Благо, питался бы ими, а то?..- недоумевал Шалва.

- А-а,- протянул Давдович,- на то и вредитель, чтоб вредить. Но ничего, на них есть и управа. Вот дети мне принесли на прошлой неделе средство, новый агрохимический препарат «БИ- пятьдесят восемь». Говорят, истребляет вчистую. С грызунами еще можно бороться, а вот с нетрудолюбивыми людьми труднее. Они ведь тоже в общем-то паразиты. Труд, если и не создал человека, то формирует его. Трудился и Спаситель, и его апостолы. А апостол Павел еще и говорил, что кто не работает, тот не должен и есть. Труд пробуждает и утверждает в человеке честность, порядочность, искренность...

Как ты думаешь, Шалва, почему я сбежал от своих детей, от городской жизни в корпусах, от городской суеты?

Шалва пожал плечами и помялся.

- Потому, что здесь больше труда, отдачи. Пребывание здесь более рентабельно. А как ты считаешь?- спросил его Давидович, выливая в лохань принесенное Шалвой из кухни ведро с новой порцией теплой еды из опавших с деревьев на землю проваренных фруктов.

- На вашем месте я бы и сам поступил так же, Давидович,- согласился с ним Шалва.- Но... взгляните, что сейчас творится с нынешним подрастающим поколением, не привычным к труду, не имеющим его.

- О-о, и впрямь национальная трагедия. Не встанем на ноги до того, пока такое отношение к нему, также отчасти привитое и некоторыми зарубежными предпринимателями, не изменится. Так и будем пробавляться завезенной продукцией.

- Но ведь кто в этом виноват...

- Я и сам не сторонник все сваливать на других. Девяносто девять процентов вины-наши. Ну, а один, как один в поле не воин.

Лохань наполнилась до краев, и барашек и молодая свиноматка уловили это обстоятельство.

Барашек, оторвавшись от зеленой травки вокруг лоханки, уперся лбом в свиноматку, потерял с нежным, должно быть, чувством к соседке, не отвергнутым ею, и оба в истоме припали рылами к свалившимся на них невесть откуда сытости и теплу.

Поглощение, однако, не затмило давешних ощущений тепла иного, нежели от корма, и они то и дело отрывались от тюри, чтобы вновь потереться боками и лбами и подтвердить давнее наблюдение, что не хлебом единым жива всякая тварь.

Соседи с удивлением наблюдали за изъявлением чувств, молча уверяясь, что нет ничего теплей и ценнее, нежели чуткость в отношениях и взаимопривязанность душ.

- Надо выпустить и большую свинью,- вспомнил Давидович и попросил Шалву открыть дверь ее хлева,- пусть пороется в земле и пощиплет травку, а то крушит все подряд. Дотянуть бы до конца года, а там зарежем - полакомимся. Мяса и жира по горло, хватит всем, и нам с тобой, Шалва, тоже.

Пока соседи обходили посаженные весной молодые деревца, прощупывая их на крепость, выпущенный из свинарника хряк осваивался на садовом участке. Шалва заметил, что он погнался за мирно пасшимся барашком и свалил его набок.

- Гляди, Давидович!- вскрикнул он.

- Господи, надо выручать беднягу, не то на прошлой неделе этот обжора слопал у нас курицу,-растревожился Давидович.

«Неужели он может справиться и с барашком?»- опасливо поспешал он вслед за Шалвой к месту конфликта.

- Вот это да! Что он натворил!- склонился Шалва над жертвой-барашком, обкусанным хряком. Сам хряк обнаглел настолько, что даже не отбежал, а стоял на месте в дерзкой надежде, что ему позволят доесть добычу.

Барашек истекал кровью с еще несомкнувшимися глазами, хрипел и содрогался в конвульсиях.

- Ну, твою мать!..- не сдержался Давидович и запустил в хряка камнем.- Ращу тебя, кормлю, негодник, а ты...

- Ладно вам горячиться, Давидович,- остановил его Шалва,- надо успеть зарезать барана.

- Большие ножи в кухне, Шалва,- слегка поостыл владелец живности.

Пока Шалва бегал за ножами, он ласково прощался со своим безобидным любимцем.

«Очень хотел додержать тебя до Нового года, и вот, что и как получилось»,- словно оправдывался он.

Когда неожиданно к даче подкатили на машине дочь и зять Давидовича, обезглавленная тушка уже висела на суку и Шалва ловко ее освежевывал.

- Чего это вы поторопились, Давидович?- озадаченно улыбнулся Нукри.

- Да, тут такое стряслось!- захлебываясь, принялся рассказывать Давидович.

- Ну, ты, отец, прямо-таки каннибалов у себя развел!- всплескивала руками Нино.- Не знаю, не знаю, съедобны они или нет.

- Зря я с ними связался!- пришлось Давидовичу признаться.- Без них было бы спокойнее.

- А мы тебе еще двух уток привезли,- хитро подмигнул сын Нино - Бондо.

- Да зря! Меня и своя-то парочка донимает. Только и знают, что за курами гоняются! А чего вы детей не прихватили, соскучился по ним.

- А с ними мороки больше, чем с живностью,- все пошучивал Бондо,- отправили их с мамой к бабушке!

- Зато вот Жучку прихватили. Прямо облаяла всех нас, хочу, говорит, Давидовича повидать. Возьмите, пристала, меня с собой, возьмите!- смеялась Нино, выгружая из багажника привезенные отцу продукты, одежду, кое-какую утварь.

Жучка выскочила из машины, с радостью бросилась к Михаилу Давидовичу, повиливая хвостом, обнюхала его, отбежала к Шалве познакомиться, пару раз твякнула на почти освежеванную тушу барана.

- Уведите собаку, как бы мяса не хватанула!- взвизгнул Шалва.

- Ко мне! Пошли угощу!- поманила Нино Жучку на кухню.

- Погоди, а как она оказалась у вас?- спохватился Давидович.

- Рамаз и Лия с детьми уехали на море,- объяснила Нино,- а собачку оставили нам, она плохо переносит дорогу.

- Ишь ты, какая неженка!

Показался Нукри, подхвативший за ноги двух молодых уток.

- Ой, не надо! Зачем они мне?- запротестовал Давидович.- Кормить их надо, ухаживать!

- А корм мы тоже привезли!- все подмигивал Бондо.

- Бондо, внучек, я оставил для тебя нетронутой небольшую черешенку. Ступай, приволоки стремянку, полакомись. И корзиночку припаси, вон она, я приготовил. Собери для отца и матери.

Бондо смущенно помялся:

- На мне, дедуля, костюмчик за триста долларов, да одеколоном за пятьдесят я надушен. Как ты думаешь, полезу я за копеечной черешней на дерево?

- Бесстыдник! Копеечной,- возмутилась Нино,- да она экологически чистая-пречистая. Еще бы, своя! Беги в дом, есть во что переодеться.

- Мама, почему ты настаиваешь,- разнервничался Бондо,- я не хочу сейчас лезть на дерево.

- Ладно, доченька! Не хочет, не надо,- примирительно покачал головой Давидович, вместе с Нукри направляясь в сторону курятника.

- Куры, Нукри, куда продуктивнее уток,- пояснял он на ходу,- они и яйца несут, и мясо дают, а утки...

- Ну, почему, Давидович, высиживает ведь сейчас ваша утка,- возражал Нукри,- глядишь, скоро вылупятся. Такие пушистые, желтенькие. Одно удовольствие!

- Да не высидит она! Такая бесшабашная и безответственная, дальше некуда. И сама поразбивала несколько яиц, и воруют их у нее, когда она разгуливает, всего-то два яичка и осталось.

- Как?- удивился Нукри.- Из девяти?

- Да, а ты-то думал! Шалва подозревает, что это наш кот шкодит. И яйца жрет, и за цыплятками охотится.

- Вот паразит. Не кормите вы его, что ли?

- Кормлю понемногу. Остальное пусть добывает сам. Полно мышей и крыс, он их не трогает, а цыплят и яйца знай подавай!

- Ворюга! Убрать его ко всем чертям!- распорядился Нукри.

- Сколько раз соседи относили его Бог знает куда, а он все возвращается. Приблудился! А вообще, кому только я ни делал добро, все потом оплачивали злом.

- Се ля ви, Давидович, ничего не поделаешь!- выпустил Нукри в курятник двух молодых уточек.- А кота мы сегодня на машине увезем подальше.

- Сделайте милость! Хоть, признаться, и жаль этого паразита. Привык как-никак, привязался. До него у меня была кошка, его мать, кстати. И красивая, черно-белая, и с мышами да крысами воевала, а этот в кого уродился, не знаю.

Уточки отряхивались, осваивались в курятнике, но знать не знали еще, какое их ждет испытание - старый селезень не дал им опомниться, принялся гонять по всему двору и постукивать по затылкам.

- А ну брось свои проделки!- приструнил его Нукри, загоня в курятник.

- Паршивец заклевал у меня пару прекрасных несушек-кур, пока не привык и не сжился с остальными. А теперь вот, пожалуйста! Кстати, будете уезжать, не забудьте захватить свежие яйца для детей, я их насобираю и разложу в подвале в прохладе.

- Спасибо, Давидович, спасибо, никогда нас не забываете,- благодарил Нукри.

- Папа, Нукри, Шалва, идите все на кухню, перекусим, я уже накрыла,- услышался голос Нино.

Михаил Давидович вынес свое фирменное красное вино с прошлогоднего урожая.

- В этом году урожай винограда будет, кажется, не богат,- признался он за столом,- ничего, прикупим и добавим немного белого.

- Добавим, Давидович,- успокоил его Нукри,- куда денемся!

- А что слышно от Авто?- поинтересовался Давидович,- как там его девушка? Нато, что ли, зовут?

- Что слышно?! Ничего не слышно!- отвечала Нино. Пропал опять, как сквозь землю провалился. А эта Нато мне очень не нравится.

- Опять, наверно, куда-нибудь в очередную командировочку слинял,- пояснил Нукри.

- Сколько раз его упрасивал, чтоб не таскался так бесшабашно по этим своим командировкам. Но уж раз едешь, говорю, сынок, то хоть брату или сестре сообщай, когда, куда, с кем и на сколько отправляешься.

- А он такой, папа! Что, ты его сегодня узнал? Ни во что нас не ставит,- пожаловалась Нино.

- Ну, как не ставит, Нино,- вмешался Нукри,- просто он объясняет это тем, что командировки его настолько частые, непредвиденные и неопределенные, что легче съездить и возвратиться, нежели о них трезвонить.

- Да оставьте вы этого человека в покое,- разгорячился Бондо.- Неженатый, свободный! Куда хочет, когда хочет и с кем хочет ездит. Будет он еще вам сообщать об этом. Может, еще и к девочкам заглядывает.

- Да ну,- улыбнулась Нино,- будто бы ты не знаешь, какой он.

- Никто вообще не знает, ма, кто, когда и какой,- кипятился Бондо,- мы даже сами себя толком не знаем, а рассуждаем о других и за других.

- Да, но сообщать о себе он все-таки может, Бондо?- не соглашалась с сыном Нино.

- Погодите, дайте ему время. Женится, остепенится, еще и засядет дома, не выгонишь!

- Давайте, Давидович, в лице Авто выпьем за тех, кого сейчас нет рядом с нами, кто в командировке, кто у себя дома, кто в море, кто в небе,- предложил тост Нукри, чокаясь с ним и с Шалвой.

- Ты, папа, налегай не столько на вино, сколько на лекарство,- ввернула Нино, уцепившись за повод переключиться на любимую тему.

- Да ладно вам! Ворона я, что ли, жить сто лет?!

- Вороны, Давидович, живут не сто, а триста лет,- уточнил Нукри.

- В том-то и дело, что по последним среднестатистическим данным и опросам населения ученым сравнительно недавно удалось выяснить, что и продолжительность жизни ворон резко упала и опустилась до отметки сто лет.

- Ну-у?- удивился Нукри.- Неужели курить принялись да гулять?

- Да нет, к людям стали приглядываться и переживать за них.

Перекусив и пропустив, принялись за кое-какие дела.

Нукри пошел помогать Шалве разделявать барашка, пересыпать куски мяса солью крупного помола.

Бондо занялся машиной, убрал багажник после разгрузки.

Нино возилась на кухне.

Сам же Михаил Давидович тихим ходом отправился в сад, прихватив по пути с собой небольшую стремянку с шарнирным раскрывателем поверху и корзинку.

Прошел к нужному деревцу, неторопливо приставил к нему стремянку, раскрыл на все сто восемьдесят градусов и принялся взбираться по ступеням. На середине пути стремянка вдруг резко подалась вперед, сработал шарнир, ветвь качнулась, растерявшийся Давидович, отпрянув назад, полетел вместе со стремянкой с высоты более двух метров, всей тяжестью грохнулся на спину и порядком ушиб затылок.

Боль дико пронзила его, и он отключился от внешнего мира. В чувство его приводили с помощью нашатырного спирта. Приходил он в себя тяжело и долго, словно качаясь на карусели. Нино бранилась, обвиняла и отца и сына разом, впрочем гнев ее не обошел и остальных.

К счастью, все обошлось без переломов, сотрясения и ссадин. Ужасались тому, что лишь в нескольких сантиметрах от места падения из земли торчал пень от недавно поваленного сильным ветром и потом спиленного дерева.

- Если бы...- вскрикивали и тотчас же умолкали.

Михаила Давидовича отвели в дом и уложили в постель.

Черешню пришлось собирать Шалве.

Кота-террориста, исцарапавшего Нукри, отлавливали сложным «техническим» способом, увенчавшимся тем, что сорванца за шкуру опустили в мешок с отверстиями, где он забился и задергался, вынудив Нино спеть в салоне машины колыбельную и тем утихомирить его. Давидовича хотели взять с собой на несколько дней в город, но он запротестовал и категорически отказался оставить хозяйство и участок.

Когда ведомая Бондо машина отъезжала от дачки, уже сгущались сумерки, но Шалва остался при пострадавшем еще на часок и, возвращаясь домой, еще долго оглядывался.

В машине назревал конфликт между почуявшими запах свежего мяса извечными врагами - котом и собачонкой.

- Сдрейфил,- дразнил кота Бондо,- а воровать небось молодец? Лодырь этакий. Кругом столько мышей, а таскаешь цыплят!

- Получай теперь, высадим тебя в центре города. Вот и выкручивайся!

Высадили и в самом деле в центре, возле ряда мусорных баков.

Оказавшись на свободе, кот в недоуменье встряхнулся, не веря освобождению, постоял на месте, не двигаясь, и, смирившись с участью, принялся озираться и присматриваться к особенностям и достопримечательностям ареала нового обитания.

- А что ты думал, возьмем тебя домой и обдерем на суп с котом?- ждал в машине Бондо.- Ну, бывай, шуруй теперь на воле и живи, как заблагорассудится.

Кот рванул в закоулки между мусорными баками и исчез из виду.

VII

С большим трудом взобравшийся на окаймляющую стенки почти пустого мусорного бака кромку котенок осторожно, наощупь переступал по ней лапками и жалобно мяукал от терзающего душу жестокого голода.

Он высмотрел на дне бака остатки уже разобранных отходов, из которых более всего притягивал его внимание и раздражал обоняние запах рыбьих косточек и жабер, сам по себе способный хоть чуть-чуть утолить тоску под ложечкой.

Мать котенка с тревогой наблюдала за продвижением своего чада по кромке к вожделенной цели.

«Какой еще нерешительный, бедняга! Не понимает, что голод куда страшнее ушибов. Пора учиться. Пора! Не то...»

Кошка резким броском вспрыгнула на бак и подкатилась к котенку. Попыталась мягонько подтолкнуть его, убыстряла для примера свои движения, поглаживала, лизала, сама прыгала в бак, возвращалась быстрым взлетом наверх, но тщетно. Котенок не мог преодолеть чувства страха и предпочитал мяуканьем просить о помощи мать.

Мать решила наконец на резкий поступок. Облизав мордочку чада, столкнула его боком на дно бака и прыгнула ему вслед сама. Вслед же за ней ринулся вниз и наблюдавший за всей картиной большой старый бело-коричневый кот, завезенный недавно в город из пригорода. Но ринулся в бак соседний, чтоб не объесть мать и ее чадо.

Чуть позже к бакам подкатила иномарка, коричневый «ОРЕЛ», из которого неторопливыми движениями выбрался мужчина лет шестидесяти. Он подволок к себе из-под сиденья целлофановый куль с мусором и опустил его в один из баков.

- Так! Это тоже так!- как бы подводя чему-то итог, бормотал он.- Ох, уж эти женщины! Ленятся выбросить поблизости, и вози его в этакую даль. Была одна, а теперь целых три девицы.

«Выросли дочки, прибавилось беспокойства.Что ж! Любишь кататься, люби и саночки возить»,- всплывали в памяти назиданья жены.

Брошенный целлофановый пакет «счастья» чуть не угодил в голову уже покинутому матерью котенка. Он забился в угол, сжался и ждал, когда отойдет от сердечка, чуть не лопнувшего от броска, который принес ему жизнь.

За специальным кормом для попугайчиков Мамии Сергеевичу пришлось ехать в зоомагазин, изобиловавший богатейшим набором товара, как пернатыми, в основном австралийскими попугайчиками, волнистыми карела-нимфами, королевскими жако и африканскими бурохвостами, так и кормом для них.

«Может, рыбок купить?- задумался Мамия Сергеевич у аквариума с разнообразными экзотическими видами, - как-никак успокаивают нервы, пробуждают мысль, наводят на философские размышления и, главное, побуждают к спокойствию и сосредоточенности».

- Да, но за ними нужен уход и уход,- перебил его мысли, словно читая их, подошедший продавец.

- Вы думаете?

- Конечно. Красота требует жертв.

- Больше, чем за попугайчиками?

- Возможно. Они ведь более утонченные существа.

Мамия Сергеевич слегка оскорбился и перевернул пластинку, внутренне встав на защиту своих домашних пернатых любимцев:

«Утонченнее, чем мои попугайчики? Утонченней и умней, чем мой чижик? Ну, уж нет, этому я не поверю».

- К сожалению, я не знаком с вашим чижиком,- оправдался продавец зоомагазина.

- То-то и оно! Он у меня самый...- Мамия Сергеевич осекся и задумался.

- Возможно, я не спорю,- миролюбиво продолжал продавец,- чем могу вам служить»

- Корма подберите, пожалуйста, самого лучшего, для моих попугайчиков,- запальчиво потребовал Мамия Сергеевич.

- Сейчас,- несколько опешил продавец и обернулся к полкам.

Из-за спины Мамии Сергеевича вдруг послышались изумительные переливы кенаря. Он замер от неожиданности.

«Какое блаженство!»- смежил веки и отдался наплывающим ощущениям, особым, рождающимся от слияния здоровой мысли и мягкого чувства.

«Прекрасно! Он так, к сожалению, не может»- раздосадовался и, обернувшись, принялся высматривать солиста. Клетка того висела над вольером с кошками и котятами разных пород и окрасок, облизывавшимися и устремлявшими взоры и помыслы кверху, к соседям по верхнему этажу.

- Это же бесчеловечно!- обратил на это Мамия Сергеевич внимание продавца, принимая у того фунтик с кормом для попугайчиков и расплачиваясь. - Зачем вы издеваетесь над такими прекрасными кошечками? Ну, хотя бы передвиньте канарейку куда-нибудь подальше от них.

Продавец улыбнулся.

- Какая разница? Не увидят, так услышат! К тому же, чем больше расстояние до вожделенного объекта, тем сильнее и рвение.

- Ну, здесь бы я с вами поспорил,- удивился Мамия Сергеевич.

- Да, это так! И потом, таким образом мы пытаемся поддерживать в кошках их основной, кошачий инстинкт, настороженность и стремление к добыче. В противном случае этот инстинкт у них притупляется и они довольствуются лишь подачками извне.

- Понятно,- ответил Мамия Сергеевич, задумываясь,- в этом плане на них походит и человек. Если его постоянно кормить в одно и то же время, то и у него постепенно отпадает желание работать и самому зарабатывать себе на пропитание.

- А вот недавно была передача по телевизору,- вспомнил продавец,- показывали безработного во Франции, которого приютило Общество Красного Креста. Другой безработный существовал и жил на социальном обеспечении и пособии по безработице. Оба довольны, и никакого желания работать, найти хоть какой-нибудь источник заработка.

- Помилуйте, зачем нам работать?- заявляли они в один голос.- Это нам невыгодно, так как мы потеряем социальную поддержку и пособие. Больше того, придется платить налоги.

- Поощрение безработицы?- спросил Мамия Сергеевич.

- Это у них называется по-другому - программа по защите социальных нужд неимущих и безработных, малообеспеченных слоев населения,- пояснил продавец.

- Хорошо бы такую программу задействовать в полную силу и у нас,- выразил пожелание Мамия Сергеевич.

- Ну, частично она, в малых масштабах, действует и в нашей стране,- продолжал продавец,- я имею в виду некоторые льготы на электричество, воду, газ, телефон, транспорт, частичное медобслуживание некоторой части населения. А основная часть подчинена принципу саморегулирования: кому помогают близкие родственники, кому - друзья, кому кое-какие гуманитарные и коммерческие службы, щеголяющие подачками под флером благотворительности, ну и, конечно же, воровство, хищения, мелкие и крупные, к сожалению, увы, процветающие в последнее время таким пышным цветом.

- Да, об этом пороке лучше вообще не заговаривать,- согласился Мамия Сергеевич,- он принял у нас в стране и впрямь катастрофический характер. Он, как чума, разрастается, втягивая в свои сети все больше и больше людей, и в большинстве молодое поколение.

Прозвучал неожиданный гулкий сигнал полицейской машины.

- Вот одна из многочисленных наших надежд на борьбу с воровством и всевозможными правонарушениями,- с гордостью процитировал Мамия Сергеевич.

- Да уж,- протянул продавец,- каков сигнал, таковы и надежды на них!

- Ну, почему же! Сигнал у них, что надо,- возразил Мамия Сергеевич,- глухой, но прекрасно слышный. И, что самое главное, из одного конца города в другой. Напоминает горожанам о том, что страж порядка не спит, а находится на непрерывном посту. И если еще учесть, что новейших полицейских машин в страну завезли столько, что, пожалуй, можно понадеяться на некоторые оптимистические прогнозы по исправлению криминогенной ситуации. Не думаю, чтоб она затянулась слишком надолго. Вон сколько успел сделать новый президент за короткий срок. Возможно, и дальше дела пойдут на поправку?!

- Хорошо, что вы оптимист,- засомневался продавец,- но страну так быстро поставить на ноги трудно. Мы слишком долго и основательно все ломали и крушили.

Беседа продлилась несколько времени, и вскоре Мамия Сергеевич с покупкой направлялся на машине в сторону рынка, прикупить и прихватить нужных продуктов.

На подступах к территории рынка некая полоумная женщина, видимо, раздраженная сегодняшней неудачей, рьяно мела тротуар, бранила правительство, обвиняла его в бедствиях большей части населения, используя при этом имеющийся у нее на вооружении немалый арсенал нецензурных словечек.

Внезапно она остановилась, поднялась на носки, вытянулась во весь рост и, выудив из кармана фирменный металлический полицейский свисток, дунула в него и призвала прохожих приостановиться на минуточку, чтобы выслушать торжественный свист в честь Сталина!

- Он бы такого никогда не допустил,- визжала она,- он бы всех вас до сих пор бы...

Послышалась триада свистов, небольшая пауза и снова триада.

- Пивная заглушка, пивная заглушка,- послышался голос идущего мимоходом бедно одетого мужчины солидного возраста, с прозрачным пакетом, полным красных вареных раков в одной руке и полупустым рюкзаком в другой.

По частично высвобожденной проезжей части улицы гнал свою трехколесную пустую металлическую тачку носильщик, время от времени налегая животом и всем телом на заднюю часть каркаса тачки, так что два передних ее колеса приподымались и она катилась вниз по наклонной асфальтированной дороге на довольно-таки большой скорости.

- Дорогу, дорогу!- покрикивал возчик, остерегая пешеходов и высвобождая тем самым колею для своего транспорта.

Внимание Мамии Сергеевича на одном из рыночных прилавков привлек металлический наперсток, используемый при шитье, и он по копеечной цене купил его.

«Пусть будет в доме. Это теперь дефицит. Недавно понадобился, хватились, ан нигде нет. А все я виноват, мое дело покупать-приносить, а их пользоваться».

Далее взор Мамии Сергеевича остановился на сухой фасоли-лобио. Чтобы взять несколько килограммов, как было не прицениться, поторговаться. Сторговались, и пока продавец взвешивала товар, он теребил на указательном пальце давешнюю покупку.

- Что это у вас?- любопытствовала торговка.

- А-а, это,- протянул Мамия Сергеевич,- наперсток для шитья.

- Хо-хо!- прямо как Эллочка Щукина воскликнула продавщица.- Какое пикантное ювелирное изделие! Вы знаете, моя свекровь уже давно просит меня приобрести такую вещь, но я никак и нигде ее не могу найти в продаже. Можно поддержать?

Мамия Сергеевич машинально протянул руку с наперстком продавщице, которая, сверкая глазками, в восторге рассматривала изделие.

«Отдаст, пожалуй, за него все, что ни попросить»,- почему-то подумалось Мамии Сергеевичу.

- Ну, ладно, так и быть, дарю его вам,- немного поколебавшись, объявил он.

- Правда?!- радостно воскликнула торговка,- спасибо вам большое. Вот вам ваша фасоль. Пожалуйста! Возьмите и сдачу.

Мамия Сергеевич прикинул сдачу, по которой выходило, что, хоть он и сторговался, но цена осталась прежней.

«Вот, жадюга, а? И содрала по полной, и об ответном жесте и не подумала».

Впрочем, огорчался Мамия Сергеевич недолго. Его мыслями завладела покупка, из которой Манана Георгиевна умела сотворить такое, от чего можно было пальчики облизать, а потом долго-долго вспоминать и мечтать. Характер характером, а готовить она мастак.

Фасоль для нас, что пироги для России. Во все времена была спасительницей и заслуживает прямо-таки памятника, монумента.

«Главпродукт, русское качество, отменный вкус»- возвышался неподалеку от входа на рынок рекламный щит.

- А-а,- протянул Мамия Сергеевич,- накрылись котята. Соскучились по доброкачественной пище. Так вам и надо, продолжайте есть недоброкачественную с добавками из группы «С», всевозможными красителями и эмульгаторами. Будете здоровее и долговечнее. Не хотели молочка и сыра натурального, так вот вам,- почему-то распалился он вдруг.- Эшелонами шли сюда товары, продовольствие, оборудование, стройматериалы, а теперь вот лапу сосите евросоюзную.

Угрюмо понурившись, он сновал по проходам между рядами прилавков.

Тем временем его так же настроенная супруга- Манана Георгиевна перебирала в своей комнате на работе папки дел в поисках нужной фамилии.

- Может быть, вы все-таки забрали его дело?- обратилась она к ожидающей ответа высокой женщине средних лет.

- Да нет же! Забрала, но тут же вернула вам, - уверенно отвечала ей та.

- Ну, не знаю,- терлась Манана Георгиевна,- дела вашего отца здесь нет, поищите в другом отделе.

- Где же в другом, когда я его отсюда не выносила?

- Ну, откуда я знаю!

- А кому же тогда знать?

- Если не верите, подойдите сюда и поищите сами,- предложила Манана Георгиевна.

- Я лучше зайду к вашему директору.

- Идите.

- Чего ей?- поинтересовалась у Мананы Георгиевны коллега из-за соседнего стола, когда просительница вышла.

- Да не знаю. Несколько раз забирала у меня дело своего отца и, наверное, где-нибудь оставила. А требует у меня.

- Ну, ладно, не нервничай, найдется. Где-нибудь завалилось.

- Найдется, конечно. Но видите, какая нетерпеливая.

- Нагоняй от шефа, наверно, получим.

- Ну и пусть, в первый раз, что ли? Да его, кажется, сейчас и нет у себя,- отмахнулась Манана Георгиевна.- Зато какую интересную газету старую я откопала.

- Какую газету?- полюбопытствовала коллега, ставя кофе на двоих, для себя и Мананы.

- Вот, пожалуйста, «Комсомольская правда» за четырнадцатое мая две тысячи первого года.

- И что же там?

- Вот, погляди!- показала Манана Георгиевна на заголовок «Соловьи поют в Москве, но их никто не слышит», над материалом о том, что нынешние влюбленные предпочитают совсем иные песни.

- Это какие же?

- Вот прочту и скажу!- отпила Манана Георгиевна пару глотков горячего кофе.

- На тебе и кусочек шоколада,- подтолкнула к ней блюдце коллега.

- Ага, спасибо,- поблагодарила ее за все Манана и, уткнувшись с нетерпением в статью, главное место в которой было отведено фото обнимающей панка, постриженной под мальчишку девушки с обширной татуировкой на руке, чипсами на губах и на носу и несколькими парами серег на ушах и виртуальному рейтингу лучших песен о любви.

Перечислялись современные хиты и отечественные и зарубежные исполнители.

«А соловьев эти влюбленные детки, наверное, всех повыловили, пожарили и съели,- с опасением отмечал автор статьи, торопливо спускаясь вниз по Воробьевым, чтоб отдохнуть от «этих обалдуев», чьи взвизги и выкрики по мере удаления становились все слабее и слабее.

Зато из зарослей парка все яснее слышались трели соловьев, вызывая недоумение, кому пришло в голову назвать Соловьиные горы Воробьевыми».

С сожалением констатировался факт того, что «соловьи и прочая романтика нынче не в моде».

- Да-а,- протянула Манана Георгиевна,- не знаю, не знаю, а вот мои девочки по-прежнему клюют на эту романтику.

- Ну-ка покажи, Манана,- попросила коллега.

- Вот, посмотри!- протянула Манана газету.- Но когда прочтешь, верни мне, отнесу ее своим девочкам.

- Верну, конечно, но зачем она твоим девочкам? Что, они тоже увлекаются соловьями?

- Да нет, не они, а их поклонник,- встала Манана Георгиевна навстречу неожиданно показавшемуся в дверях начальнику с давешней жалобщицей.

Она не без волнения приготовилась объясняться, но начальник сам остановил ее.

- Я все уже знаю и объяснил гражданке положение дела. Выдайте ей нужные справки, а к ее следующему приходу мы все подготовим и одолжим ей на время документацию.

- Какой наш новый шеф молодец!- в один голос восхитились, снова оставшись вдвоем, коллеги.- Какой сообразительный и тактичный.

- Новые кадры нового президента!- с гордостью отметила Манана Георгиевна.

- Да, сейчас, как говорят, на руководящих постах везде вот такие умные, смекалистые ребята из его команды. Старых сорока-сорока пяти лет не держат. И все честные, толковые, знающие дело.

- Может, и продвинут с такими кадрами наши дела вперед? А?

- Посмотрим. Впрочем, одни кадры решают не все, хотя и многое. Возможно, нужна еще и материально-техническая база. Всем нам нужен компьютер на столе, современный, персональный, и никакие дела у нас исчезать не будут.

- Но тогда всех нас, не знающих компьютера, с работы попросят,- взволновалась Манана Георгиевна.

- Ну, почему же всех,- поправила ее подруга,- тех, кто компьютера не освоит.

- Куда мне в мои годы его осваивать,- еще пуще расстроилась Манана Георгиевна,- мне бы пару годиков до пенсии дотянуть, а там пусть будет, что будет.

- Ну, до вашей пенсии нам компьютеров не видать, а уж там...

К удивлению, откуда не возьмись, появились цыгане, мужчина и женщина, с большими сумками, образцами товаров, предложили купить их, от чего обитательницы рабочей комнаты напрочь отказались.

- Вот народ! Умный, практичный, энергичный!- подметила Манана Георгиевна.- Все успевают. Детей кучу растят, скоро, наверное, по численности населения догонят и перегонят нас, потом глядишь и вовсе займут весь город.

- В наше время ничему удивляться нельзя,- согласилась коллега.

- Сколько себя помню, они всегда вели коммерческую деятельность, которую в стране начали осваивать недавно,- восторгалась Манана Георгиевна.

- А интересно, как они выкручиваются из нынешних сложностей? В условиях такой жесткой рыночной конкуренции?!

- Да не волнуйся, выкручиваемся мы, а они свое дело знают.

- Удивительный и очень интересный народ,- пришлось подтвердить сотруднице,- только вот к матерщине склонны, самому грязному сквернословью. Вот кто и вправду антисоловьи. Такое услышишь, уши завянут. У нас в школе они обычно не долго учились. Кто уходил в торговлю из третьего класса, кто кое-как до восьмого дотягивал.

Помню, была у нас одна в восьмом классе, «последняя из могижан», из двоек не вылезала. Вызывали родителей, а они все не шли и не шли. Уже потом, гораздо позже, отец ее долго выслушивал упреки в адрес дочери, молчал, пожимал плечами, а под

конец, не сдержавшись, крикнул учительнице: «Какое время учиться, когда открылся очередной сезон торговли». А ведь тогда еще советская власть была.

- Это да! Раз, сравнительно недавно, мы с Мамией ехали поездом из Батуми в общем вагоне. Подсела целая толпища цыганок и несколько цыган. Дело шло к ночи, все раскладывали постели, готовились ложиться спать. Так вот... Сама понимаешь...

Вечером Мамию Сергеевича дожидались с работы допоздна и уже начали волноваться. Не привели к следу и несколько контрольных и проверочных звонков к родне, сотрудникам и знакомым.

Манана Георгиевна не отходила от телефона. Натали, в надежде услышать хотя бы сообщение, сидела у телевизора, а Эка, не находя себе места, металась из угла в угол, обходила все комнаты, бросалась на малейший шорох к дверям.

- Ну, как там? Ничего нового?- то и дело допытывалась Манана Георгиевна у своей старшей дочери.

- По передаче «Видеопатруль» рассказали об операции спецназовцев под кодовым названием «Жужуна две тысячи четыре»,- сообщила Ната,- в городе задержали двадцать восемь проституток, доставили на специальных полицейских машинах в «вендиспансеры», где провели бесплатное медицинское обследование, в результате которого выяснилось, что двадцать из них заражены тяжелыми венерическими заболеваниями. А вот и они,- указала Ната на экран телевизора с дальним планом высадки задержанных женщин полицейскими.

- О Господи,- взмолилась Манана Георгиевна,- надеюсь, Мамии среди них нет,- уткнулась она в экран.

Ната и Эка едва сдерживали смех.

Позже показали, как спецназ разгонял продолжительную манифестацию женщин, которые в свою очередь жаловались на жестокое обращение, применение ужасных резиновых дубинок. В ответ на это начальник спецназа с возмущением заметил перед камерой, что не будет допускаться своеволие даже женщин-беженок из районов недавних боевых действий.

В ряды манифестантов затесались и мужчины, в основном тоже беженцы.

Манана Георгиевна пристально вглядывалась в каждое лицо перед камерой и на экране в надежде хоть где-нибудь случайно увидеть супруга.

- Да поехал, наверно, куда-нибудь кутить вместе с друзьями,- урезонивала Эка своих домашних, но отнюдь не себя.

- И не сообщил об этом нам?- сомневалась Манана Георгиевна.

- Ну, может быть, не успел?- предположила Эка.

- А почему отключил свой мобильник?- резонно возразила ей Манана Георгиевна.

- Может, украли у него или потерял?- задавалась вопросом Ната.

- Да мог он, мог как-нибудь сообщить!- все больше волновалась Манана Георгиевна.- Нет, здесь дело серьезное, и в полицию пока сообщать не хочется. Подожду до утра, ну, а если... то придется...

- Ай, оставь, мама, приедет, не маленький! Не беспокойся...

Явился Мамия Сергеевич после двенадцати, немного навеселе, немного запыленный и взлохмаченный, слегка даже ободранный. Манана Георгиевна в ужасе завопила, увидев его в таком виде.

- На кого ты похож?! Ты только посмотри на себя в зеркало, Мамия!- взывала она, пока девочки радостно обнимали отца.

- А что? Не так уж я плох. Не правда ли, девочки?- попытался заручиться хоть какой-то поддержкой Мамия.- Пошел вон, старый козел, дали они мне пинка под зад. Но разве я так уж стар, если даже и впрямь козел? А, девочки?- не соглашался с невидимым противником Мамия Сергеевич, искоса поглядывая в зеркало и немного приводя себя в порядок.

- Кто это они, папа?- в один голос вскричали Ната и Эка.

- Как же ты, такой пьяный, вел машину?- выдвигала резоны Манана Георгиевна.

- Вел машину! Я пришел с моря пешком,- с усмешкой сообщил Мамия Сергеевич.

- Как пешком? А машина где?- обескураженно спросила Ната.

- А машину, доченька, увели мировые ребята... и приказали мне молчать, если хочу жить.

- Как увели?- оторопела теперь уже Эка.

- А вот так, вот! Увели, и все! Увезли точно так, как вы пригнали свою машину.

Мамия Сергеевич был выпивши не настолько, насколько имитировал поведение такового.

Автоматически сработала защитная система его организма. Чтоб не впасть в нервно-психологический шок от случившегося грабежа, он перевел стрессовое состояние в юмористический, философский ряд, вызывая в памяти давнюю лекцию преподавателя философии на примере гибели в открытом море корабля с впавшими в панику и истерию людьми рядом со спокойной и сытой свиньей, при виде которой философ воскликнул: «Вот истинный философ!»

- Главное, что ты вернулся живой, целый и невредимый,- пришла к заключению Ната.

- Это значит, что вторая машина была для нас лишней, и Всевышний забрал ее,- нашла объяснение случившемуся Эка.

Все замерли в оцепенении, не в силах оторвать от нее взгляд.

-Нет, я этого так не оставлю! Я тотчас же сообщу в полицию!- бушевала Манана Георгиевна.

- Оставь, мама! Не надо. Я уступлю папе свою машину,- сдерживала ее пыл Ната.

- По телефону им все равно всего не объяснишь. Надо пойти туда и рассказать все подробно,- словно смиряясь и покоряясь, все тише возражал Мамия Сергеевич,- а я сейчас никуда идти не в состоянии.

- Ничего, зато они в состоянии прийти к нам!- настаивала Манана Георгиевна.- Не вмешивайтесь, я сама прекрасно знаю, что и как делать.

- Караул, грабят, насилуют, убивают!- завопил вдруг попугайчик, когда его подружка Шерри клюнула его в голову и согнала с жердочки на боковой стенке клетки.

- О, чижик, привет,- обрадовался Мамия Сергеевич, бросаясь к птицам.

- Па, какое время!- строгим тоном остановила его Ната,- пойдём, приведешь себя в порядок.

- Постой,- остановил дочь Мамия Сергеевич,- всего минутку,- пообещал он, и, словно воспользовавшись тем, что его супруга отправилась звонить по телефону, подбежал-таки к клетке:

- Шерри, что это ты себе позволяешь? Не смей обижать моего любимчика чижика, иначе я вытурю тебя из клетки. Между прочим, чижик был у нас раньше, а потом уж, гораздо позже, появилась и ты. И запомни, что женщина была создана для мужчины, а не наоборот.

Эка удивлялась и присматривалась к отцу, восхищалась тем, как пытался он облегчить им восприятие случившегося, прикинуться беззаботным. Дочки проводили его в его комнату. А через полчаса он уже, тоже пошучивая, подробно рассказывал, как все произошло, а Ната и Эка прислушивались к повествуемому, ужасаясь и замирая сердцами.

- И ты веришь, Манана, что эти молодые ребята смогут что-нибудь сделать? Обнаружить или задержать этих вооруженных до зубов бандитов? Да они...

- А что ты предлагаешь? Сидеть, сложа руки?- напирала Манана.

- Я сейчас сделаю нужный звонок, гораздо более веский и результативный, нежели расспросы этих хлюпиков.

- Не надо оскорблять молодых ребят, папа,- вспыхнула Эка,- тебе понравится, если так отзовутся обо мне?

- Нет, конечно же, нет,- засмутился Мамия Сергеевич,- ребята хорошие, симпатичные. Просто я не верю в результативность их работы... Старые кадры выглядят куда более надежными. Ну, так вот я сейчас сделаю один нужный звонок... если он поможет, поможет, а нет, так...

Ночной переполох в семье затянулся почти до утра.

А утром Мамия Сергеевич, поднявшись ото сна, долго звонил по телефону и лишь после этого вышел из дому.

VIII

- Улю-лю-лю-лю-лю! Улю-лю-лю-лю-лю! Улю-лю-лю-лю-лю...

- Вот заладили с утра!- чуть приоткрылись спросонья глаза, обращая свой взгляд на налетевший живой будильник. По законному, крытому металлическим листом, подоконнику вольно сновали, то и дело взбегая на глиняные горшки и топча в них цветы, дикие голуби.

- Это еще что за новость?- прозвучал из глубины комнаты нежный женский голос.- А ну марш отсюда оба!

Горлицы мгновенно переметнулись на крышу дома напротив.

Девушка следила взглядом за их полетом, пока не заметила пристальный взгляд из противоположного окна незнакомого мужчины.

«Интересно, а этот чего уставился?»- удивилась она, впрочем тут же спохватившись при взгляде на свою ночную рубашку.

«Ох, уж эти мужские глаза, так и бегающие по девушкам»,- капризно задвинула она плотную штору, быстренько нырнула под легкое одеяло, повернулась спиной к окну и полностью подчинилась непреодолимому желанию доспать.

Через некоторое время из-за спины от подоконника снова послышалось воркование прилетевших горлиц.

«Должно быть, цветы мои понравились,- вслушившись, приподнялась девушка на локотке,- подумаешь, они всем нравятся, кроме моей матери и Наты, да и те их недолюбливают лишь потому, что за ними нужен кропотливый уход. Но зато сколько радости и нежности они способны подарить человеку».

Она решила не отгонять горлиц, а втихую понаблюдать за ними и выяснить их намерения. Заодно углубилась в не впервые набегающие мысли о том, насколько все в этом мире взаимообусловлено и взаимосвязано тончайшими, невидимыми

человеческому глазу, нитями, и даже случайный разрыв их может внести в мир хаос и дисбаланс.

- Каков человек в малом и одном деле, таков он и в большом и другом, и неизвестно, когда и чем может обернуться содеянное и замысленное в данную минуту.

Человек участвует в своем домостроении как на небесах, так и на земле, и в зависимости от того, какой камень, блок и кирпич он вложит в стены своего будущего здания сегодня, завтра, каждый день, каждый час, с каждым деянием, помыслом или поступком, такой дом в конце концов и получит.

«Человек приходит в мир, как в мертвую жизнь или как в живую смерть?»- задавалась она странным вопросом и сама отвечала себе: «Наверное, и в то, и в другое».

«Невозможно все-таки нынче жить в миру, ибо хочешь ты этого или нет, избегаешь или не избегаешь ловушек, все равно нет-нет, да и попадаешься в них».

«Нет, я больше так не могу,- поймала она себя на мысли,- попадаться каждый раз, а потом снова и снова каяться в содеянном».

«Невозможно сегодня жить в миру не по-мирски,- твердо заключила она для себя.- У каждого свое место в жизни. Мое место там, в монастыре. А вот их здесь,- добавила она, заметив, как горлицы принялись носить прутики, стебли, соломинки к облюбованному в углу подоконника местечку.

«Вот паразиты, а?- улыбнулась она.- Хоть бы разрешения попросили. Бесцеремонные!»

Церемонной стала скорее она сама. Ходила, поднявшись с постели, с опаской, чтоб не спугнуть как-нибудь птах, не отворяла дверей, не касалась предметов.

«Если здесь вылупятся птенцы, они будут и моими детьми».

На утро следующего дня она обнаружила за окном уютное гнездо, на доньшке которого пестрело и переливалось небольшое светлое яичко. Безмерная радость залила все ее существо.

«Ну, все, теперь ты моя, и никуда от меня не денешься,- думала она про горлицу.- Прилетишь и будешь со мною. Не оставишь свое еще не вылупившееся дитя. А цветочки я, пожалуй, все уберу, кроме того, в который упирается гнездышко».

Осторожно, по-одному, она перенесла свои цветы с внешней стороны подоконника на внутреннюю, все под тем же неотступным взором незнакомого мужчины из дома напротив.

- Ы-ы,- высунула она ему язык и состроила гримасу, перетаскивая уже, правда, последний цветок, в ответ на что последовала широкая улыбка.

«Интересно, кто это такой» Вроде не сосед, не помню такого. Наверное, гость соседей».

Зазвонил телефон, ее подозвали к трубке. Звонил Леван, и разговор был тяжелый, тягучий и долгий. Она отказала ему в свидании с прицелом на встречи вообще.

«Кретин,- подумала про себя и тотчас же спохватилась, поймала себя на грехе отвержении любящего человека.- Куда там, любящего! Не прислушивающегося ни к каким ее желаниям и чувствам. Это сейчас, а потом что будет? У него, как у всякого, впрочем, человека, память, увы, коротка».

«Я - Его овца, и без Него меня никто не получит»,- все тверже убеждала она себя.

«Почему у Наты и Авто ничего не получилось? Потому, что они не связали себя с церковью, не посещали ее. Ну, а как у нас?.. У меня?! Лишь Всевышний соединяет судьбы людей. Самим людям недоступно верное, прочное и долговечное, так как

всякая любовь умирает без Него. Без Творца никто не может быть счастлив. Но и одного только посещения храма недостаточно. Нужно соприкоснуться с Ним, хотя бы через таинство святой евхаристии, по сути же самой любовью.

В церковь люди приходят холодными, а уходят потеплевшими. Вот Левана по направлению к ней продвинуть не удалось. И все пошло кувырком, не так, как хотелось бы ему и мне.

Князь Мышкин воистину был идиотом, и был им потому, что искал любовь там, где ее больше не было, среди людей, общества, суетной земной жизни, пусть даже на фоне красивой природы, а не там, где она обитает, в церкви и отчасти на небе! Может быть даже среди птиц.

Церковь и есть небо на земле,- подумала она вновь.

С новым телефонным звонком на Эку налетела с претензиями по поводу отключения от друзей ее одноклассница.

- Ты знаешь, что утверждают в последнее время психологи» Что к ним сейчас чаще всего приходят люди, которые перестают общаться с друзьями.

- Мне это, поверь, не грозит.

- Но почему? Потому, что ты слишком самоуверенна?

- Я уверена не в себе, а в Нем.

- В ком это в нем? Он появился? Когда?

- Появился, в церкви, и он сильнее любого психолога.

- Да, но,- поперхнулась одноклассница,- не у всех ведь он есть.

- То-то и оно.

- Да, но и друзья...

- И их хочется повидать разом, всех вместе.

- Ну, так давай! Столькие разъехались. Хочешь, чтоб все разбрелись по углам»

- Всеобщая компьютерная сеть Интернет! Только ему и под силу согнать нас.

- Ну, так дело не за горами!

Распрощавшись с одноклассницей, Эка, чтоб рассеяться и кое от чего отключиться, принялась за небольшую уборку в доме.

Через два дня после появления первого яичка рядом с ним обнаружилось и второе, чуть-чуть поменьше.

Высиживала в основном горлица-самка, хотя порой на смену ей прилетал и самец.

Чуть позже Эка начала подсыпать в гнездышко, ближе к яичкам, крошки свежего хлеба.

Высиживали горлицы свои яйца ровно две недели. По истечении же этого времени друг за дружкой вылупились два маленьких птенца, на которых видны были только клювик и глазки, которые не вырастут, не изменятся в течение всей их последующей жизни.

Вот их и обнаружила, сперва одного, а потом и другого, в одно прекрасное утро в гнездышке Эка. Радости ее не было никаких границ.

Она подкармливала горлицу хлебными крошками и подолгу наблюдала, как та согревает и оберегает птенцов.

Нередко к гнезду на подоконнике подлетали и другие нахлебники, в основном воробьи и большие сизые голуби, полакомиться Экиным угощением. И с особым любопытством и азартом наблюдала Эка, как горлица бесстрашно отбивалась от непрошенных крылатых посетителей, резко выпячивала вперед свой надежный клюв и

отгоняла их от гнезда и от птенцов, а случалось, и поклевывала по головкам слишком настойчивых воробьев.

Недели через две птенцы порядком подросли, повзрослели, бесстрашно выбирались из гнезда, вольно прогуливались по недлинному подоконнику и все чаще поглядывали с кромки вниз, на открывающийся окружающий мир, в который так неожиданно-негаданно, помимо желанья и воли попали, с любопытством вглядывались и все отчетливее различали его прелести и недоработки, улавливали несходство земли и неба, упивались прелестной гаммой живой и неживой природы, бессознательно радовались этому ее дару, включившему в себя и адаптацию в этот мир их самих.

Последние дни их обитания в гнезде на подоконнике горлица все чаще оставляла птенцов одних греться на солнышке, перебирать и сушить перышки и прилетала с самцом лишь для того, чтобы подкормить встречающих веселым писком и потряхиванием крылышками отпрысков. Горлица широко раскрывала клюв, и птенчики оба разом чуть не забирались ей в гортань - выуживали уже полупереработанный в пищевом тракте корм.

Одним поздним вечером внезапно набежавший сильный дождь, проливаясь под острым углом, залил было в ранее казавшемся укромным уголке подоконника гнездо и брошенных в нем на произвол судьбы и природы птенцов.

Эка долго воздерживалась, не решалась касаться их, но сострадание, жалость и настоятельные советы домашних побудили ее переступить этот вынужденный шаг.

Она устлала небольшую корзиночку двойным слоем мягкой фланели, осторожно, чтоб не спугнуть птенцов, высунула руку под мощные струи и протянула ее к двум дрожащим, прижавшимся один к другому комочкам. От коснувшейся руки они даже не шелохнулись, видимо приняв ее за тело матери.

«Да уж, матушка,- между тем думала Эка,- куда там! Так и прилетит в эту погоду. Спит небось где-нибудь в укромном и теплом местечке, наверняка с дружком. Ну, да ничего, утром спозаранку примчится покормить и приголубить вас. До утра, однако, как бы вас отсюда не смыло». Она приняла на ладонь еще неподвижный комочек, и он, испугавшись утраты опоры, вздрогнул и затрепыхался. Тревога и страх передались Эке, и ее сердце забило в унисон птичьему. Впервые в жизни она держала в руке живой дух, который, как она вдруг вспомнила, весит по надежным экспериментальным данным американских ученых, от семи до девяти граммов. Она знала, что это число установлено на современных точнейших электронных весах одной из известных научно-экспериментальных клиник в момент, когда уходящий делал последний вздох.

Выбившись из сил в тщетных попытках высвободиться из плена человеческой руки, птенец унялся, притих и явил полное повиновение своей дальнейшей участи.

Эка осторожно высадила его из своей руки в новое, сухое, домашнее гнездышко, посадив к нему таким манером и второго птенца, долго гладила пальчиком, улавливая, как все тверже опираются о донышко корзинки их ножки, и вкладывая во всякое движение любовь и доброжелательность, которую они встретили с большим интересом и пониманием. Потом подтерла их тряпочкой, подула теплым воздухом изо рта, чтоб подсушить легонькие перышки, на что они ответили ей молчаливым сладостным замиранием, неким внутренним прозрением, предощущением того, что ласкают их в первый и последний раз в жизни, и спокойным, мудрым приятием выпавшего на их долю дара.

В суровой мгле подоконника они предавались не сну даже, а полудреме, с закрытыми глазками, а тут вдруг их поднесли к свету прибитого к стене ночника.

Ранним утром за окном Эки раздался пронзительный визг и вопль прилетевшей и не нашедшей своих любимых чад горлицы-матери.

- О! Явилась, не запылилась,- показала ей Эка сквозь стекло язычок,- а где ты была, когда твои детки мокли здесь под дождем?

Горлица с нарастающей тревогой металась по подоконнику.

Эка подняла корзинку со стоящими на ножках в гнездышке птенчиками и подкатила ее к стеклу за старым гнездом. Горлица в страхе вспорхнула, отлетела от окна, но вскоре вернулась и, найдя возвращенных Экой на прежнее место птенцов целыми и невредимыми, деловито принялась кормить их из клюва. В этот день она прилетала и позже, во второй раз, но одного из отпрысков уже не застала. Тот отважился покинуть гнездо несколько прежде времени, дав понять Эке и матушке, что вслед за ним не замедлит слиться с небом и твердью и его братец.

Днем Эка не решалась открывать окно, чтоб не спугнуть еще остающегося и уберечь его от соблазна, но зато на обе ночи забирала его к себе. В последнюю была особенно с ним ласкова, тербила, гладила по головке, над клювиком, по спинке и что-то шептала. Птенец похлопывал крылышками, казалось, внимательно слушал и млел от истомы.

Под конец беседы с птенцом, который уже было поверил, что родился лишь для того, чтобы всю жизнь по вечерам, при свете настенного ночника, болтать с Экой, а днем бегать взад-вперед по подоконнику, порой поднимая призывающий матушку писк, Эка отыскала сохранившееся у нее кольцо для кольцевания птиц, некогда подаренное Авто ее сестре Нате, но потом оставленное им же на высокой стене одной из могил неподалеку от неотделанной кирпичной стены церкви.

Птенец оказался первой окольцованной ею птицей. Подрезав ножницами лишнюю часть пластинки кольца, она сперва пальцами, а потом тоненькими плоскогубцами прижала его, чтобы окова свободно обволакивала ножку и не очень теснила ее.

- Ну, вот ты и окольцован,- наставляла Эка птенца на прощанье,- завтра утром улетишь, и я вновь останусь в своей комнате одна. Лети с миром, лети в мир, лети в небо и сообщи всем, что хоть любовь в людях и угасает, но пока еще все-таки тлеет и искрится в их душах, и надобно умело раздувать угольки, чтоб, как говорил в одно время великий вождь большевиков, «из искры возгорелось пламя», и, может быть, потому и к нам в город все чаще и чаще прилетает множество диких лесных птиц напомнить об истоках, о прошлом, когда любовь была куда искренней и горячеей.

Утром следующего дня Эка встала раньше обычного, чтоб не упустить момента отлета птенца. Тот уже не на шутку набегался по подоконнику и даже умудрился вспархивать на невысокую кромку.

Подросла к птенцу и родительница с подкреплением перед его вылетом в просторный соблазнительный, но отнюдь не простой и не легкий мир. Тот слетел к ней, полакомился, получил последний урок перед важнейшим своим первым взлетом и обвел прощальным взглядом свою матушку.

«Сейчас взлетит,- ждала Эка, высунувшись далеко вперед за окно. Птенец посучил ножками, похлопал крылышками, пригнулся, напрягся и... вдруг в самом деле взлетел, полетел в сторону ближайших веток высоких, старых, пятидесятилетних тополей, шелестящих крупной густой листвой. Опустился и уселся на видном месте. Эка выбежала в лоджию, к окнам во двор, в сад, легко обнаружила сидящего с гордым и

довольным видом на ветке питомца. Тот вертел головой, призывая окружающих поглядеть, какой он храбрый, решительный и красивый.

Эка долго не отрывала от него взгляда, в душе напутствуя и благославляя.

- Лети! Лети и помни, что на твоей ножке кольцо Авто, единственного, кому вы, птахи, были дороже собственного счастья и жизни.

IV

Эка поймала себя на слове «были» в прошедшем времени.

«Потому что были,- задумавшись, с горечью прошептала она, и из глаз ее непроизвольно выкатились слезинки.- Я уступила его, сначала сестре, а потом Всевышнему,- замерла она на мгновение,- но... ничего... скоро и я явлюсь к творцу и там, у Него, встречу его. Там он будет моим и я никогда уже никому и ни за что его не уступлю».

Горлица долго еще прилетала по утрам к окну Эки, носилась по подоконнику, словно в знак благодарности, старалась привлечь ее внимание или поймать ее взгляд, взлетала на верх решетки, постукивала по стеклу, будто всякий раз призывала следовать за собою в полет.

«Знаю, знаю, что я скоро покину свой дом,- с готовностью отзывалась ей Эка,- но мне нужно кое-что здесь доделать!»

Эка и в самом деле что-то доделывала, часто отлучалась с работы, замкнулась, почти ни с кем не общалась. Бывала только в церкви, но и помимо нее целыми днями и ночами отдавалась молитвам, чтению Священного писания и книг по теологии. Получила благословление батюшки затвориться, но дома о своем решении не упоминала, и домашние знали лишь, что она собирается ненадолго съездить в ближайшую обитель.

В последнюю ночь она молилась дома перед образами дольше обычного. Стояла коленопреклоненная с зажженной свечой в руке в мягком свете лампад, и ночное бдение укрепляло ее в принятом решении.

«Он там, он с Ним, так где же быть мне?..»

Неведомое и невидимое вливалось в ее сердце, душу, заполняло их и теплом растекалось по всему телу, смывало горькое сожаленье о том, как грубо обошлась сестра с подаренной ей любовью, и взывало к прощению. Ее слегка сотрясло, блаженство нарастало с каждой минутой и секундой сладкие слезы градом полились из глаз, дыхание стало широким и вольным:

- Прими меня, Господи...

Наполнившая ее вдруг странная сила дала ощутимый толчок, и она со страхом осознала, что отрывается и слегка поднимается над полом, почти зависла в воздухе и наконец поплыла. Попыталась осмыслить происходящее, сумела осознать, что касается ногами подоконника, и отпрянула назад.

- Почему же ты испугалась и усомнилась?- прозвучал где-то рядом тихий смиренный голос.

Удивленная, недоумевающая, в виду открывшегося простора под подоконником, она быстро спрыгнула на пол.

Недавно испытанные чувства вдруг покинули ее и сменились опустошенностью.

На рассвете, выглянув из окна лоджии в сад, она заметила стайки обсевших деревья изумительно красивых изящных щурок, и еще яблочков, видимо опустившихся на привал перед дальним полетом.

Эка сделала последнюю, как ей сейчас представлялось, запись в своем дневнике:

Жить в миру
Не по-мирски
Стало для меня
Невозможным.
И я решилась!

Прошу, дорогие,
Не судить меня строго!
Цель жизни вижу
Лишь в единении с творцом!

Выезжая на автобусе из пределов города, в котором родилась, исполнялась высшего блага, уловила она дорогие слова всем известной песни: «Как прекрасен этот мир...»

Повинуясь призыву, оглянулась, взглянула на уплывающий город, но сразу потупилась и три раза осенила себя крестным знамением.

Х

Время шло быстро. Вначале никаких особенных изменений в семье Мамии Сергеевича не происходило. Ему так и не удалось найти угнанный вооруженными бандитами в масках свой любимый коричневый «ОРЕЛ». Теперь он ездил на машине, которую уступила ему старшая дочь Ната.

Эка изредка звонила, но возвращаться домой явно не собиралась. Манана Георгиевна глубоко это переживала и не осушала слез. До сведения Мамии Сергеевича и Наты дошло, что Эка твердо решила принять постриг и полностью посвятить себя творцу, но Манане Георгиевне, все еще надеявшейся поняньчить дитя своей Эки, они об этом не говорили, более того, всячески от нее скрывали.

Но главный сюрприз Мамию Сергеевича и Манану Георгиевну ждал еще впереди. Их старшая дочь Ната, к концу года, в один прекрасный вечер заявила, что выходит замуж за Вахо, за свою первую, школьную любовь, а сейчас уже вдовца.

- В жизни каждого человека есть только одна настоящая любовь, остальное все варианты,- напомнила она родителям слова Фуко.

- Хорошо, Авто ты забраковала по каким-то личным соображениям! Ну, а как же Гиви Досифеевич?- поинтересовался у нее отец.

- Папа, он не собирается на мне жениться,- сухо отрезала она,- говорит, что ему и так хорошо со мной. Тянет, все больше и больше обременяя меня своими заботами. Неплохой в принципе человек, но у меня своя жизнь.

Ната настояла на своем, вышла-таки за Вахо, и вскоре укатила вместе с ним и его детьми в Америку.

- Извини, папа,- оправдывалась она перед отцом незадолго до отъезда,- я не могу больше жить в этой стране... ты же видишь... Там мы будем работать, наезжать сюда. Обещаю вам. Конечно же, помогать, звонить и писать.

- Да... но на кого ты оставляешь, доченька, нас, пожилых?- с грустью спросила Манана Георгиевна.

- Полно тебе, мама! Какие вы пожилые? Вы у меня самые что ни на есть молодые, а потом, ма, мы ведь уезжаем туда не навечно, а только на время. Поживем, подзаработаем себе немного, вам будем помогать, а там видно будет, может, и приедем через несколько лет.

- Через несколько лет?- совсем сникла Манана Георгиевна.

На Новый год Эка поздравила родителей по телефону и с удивлением узнала о поступке Наты.

Ната прислала красивую открытку, пару раз звонила и довольно долго говорила с матерью и отцом. Те и радовались, и огорчались, и досадовали.

- Что же получается, Мамия! Мы напрасно прожили совместную жизнь?

- Ну, почему же,- сохранял внешнее спокойствие Мамия Сергеевич,- пройдет некоторое время, наши птенчики вернуться к нам. К тому же я решил начать жизнь сначала, у Авраама и Сарры сын родился в девяносто три года,- шутил он.

- Ай, да ну тебя, мне сейчас не до шуток,- отмахивалась Манана Георгиевна.

- Никто ни перед кем не в долгу... никто никому ничем не обязан...- принимался за душеспасительные назидания Мамия Сергеевич, но вывести Манану Георгиевну из печальной задумчивости не удавалось.- Незаметно для нас девочки выросли. Мы не вправе мешать им жить, как им захочется, в конце концов - заблагорассудится. Все покидают истоки...

Мамии Сергеевичу еще долго предстояло успокаивать и утешать свою драгоценную супругу, подкармливая ее всякий раз новыми надеждами и обещаниями.

XI

Затворничество не тяготило Эку.

В типиконе монастырской жизни, кроме служб и молитв, важная роль отводится и труду, и здесь каждый занимается тем, что умеет.

Труд в своем роде забота о ближних, друг о друге, то, без чего человек подавлен и угнетен.

Но нельзя становиться и рабами труда, и здесь, в монастыре, руководствовались правилом золотой середины, учитывая, что это, прежде всего, божественное соизволение.

Эка любила с благословения матушки посидеть с книгой в руках в монастырском саду, понаслаждаться пением птиц и в особенности своих любимых соловьев, самозабвенно заливающихся по утрам и вечерам. Повторяла строки стихотворения Игоря Северянина, словно написанные специально для нее:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада в любви.

Вспоминала все немногие случаи, когда удавалось послушать вживе соловьиные трели, и приходила к заключению, что именно здесь, в монастырском саду, соловьи поют, как нигде и никогда в другом месте. Всякий раз под их переливы приходил на память Авто, будто бы появлялся где-то неподалеку, с ним можно было говорить, по большей части о встречах и прежних беседах.

Она была убеждена, что если бы все можно было вернуть, она бы поступила совершенно иначе и никого не послушалась. Она отбрасывала эти мысли и обращалась к более устойчивым, исполняющим силы, дающим ей опору - к божьему промыслу, руководящему всем, убеждалась, что все в жизни человека происходит, как происходит, и что в свершение судьбы участвуют три воли: божья, человеческая и вражья. Все больше погружалась в теологию, посещала богатую монастырскую библиотеку, подбирала книги, долго просиживала в читальне за чтением. Совершала прогулки, чаще всего к небольшому пруду в дальней части сада, где плавали белые лебеди и странные, полудикие-полудомашние утки, двадцать четыре крыла, что, по словам настоятельницы, прилетели сюда в конце зимы прошлого года и так прижились, что никуда не улетают. Поговаривали, что они умеют неким образом говорить и общаться друг с дружкой.

Эка приходила с ведерком прикормки и кормила запрудную крылатую дичь, наслаждаясь красотой и грацией ее передвижений по земле и по воде.

От полетов утки отказывались, хоть и могли улететь, словно чувствуя, что лучше места им не найти.

В обширном саду гнездились множество птиц, дятлов, снегирей, щеглов, славков, дроздов, соек, по деревьям бегали белки, иногда забегали из леса пугливые зайцы, при виде людей пускавшиеся наутек. Как-то у пруда внимание Эки привлекло странное продолговатое пластмассовое изделие с красным носом-наконечником и четырьмя небольшими крыльями. Им оказалась ракета с надписью «Бумеранг»

«Бумеранг, который не вернулся», - предположила Эка, оглядываясь по сторонам и убеждаясь, что ниоткуда из близрасположенных мест, почти безлюдных, удаленных от поселений, она запущена быть не могла.

«Нет, - с грустью уверялась она, - не все возвращается на круги своя и не все дороги ведут в Рим, а, напротив, все ведет и возвращается к истокам, из которых мы изошли изначально, и все пути идут к ним, и если мы упрямо не хотим видеть этого и, как слепые котята, не сходим с проторенных самими дорогам, то это уже наша проблема.

Как все имеет итог, так и дорога всегда достигает конечной точки. И человеку следует предусмотреть наперед, к какой конечной цели приведет та или иная колея, и, если понадобится, сумеет перейти на нужную, полезную, необходимую, служащую спасению и воскрешению души.

Не обходили ее и мысли о смерти, о смысле, назначении жизни, и тогда на память ей приходил часто встречавшийся ей человек. Он охотился, рыбачил, строил себе дом, собирался утвердиться здесь. на земле, и даже не задумывался о том, что дом наш на небесах, счастье во Христе, а сам он - вселенская любовь.

И для нее не было жизни без любви.

Она все больше свыкалась с жизнью в обители, а все остальное казалось ей пустым, бессмысленным и бесцельным.

ХП

Жизнь неумоимо приносила новшества в судьбы всех и каждого.

Рамаза Михайловича чувствительно повысили в должности, и теперь он был не кем иным, как заместителем главврача скорой помощи, и хоть теперь не ездил по вызовам, но зато сгибался под тяжестью многочисленных нагрузок, которые с удовольствием свалил со своих на его плечи начальник службы. Забот прибавилось, зато появился отдельный кабинет и две молоденькие помощницы.

Нарушился, правда, привычный режим его жизни, перемешивались и перекрещивались заботы и тревоги по работе и по дому. Донимала, вдобавок ко всему, неугомонная Роза Григорьевна с то и дело рождавшимися у нее идеями, проблемами и наставлениями. Но, докучая, она побуждала его и задуматься над собой, отрезвляла, давала ему, врачу, советы по сохранению здоровья, а раз даже предложила ему меньше кричать на домашних.

«Откуда ей это известно»- удивлялся Рамаз.- Что за странные наблюдения» Может, место жительства переменить?»

Ну, от Розы Григорьевны еще можно улизнуть, а от домашних, это ведь сущий дурдом, и еще эта полоумная Жучка, рычит, кусает и глядит дурным глазом.

Выход один - нужно чаще и дольше бывать на работе, благо причина уважительная - повышение, хоть и там здорово устаешь.

Зато дети выросли, заметно повзрослели, поумнели даже, и он сейчас только в них, пожалуй. находил отраду.

Да случалось еще бывать у Нино и Нукри. У них дела шли по-прежнему, своим чередом. Нино уговорила-таки Нукри и его фирму провести частичные укрепительные работы и косметически отделать здание консерватории, после чего ее утвердили на пост ректора. Стимул оказался очень мощным, у нее появилось множество планов. При всем их разнообразии она не забывала о своей давней хрустальной профессиональной мечте - приобрести хотя бы одну арфу - и уже провела в этом направлении большую работу. Во многом способствовала и радовалась успехам учеников на международных и внутренних конкурсах. Все меньше времени уделяла семье, приучила домашних к большей самостоятельности.

Тяжелее всего приходилось Нукри, который уже начинал было жалеть, что поспешил с ремонтом консерватории. Он работал, как мог, включался в домашнее хозяйство, ездил к Михаилу Давидовичу, который по-прежнему жил своей полной приключений, садовой жизнью, которая слегка замедлялась и сникала зимой, когда он в основном строил новые планы и ждал весны для их выполнения.

Помогали ему в этом большей частью водитель Нукри, Шалва, и порой заезжавшие дети, внуки и внучки.

Иногда спохватывались и вспоминали Авто. О его истинном, реальном, настоящем местонахождении никто толком не знал, а все опирались на информацию-утку, пущенную Рубеном для успокоения домашних и близких о том, что тот уехал работать по контракту то ли в Канаду, то ли в Штаты.

Сам Рубен, воспользовавшись отлучкой своего строгого и доброго друга и шефа, и оставив жену и детей, спешил со свадьбой с Тамилочкой, которая согласилась взять его в третьи и последние, как она убеждала всех, мужа, после прошлогоднего совместного полета на дельтаплане.

В свидетели он позвал Гелу, обещавшего ко дню свадьбы вылечиться и сняться наконец с бюллетеня.

А на афишах одного из крупных драматических театров города появилось название спектакля «Соловьи монастырского сада» по давней пьесе Авто.

ХІІІ

Первые два месяца зимы выдались на редкость теплыми и солнечными. А вот февраль дал о себе знать редкими для здешних мест морозами и снегопадами с затянутого густыми серыми тучами неба. Зато горожанам, к их радости, не пришлось мучаться, в отличие от предшествовавшего десятилетия, нехваткой газа, электроэнергии и воды, и у них чуть-чуть поприбавились зарплаты и пенсии. Забывать немалые трудности, правдо, на время, помогали то перспективные проекты, то чуть увеличившееся количество рабочих мест, то вознесшееся новое здание.

Ну и, конечно же, над городом, как утешение и ободрение, с каждым днем все выше возносился огромный купольный храм - красивейший кафедральный собор Пресвятой Троицы. А вокруг уже гнездились, в каждом дереве, в каждом побеге, возились, устраивались птицы, большею частью певчие, и по утрам и вечерам раздавались и разносились залиvistые, обворожительные соловьиные трели.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая;
Часть вторая;
Часть третья;
Часть четвертая.

- 1 «Кмара» (груз.) - хватит, довольно.
- 1 Эмарт- человек (арм.).
- 2 Намус чунес, эли- имейте совесть (арм.).
- 1 Дамацадет, ме тквен гачвенебт сеирс- погодите, я вам покажу (груз.).
- 1 Швило, ра гинда чемган, амас ме хом ар влапаракоб, чеми рдзалиа-Чего ты от меня хочешь, девочка, это же не я, а невестка моя говорит (груз.).
- 1 Хачапури - грузинское блюдо, пирог с сыром.
- 1 Хинкали- (груз.) национальное блюдо, напоминает пельмени.
- 1 Мацони -(груз) кислое молоко, кефир, йогурт
- 1 Эс инч балика (арм.)- Это что за ребенок
- 2 Чем сирум (арм.)- Не люблю
- 3 Эли (арм.)- Хорошо ну
- 1 Салам алейкум, баджи (азерб.) - здравствуй, сестра.

- 2 Ханума (азерб.) - здесь, жена.
- 3 .Кардаш (азерб.) - брат.
- 1 Джанджал (азерб.) - прижимистый.
- 2 Алал (азерб.) - на здоровье.
- 1 Ду шаш (араб.) - шесть и шесть.
- 2 Се вай ду (араб.) - три и два.
- 1 Тамада (груз.) - человек, ведущий застолье.
- 1 Алаверди (груз.) - здесь обозначает передачу тоста.
- 1 Кеци (груз.)- небольшие глиняные сковородки.
- 1 ЦУП- Центр Управления Полетом.